

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 75
№ 3 (184) 2022
МАРТ

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Тайна усыновления
в семейном праве
постмодерна: новые подходы
к старым канонам

Правовой статус центра
коллективного пользования
научным оборудованием

Право военного времени
как подотрасль
военного права

Диалектика сменяемости
и делимости: заметки
о критериях периодизации
судебных преобразований
в России во второй половине
XIX — начале XXI века

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КСЕНОФОНТОВА Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин — доктор публичного права (Франция), президент Комитас Генциум Франция–Россия,

приглашенный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 75
№ 3 (184)
март 2022

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной

власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 75
№ 3 (184)
март 2022

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Московского государ-

ственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 23.03.2022
Объем 18,48 усл. печ. л. (15,62 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редактор

М. В. Баукина, Е. В. Осикина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector on Scientific Work of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Daria S. KSENOFONTOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Karine BECHET-GOLOVKO — Doctor of Public Law (France), President of the Comitatus Gentium France-Russie, Visiting Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA

Scientific Journal of Law

Vol. 75
№ 3 (184)
March 2022

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS),

University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Nikita L. LYUTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 75
№ 3 (184)
March 2022

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

23.03.2022
Volume: 18,48 conventional printer’s sheets (15,62 author’s sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editor

M. V. Baukina, E. V. Osikina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Колесниченко О. В.** Придание свойства «возместимости» вреду, причиненному здоровью человека, через конструкцию косвенных убытков: проблемы правопонимания и правоприменения 9
- Комиссарова Е. Г.** Тайна усыновления в семейном праве постмодерна: новые подходы к старым канонам 19
- Малеина М. Н.** Правовой статус центра коллективного пользования научным оборудованием 34

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Кондукторов А. С.** Правовое регулирование минимального размера обязательных инвестиций, осуществляемых иностранной компанией при редомициляции в РФ 43
- Михайлов В. К.** Материальное обеспечение судей как гарантия или антигарантия их независимости 53
- Спиридонов П. Е.** Сущность и характеристика административно-процессуальных решений 63
- Сулейманова Ф. О.** Дистрибутивная справедливость и правовое регулирование социального обеспечения 76

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / *JUS GENTIUM*

- Батырь В. А.** Право военного времени как подотрасль военного права 88

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / *CYBERSPACE*

- Сафронов А. Ю.** Использование информационных технологий в суде по уголовным делам 105
- Трофимец И. А.** К вопросу о понятийном аппарате правового института информационной безопасности в Испании 119

МЕГАСАЙЕНС / *MEGA-SCIENCE*

- Соколова Н. А., Теймуров Э. С.** Правовые модели международного научно-технического сотрудничества в области космических исследований 128

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА / *PRO ET CONTRA*

- Большакова В. М., Холиков И. В.** Диалектика сменяемости и делимости: заметки о критериях периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века 142

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Kolesnichenko O. V.** Giving the Property of «Compensability»
to Harm Caused to Human Health through the Construction
of Indirect Damages: Problems of Legal Understanding and Law Enforcement 9
- Komissarova E. G.** The Adoption Secret in Postmodern
Family Law: New Approaches to the Old Canons 19
- Maleina M. N.** Legal Status of a Core Facility for Scientific Equipment 34

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Konduktorov A. S.** Legal Regulation of the Minimum Amount of Mandatory
Investments Made by a Foreign Company during Redomiciliation in the Russian Federation 43
- Mikhailov V. K.** Financial Support of Judges as a Guarantee or Anti-Guarantee of their Independence 53
- Spiridonov P. E.** The Essence and Characteristics of Administrative Procedural Decisions 63

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Suleymanova F. O.** Distributive Justice and Legal Regulation of Social Security 76

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

- Batyr V. A.** Wartime Law as a Sub-Branch of Military Law 88

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Safronov A. Yu.** The Use of Information Technologies in Criminal Court 105
- Trofimets I. A.** On Conceptual Apparatus of the Legal Institute of Information Security in Spain 119

MEGASCIENCE / MEGA-SCIENCE

- Sokolova N. A., Teymurov E. S.** Legal Models of International
Scientific and Technical Cooperation in the Field of Space Research 128

DISCUSSION FORUM / PRO ET CONTRA

- Bolshakova V. M., Kholikov I. V.** Dialectics of Changeability and Divisibility:
Notes on the Criteria for the Periodization of Judicial Transformations in Russia
in the Second Half of the 19th — Beginning of the 21st Centuries 142

Придание свойства «возместимости» вреду, причиненному здоровью человека, через конструкцию косвенных убытков: проблемы правопонимания и правоприменения

Аннотация. Статья посвящена оценке обоснованности подхода к пониманию вреда, причиненного здоровью человека, при котором такой вред в целях обеспечения его «возместимости» фиктивно отождествляется с условным набором потерь, возникающих в имущественной сфере потерпевшего в качестве последствий совершенного правонарушителем деяния (косвенных, опосредованных убытков). Доказывается, что, будучи наиболее часто транслируемым в доктрине российского деликтного права под лозунгами об особой ценности такого нематериального блага, как здоровье, данное мнение не отвечает его истинной правовой природе, а при использовании в правоприменительной практике создает дополнительные препятствия в реализации принципа полного возмещения вреда. С привлечением зарубежного опыта обосновывается, что распространение конструкции косвенных убытков на рассматриваемые правоотношения, а равно придание самостоятельного юридического значения факту наступления неблагоприятных имущественных последствий на стороне потерпевшего в отрыве от содержания физического вреда как фактического следствия правонарушения не служит этому принципу. Отмечается, что широко распространенная в научной литературе формула «восстановление прежнего состояния при причинении вреда здоровью или смерти невозможно» сыграла свою отрицательную роль в теории и практике при определении понятия такого вреда и его возмещения. Предлагается использовать комплексный подход к характеристике вреда здоровью, при котором расстройства отдельных функций организма исследуются не только с позиции наступивших нарушений или ограничений физиологических функций организма, но и в контексте их значения для основных категорий жизнедеятельности человека (способности к труду, самообслуживанию, самостоятельному передвижению, ориентации, общению и др.).

Ключевые слова: вред здоровью; возмещение вреда; косвенные убытки; причинная связь; имущественные потери; физический вред; моральный вред; правоприменительная практика.

Для цитирования: Колесниченко О. В. Придание свойства «возместимости» вреду, причиненному здоровью человека, через конструкцию косвенных убытков: проблемы правопонимания и правоприменения // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 9–18. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.009-018.

© Колесниченко О. В., 2022

* Колесниченко Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
390043, Россия, г. Рязань, ул. 1-я Красная, д. 18
olja_korn@mail.ru

Giving the Property of «Compensability» to Harm Caused to Human Health through the Construction of Indirect Damages: Problems of Legal Understanding and Law Enforcement

Olga V. Kolesnichenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of State and Civil Law Disciplines, University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot
390043, Russia, Ryazan, ul. 1-ya Krasnaya, d. 18
olja_korn@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to assessing the validity of the approach to understanding the harm caused to human health when such harm, in order to ensure its «recoverability», is fictitiously identified with a conditional set of losses arising in the proprietary environment of the victim as the consequences of the act committed by the offender (indirect, vicarious losses). The author proves that, being the most frequently broadcast in the doctrine of Russian tort law under the slogans about the special value of such an intangible good as health, this opinion does not correspond to its true legal nature and, when used in law enforcement practice, it creates additional obstacles in the implementation of the principle of full compensation for harm. Applying foreign experience, the author substantiates that the extension of the construction of indirect damages to the legal relations under consideration, as well as giving independent legal significance to the fact of the occurrence of adverse property consequences on the side of the injured person, in isolation from the content of physical harm as an actual consequence of the offense, does not serve this principle. It is noted that the formula widely used in the scientific literature «restoration of the previous state in case of injury to health or death is impossible» has played a negative role in theory and practice in determining the concept of such harm and its compensation. The author proposes to use an integrated approach to characterizing harm to health, in which disorders of individual body functions are investigated not only from the perspective of the violations or limitations of physiological functions of the body, but also in the context of their significance for the main categories of human activity (ability to work, self-service, independent movement, orientation, communication, etc.).

Keywords: harm to health; compensation for harm; indirect losses; causal relationship; property losses; physical harm; moral harm; law enforcement practice.

Cite as: Kolesnichenko OV. Pridanie svoystva «vozместimosti» vredit, prichinennomu zdorov'yu cheloveka, cherez konstruksiyu kosvennykh ubytkov: problemy pravoponimaniya i pravoprimeneniya [Giving the Property of «Compensability» to Harm Caused to Human Health through the Construction of Indirect Damages: Problems of Legal Understanding and Law Enforcement]. *Lex russica*. 2022;75(3):9-18. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.009-018. (In Russ., abstract in Eng.).

В современном российском гражданском праве в обоснование «убыточной» концепции понимания любого вреда, нанесенного неправомерным поведением, часто отмечается, что возмещение убытков представляет собой такой способ защиты гражданских прав, который доступен практически в рамках любого гражданского правоотношения, имеет, таким образом, универсальное значение и может быть использован всегда, за исключением тех случаев, когда законом или договором прямо оговорено иное¹. Из такого обоснования прямо проистекает понимание вреда как вспомогательной категории, используемой для отражения специфики деликтных обязательств и не несущей при этом иной смысловой нагрузки. Так, в частности, критерием разграничения вреда и убытков счита-

ется натуральный характер первого, отношение вреда к обстоятельствам объективной реальности, где именно вред (равнозначно этому термину — ущерб) причиняется делинквентом или неисправным контрагентом, однако для последующего возникновения имущественной обязанности по возмещению правовое значение имеет не сам вред в натуральной форме, а его денежная оценка, каковую и представляют собой убытки².

Несмотря на то, что глава 59 ГК РФ прямо апеллирует к категории вреда, причиненного личности или имуществу гражданина, очевидно, что категориям вреда в целом и вреда здоровью в частности редко придается самостоятельное правовое значение, поскольку вред либо в принципе лишается весомого со-

¹ Добровинская А. В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 4.

² Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М. : Госюриздат, 1954. С. 365.

держательного наполнения, либо используется в качестве термина, синонимичного убыткам или их части — реальному ущербу. Отношение к определению вреда как условию наступления гражданско-правовой ответственности при этом напоминает принятый во многих зарубежных правовых порядках двухступенчатый тест для установления другого ее обязательного условия — причинной связи. Применение данного теста предполагает на начальном этапе характеристику действий (бездействия) правонарушителя в качестве необходимого условия наступления вреда (т.е. фактической причины), а на последующем, также обязательном этапе — поиск правовых оснований для справедливого вменения такому лицу вредных последствий его поведения (юридической причины)³. В свою очередь, физический вред в целях обеспечения его компенсируемости фиктивно отождествляется с неким условным набором потерь (убытков), возникающих в имущественной сфере в качестве опосредованных последствий совершенного правонарушителем деяния⁴. Будучи наиболее часто транслируемым в доктрине российского деликтного права под лозунгами об особой ценности такого нематериального блага, как здоровье, и о неэтичности самой постановки проблемы возмещения причиненного ему вреда с помощью денежных выплат, такое мнение, однако, закономерно порождает вопрос: отвечает ли представление о косвенном (опосредованном) характере возмещаемого вреда здоровью его истинной правовой природе и не является ли столь акцентированное выражение «заботы» о пострадавшем причиной действия в российском деликтном праве парадоксальной формулы «не возместить нельзя оценить», где запятая выставляется сообразно научным воззрениям большинства исследователей?

Для начала обратим внимание на то, насколько критически относится отечественная наука гражданского права к самой возможности возмещения имущественных потерь, которые

по тем или иным причинам не рассматриваются в качестве прямого следствия правонарушения, и, собственно, в какой степени невосприимчивыми остаются не только научное сообщество, но и судебная практика к классификации убытков на прямые и косвенные (по критерию причинной связи между вредоносным действием (бездействием) и наступившими последствиями). Так, еще Г. Ф. Шершеневич отмечал, что гражданское законодательство может обязать виновника к возмещению только прямых убытков⁵. Такая позиция обосновывалась автором тем, что косвенные убытки создаются не только правонарушительным действием, но и другими случайными обстоятельствами, вследствие которых вред может «неожиданно увеличиваться». Поскольку общая сумма убытков при таких обстоятельствах создается целым рядом причин, отнесение ее в полном объеме на делинквента не представляется обоснованным, хотя бы в отсутствие правонарушения как первопричины совокупные неблагоприятные последствия и не могли бы наступить. Замена случайности на обусловленность «различными привходящими обстоятельствами» позволяет допустить отнесение к категории косвенных убытков возмещаемой пострадавшему упущенной выгоды⁶, однако в большинстве случаев рассматриваемая классификация признается не имеющей ни научной, ни практической значимости⁷.

Наряду со всем сказанным, для обозначения отдаленности отдельных составляющих причиненного вреда от противоправного деяния (действия или бездействия), послужившего катализатором его возникновения, используется не только критерий наличия встраиваемых между деянием и неблагоприятными последствиями случайных обстоятельств, но и представление о предвидимости или непредвидимости отдельных последствий правонарушения⁸. Концепция предвидимости убытков наиболее последовательно обоснована для це-

³ Михайлов В. С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 82.

⁴ Болдырев В. А. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина : учебное пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2006. С. 8 ; Фогельсон Ю. Б. Страхование: теоретические основы и практика применения. М. : Норма: Инфра-М, 2021. С. 46.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права : в 2 т. М. : бр. Башмаковы, 1914. Т. 2. С. 235.

⁶ Архипов Е. П., Макарова М. Э. Особенности подсчетов экономического ущерба от ЧС // Московский экономический журнал. 2019. № 9. С. 246.

⁷ Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Указ. соч. С. 372.

⁸ Васькин В. В. Виды убытков по закону // Советское государство и право. 1976. № 2. С. 49.

лей договорного права; в частности, нормативной базой ее применения считается статья 74 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров⁹. В то время как среди отечественных цивилистов предвидимость чаще относится к субъективной стороне правонарушения и оценивается исключительно в рамках установления вины делинквента¹⁰, данная категория особенно полезна тем, что подчеркивает разницу между отдаленностью неблагоприятных последствий и обусловленностью таковых исключительно случайными факторами.

В самом деле, первоначальное действие (бездействие) делинквента является причиной возникновения вреда, который впоследствии может послужить самостоятельной причиной возникновения и развития дальнейших, причем нередко вполне закономерных неблагоприятных последствий в различных сферах жизнедеятельности пострадавшего, для чего совсем не обязательно воздействие каких-либо внешних сил и тем более случайных факторов. Предвидимость как фактор, оцениваемый при взыскании договорных убытков, часто служит также критерием разграничения типичных (обычных и предполагаемых) и необычных последствий допущенного нарушения, с акцентом на том, что в договорных обязательствах возможность учета предполагаемых издержек создает предпосылки для ограничения размера компенсации лишь разумно предвидимым ущербом, в то время как объем внедоговорной ответственности значительно шире и предполагает возмещение в том числе и весьма необычных составляющих вреда, если таковой причинен непосредственно правонарушением¹¹.

Обоснованно отвергая предвидимость как излишне субъективный критерий, имеющий отношение в первую очередь к сфере психической деятельности человека, нельзя вместе с тем не обратить внимание на то, как отдельные зарубежные правовые порядки обосновывают

пределы возмещения вреда и убытков в зависимости от особенностей развития причинно-следственных связей. К примеру, в английском праве возмещаемыми признаются не только такие убытки, которые обе стороны могли разумно предполагать в момент совершения договора как вероятный результат его нарушения, но и любые убытки, представляющие собой «нормальное проявление обычного хода вещей» исходя из непреложного действия принципов разумности и справедливости¹². Терминологически обслуживающая такой подход правовая доктрина определяет слишком отдаленный (*too remote* — англ.) вред не как причиненный, а как наступивший, отмечая при этом и тот факт, что не только ответчик имеет к нему отношение. Иными словами, при соблюдении обычной последовательности событий, в которую не вмешиваются значимые посторонние факторы и явления, отстояние отдельных потерь от происшествия по времени само по себе не является препятствием для их возмещения при условии, что предвидеть наступление неблагоприятных последствий соответствующего вида и рода мог «разумный человек»¹³.

В немецкой доктрине и судебной практике в спорных случаях наступления отдаленных неблагоприятных последствий вредоносного воздействия для поиска юридически значимой причинной связи используется телеологический прием, согласно которому вред подлежит возмещению лишь в том случае, если причиной его возникновения выступает реализация именно той угрозы, на уменьшение или предотвращение которой было направлено действие конкретной защитной нормы. Иными словами, в каждом таком спорном случае надлежит исследовать и определить, являются ли наступившие отрицательные последствия результатом нарушения законодательного запрета, представляющего в случае его нарушения право на возмещение причиненного вреда, соответствуют ли они тем угрозам, против которых смысл

⁹ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11 апреля 1980 г.) // URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁰ Богданов Е. В. Случай и непреодолимая сила: проблемы правоприменения и дифференциации // Юрист. 2018. № 3. С. 37.

¹¹ *Gilmore G. The Death of Contract*. Columbus : Ohio State University Press, 1974. P. 93.

¹² Ансон В. Договорное право. М. : Юрид. лит., 1984. С. 347–348.

¹³ Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве : учебное пособие / отв. ред. М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2017. С. 124.

и цели данного запрета были направлены согласно воле законодателя. При таком подходе применение защитной нормы, целью которой является предотвращение возникновения вреда личности или собственности, исключает возмещение так называемых «чисто экономических убытков» (*pure economic loss* — англ.), конструкция которых направлена на защиту не конкретного права или блага, но общих экономических интересов граждан и организаций. Руководствуясь данной логикой, юридически значимым, а значит, и возмещаемым вредом в случае повреждения здоровья гражданина являются, в частности, расходы на лечение, но не затраты на оплату услуг адвоката в рамках участия в уголовном деле, поскольку деликтный закон не защищает потерпевшего от таких рисков, так как участником производства по уголовному делу может стать каждый¹⁴.

Столкнувшись с опосредованным характером чисто экономического вреда, каждый правопорядок избирает собственный путь решения проблемы — использует телеологический метод для определения пределов деликтной ответственности, прямо допускает возможность возмещения некоторых косвенных (опосредованных) убытков, руководствуясь принципами социальной справедливости, приоритетами правовой политики, юридической определенности и пр., либо же никак не регулирует указанные вопросы, оставляя их на откуп судебной практики и сохраняя в доктрине базовые теоретические представления о необходимости обнаружения непосредственной (прямой) причинной связи между деянием и наступившими вредоносными последствиями. Обосновываемая отечественной правовой доктриной конструкция вреда здоровью, под которым предлагается понимать имущественные потери, являющиеся следствием причиненного физического вреда, очевидно, очень созвучна чисто экономическим убыткам — за тем изъятием, что его первопричина действительно лежит в воздействии на личность пострадавшего. В то же время законодатель не формулирует специального правового режима для вреда здоровью как для опосредованных финансовых потерь, более того, вне правового поля остаются критерии достаточности мер, предпринимаемых

пострадавшим для их избежания. Наблюдается прямое противоречие — деликтный закон защищает нематериальное благо, а не имущественные интересы, опосредованно нарушаемые в результате его повреждения, тогда как правовая доктрина каждый раз подчеркивает отсутствие возмещаемого вреда при недоказанности факта нарушения таковых.

Применительно ко вреду здоровью § 2 гл. 59 ГК РФ не содержит формулировок о причинении вреда в виде утраченного заработка (дохода), дополнительно понесенных расходов и т.п. действиями (бездействием), причиняющими вред здоровью (повреждающими здоровье), в равной мере указанные потери и расходы не определяются в качестве результата или следствия физического вреда. Наряду с этим, законодатель избегает прямого определения объема и характера возмещения вреда здоровью, раскрывая в ст. 1085 ГК РФ эти категории для «вреда, причиненного повреждением здоровья», что позволяет отдельным авторам предполагать наличие многозвенной причинной связи в деликтных обязательствах данного рода, первым элементом которой служит причинная связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступившим увечьем, а вторым — причинная связь между увечьем и утраченным заработком (доходом) и дополнительными расходами¹⁵.

Воспринимать такой подход для использования в правоприменительной деятельности можно, либо отрицая само существование вреда здоровью без подтвержденных, фактически понесенных затрат и потерь, либо признав опосредованную причинно-следственную связь юридически значимой в возникающих деликтных обязательствах. Каждый из этих путей представляется спорным с позиции законодательства и предшествующего опыта развития частноправовой доктрины. В особенности требование доказательства фактически понесенных затрат и потерь исключает возможность возмещения утраченного заработка (дохода) несовершеннолетнему или безработному, препятствует реализации натуральной формы возмещения вреда в виде прямой оплаты необходимых пострадавшему медицинских или социально-реабилитационных услуг, лишает

¹⁴ Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право : пер. с нем. : в 2 т. М. : Международные отношения, 2010. Т. 2 : Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. С. 604–606.

¹⁵ Гавзе Ф. И. Возмещение вреда, причиненного механизированным транспортом. Минск : Университетское, 1988. С. 7.

пострадавшего гарантий в виде возможности любых выплат на будущее время, отрицает вред здоровью, если последствия правонарушения преодолены за счет развитой системы социальной помощи и медицинского обеспечения — а это, в свою очередь, исключает право регресса для поставщиков социальных и медицинских услуг. Наряду с этим, любая из выработанных отечественной правовой доктриной теорий причинной связи рассматривает вред как следствие правонарушения (противоправного действия или бездействия), а не иных его неблагоприятных последствий — с некоторыми акцентами на нормальность или типичность таких последствий для нарушений данного рода (теория адекватной причинно-следственной связи¹⁶), как необходимость происхождения неблагоприятных последствий от данных нарушений, обусловленную наличием с ними тесных внутренних, а не случайных внешних связей (теория необходимой и случайной причинной связи¹⁷), либо обязательностью такого происхождения в конкретных условиях (теория необходимой причинной связи¹⁸) и др.

Дать ответ на вопрос о правомерности заявления к возмещению имущественных потерь, являющихся следствием причинного физического вреда, могла быть теоретическая концепция, рассматривающая вред как «нормальное проявление обычного хода вещей», катализированного правонарушением, вместе с тем, в отличие от английского права, таковая не развита отечественной цивилистикой, равно как ею не очерчены пределы возместимости последующих неблагоприятных результатов исходя из действия принципов разумности и справедливости. Предлагаемое разделение причинной связи влечет за собой и еще одну опасность: в требовании доказательства причинной связи не между действием и вредом, а

между увечьем и умалением имущественной сферы пострадавшего обнаруживается необходимость исключения целого комплекса факторов и обстоятельств, с которым может быть связано такое умаление (участие потерпевшего в программе оказания бесплатной медицинской помощи, возможность извлечения дохода по другой профессии или специальности или реализации программ добровольного страхования в целях избежания имущественных потерь, получение помощи от третьих лиц и организаций и т.п.). Причем вклад каждого из них может быть весьма значительным, а следовательно, наличие причинной связи в принципе может быть подвергнуто сомнению.

Оппонируя основным аргументам сторонников идеи «неоценимого невозмездимого вреда здоровью», отметим парадоксальную, но от этого не менее очевидную истину (в силу известного парадокса утерянное часто находится прямо на виду): любой деликтный иск, независимо от того, кому или чему причиняется вред, на самом деле не способен откатить ситуацию вспять, «уничтожить правонарушение» и «вернуть мир в состояние равновесия, предшествовавшего деликту»¹⁹. Представление о вреде здоровью как особой разновидности косвенных, или опосредованных, убытков при должном внимании к соответствующей области правового регулирования рано или поздно становится предметом критических оценок и отвергается в процессе правоприменения, о чем свидетельствует мировой опыт. Так, в Италии еще в конце 1970-х гг. под влиянием массового недовольства преобладающим подходом к возмещению вреда здоровью исходя из понесенных финансовых потерь ведущими судами страны были утверждены табличные системы расчета выплат²⁰, в которых определялись фиксированные денежные эквивален-

¹⁶ Например: Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. С. 327 ; Семенова А. Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. С. 18.

¹⁷ Например: Антимонов Б. С. К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1–6 июля 1946 г. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 68 ; Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. 1956. № 7. С. 38–51.

¹⁸ Груздев В. В. Причинная связь в гражданском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 4. С. 79.

¹⁹ Goldberg J. C. P. Twentieth Century Tort Theory // Georgetown Law Journal. 2002. Vol. 90. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=347340.

²⁰ Наиболее популярная — Миланские таблицы, разработанные Центром мониторинга судебной деятельности Милана, другие версии были созданы в Риме, Флоренции, Тривенето, Турине и Лечче.

ты для каждого балла стойкого ограничения жизнедеятельности организма (в зависимости от тяжести такого ограничения и возрастной группы пострадавшего)²¹. Претерпев множество частных уточнений, таблицы продолжают эффективно использоваться сегодня для расчета так называемого биологического вреда, под которым понимается постоянное нарушение физической и психической неприкосновенности личности, количественное значение которого определяется судебно-медицинским экспертом²². Данная категория четко отграничивается от морального (нравственных и физических страданий), экзистенциального (переживаний, обусловленных сокращением продолжительности жизни) и экономического вреда любого рода (в эту группу включены утраченный заработок (доход), восстановительные расходы на лечение и реабилитацию).

В Индии в составе требований о возмещении вреда здоровью, причиненного в результате врачебной халатности, судебной практикой признаны обоснованными требования о возмещении утраты способности к ведению домашнего хозяйства (для лиц, чаще всего женского пола, не осуществляющих трудовую или иную оплачиваемую деятельность на момент травмы и занятых исключительно ведением домашнего хозяйства). Количественная оценка таких требований по общему правилу составляет одну треть от заработной платы или иного дохода работающего супруга²³.

Созвучен приведенным примерам опыт оценки физического вреда в странах исламского права, во многом по причине того, что, основываясь на религиозных источниках, священном предании и их догматическом толковании, суды здесь изначально не были ориентированы на комплексную оценку текущих имущественных потерь потерпевшего, но обязаны были экстраполировать требования из таких источников на современные условия. К примеру, в Саудовской Аравии предусмотренная денежная

выплата за телесные повреждения по шариату — дийя — определена Сунной как представление в 100 верблюдов²⁴ за смерть в результате противоправных действий. В зависимости от характера телесных повреждений дийя может назначаться целиком или в частичном размере до 1/5 от расчетной суммы (полная дийя присуждается при абсолютной потере обоняния или вкуса, удалении непарных органов, дийя в половинном размере — при повреждении глаза, руки и т.п.). Лишь в случае отсутствия в законах шариата критериев расчета выплаты за конкретный вид травмы суды наделены правом самостоятельно определять их самостоятельно, привлекая медицинских экспертов. Несмотря на то, что судебная практика в части возмещения отдельных видов затрат и потерь при повреждении здоровья (утраченного заработка, расходов на лечение и пр.) развивается неоднозначно, а в доктрине остро дискутируется вопрос о том, включена ли компенсация морального вреда в состав дийи или она должна быть назначена отдельно²⁵, этот пример также обращает наше внимание на то, что свойство «возмездности» физического вреда часто определяется правовой традицией, а стремление к преодолению последствий правонарушения формирует предпосылки для расширения объема возмещения при благоприятном развитии доктрины и судебной практики.

Посвятивший проблемам возмещения вреда, причиненного личности, отдельное монографическое исследование Н. С. Малеин отмечал, что понимание морального вреда как ущерба, не имеющего точного денежного выражения на момент возникновения, способно привести к тому, что проблемой компенсации морального вреда будет подменяться вопрос о вреде имущественного свойства, если таковой возникает спустя определенное время после противоправного действия или бездействия и не может рассматриваться как непосредственное последствие правонарушения либо

²¹ *Vismara L.* The Court of Milan Tables — Bodily Injury Compensation in Italy // URL: <https://www.genre.com/knowledge/publications/cfpc1807-en.html>.

²² *Tabella del Tribunale di Milano 2021* // URL: <https://www.miolegale.it/utilita/tabelle-tribunale-milano/anno-2021/>.

²³ *Chandra M., Bada Math S.* Progress in Medicine: Compensation and medical negligence in India: Does the system need a quick fix or an overhaul? // *Annals of Indian Academy of Neurology*. 2016. Vol. 19 (1). P. 23.

²⁴ В судебной практике используется индексированный денежный эквивалент, составляющий примерно 80 000 долл. США.

²⁵ *Alshaibani M.* Compensatory Damages Granted in Personal Injuries: Supplementing Islamic Jurisprudence with Elements of Common Law. Dokt. Diss. Bloomington, 2017. P. 178–180.

не поддается в современных условиях точной денежной оценке²⁶. К сожалению, проблема отнесения на моральный вред потерь материального свойства, по разным причинам не учитываемых и не возмещаемых в системе действующего нормативного правового регулирования, недвусмысленно подтверждается современной судебной практикой. В обоснование требований о заглаживании причиненных нравственных и физических страданий пострадавшими нередко приводятся аргументы о необходимости продолжения лечения и реабилитации в будущем, неопределенном размере потенциальных затрат на таковые, наличии стойких ограничений жизнедеятельности при отсутствии подтвержденных потерь в заработке и т.п.²⁷ Суды, как правило, игнорируют эти аргументы, вынося решения с опорой на общие критерии оценки морального вреда и презумпцию его наличия в случае повреждения здоровья, однако проблема смешения различных способов защиты гражданских прав, к тому же разнородных по своей сути, не утрачивает от этого своего значения.

Таким образом, нельзя не признать, что широко распространенная в научной литературе формула «восстановление прежнего состояния при причинении вреда здоровью или смерти невозможно» сыграла свою отрицательную роль в теории и практике при определении понятия такого вреда и его возмещения, приводя к фактическому отрицанию необходимо-

сти соблюдения принципа полного возмещения вреда. Однако в равной степени сложно согласиться с тем, что распространение конструкции косвенных убытков на данные правоотношения, рассмотрение неблагоприятных имущественных последствий, наступающих на стороне потерпевшего, в отрыве от содержания физического вреда как фактического следствия правонарушения в реальности служит этому принципу. В действительности ни законодатель, ни частноправовая доктрина не признают практической значимости в выделении категорий опосредованной причинно-следственной связи и косвенных убытков, полагая, что с их наличием по общему правилу не может связываться возникновение деликтного обязательства. Об этом свидетельствует, в частности, развитая в последние годы дискуссия вокруг возможности возмещения «чисто экономических убытков» как вреда, являющегося результатом не самого правонарушения, но его прямых неблагоприятных последствий. Более предпочтительным в современных условиях представляется комплексный подход к характеристике вреда здоровью, при которых расстройства отдельных функций организма исследуются не только с позиции наступивших нарушений или ограничений физиологических функций организма, но также в контексте их значения для основных категорий жизнедеятельности человека (способности к труду, самообслуживанию, самостоятельному передвижению, ориентации, общению и др.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ансон В. Договорное право. — М. : Юрид. лит., 1984. — 463 с.
2. Антимонов Б. С. К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1–6 июля 1946 г. — М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — С. 62–79.
3. Архипов Е. П., Макарова М. Э. Особенности подсчетов экономического ущерба от ЧС // Московский экономический журнал. — 2019. — № 9. — С. 246–250.

²⁶ Малеин Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М. : Юрид. лит., 1965. С. 23.

²⁷ Апелляционное определение Верховного суда Республики Северная Осетия — Алания от 30.07.2020 по делу № 33-886/2020 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=96155#oUz7NjSMbFexNgsl> (дата обращения: 21.09.2021) ; апелляционное определение Ростовского областного суда от 02.07.2020 № 33-7059/2020 по делу № 2-105/2020 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=185008#NGF8NjSlknkIAtpO> (дата обращения: 21.09.2021) ; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2020 № 88-10372/2020 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=11348#bo9KNjS4oED4JaTW1> (дата обращения: 21.09.2021) ; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2021 № 88-1671/2021 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=35382&dst=100001#pKIKNjS2EgaNLCjK> (дата обращения: 21.09.2021).

4. Богданов Е. В. Случай и непреодолимая сила: проблемы правоприменения и дифференциации // Юрист. — 2018. — № 3. — С. 35–39.
5. Болдырев В. А. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина : учебное пособие. — Омск : Омская академия МВД России, 2006. — 108 с.
6. Васькин В. В. Виды убытков по закону // Советское государство и право. — 1976. — № 2. — С. 46–50.
7. Гавзе Ф. И. Возмещение вреда, причиненного механизированным транспортом. — Минск : Университетское, 1988. — 46 с.
8. Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. — 419 с.
9. Груздев В. В. Причинная связь в гражданском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 4. — С. 75–80.
10. Добровинская А. В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 160 с.
11. Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве : учебное пособие / отв. ред. М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2017. — 376 с.
12. Малеин Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. — М. : Юрид. лит., 1965. — 230 с.
13. Михайлов В. С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // Вестник гражданского права. — 2019. — № 4. — С. 82–144.
14. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. — М. : Госюриздат, 1954. — 416 с.
15. Семенова А. Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. — М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. — 58 с.
16. Фогельсон Ю. Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения. — М. : Норма: Инфра-М, 2021. — 576 с.
17. Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право : в 2 т. / пер. с нем. — Т. 2 : Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. — М. : Международные отношения, 2010. — 728 с.
18. Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. — 1956. — № 7. — С. 38–51.
19. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права : в 2 т. — М. : бр. Башмаковы, 1914. — Т. 2. — 450 с.
20. Alshaibani M. Compensatory Damages Granted in Personal Injuries: Supplementing Islamic Jurisprudence with Elements of Common Law. — Dokt. Diss. — Bloomington, 2017. — 183 p.
21. Chandra M., Bada Math S. Progress in Medicine: Compensation and medical negligence in India: Does the system need a quick fix or an overhaul? // Annals of Indian Academy of Neurology. — 2016. — Vol. 19 (1). — P. 21–27.
22. Gilmore G. The Death of Contract. — Columbus : Ohio State University Press, 1974. — 151 p.
23. Goldberg J. C. P. Twentieth Century Tort Theory // Georgetown Law Journal. — 2002. — Vol. 90. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=347340 (дата обращения: 21.09.2021).
24. Vismara L. The Court of Milan Tables — Bodily Injury Compensation in Italy // URL: <https://www.genre.com/knowledge/publications/cfpc1807-en.html> (дата обращения: 21.09.2021).

Материал поступил в редакцию 21 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Anson V. Dogovornoe pravo [Contract law]. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1984 (In Russ.).
2. Antimonov BS. K voprosu o ponyatii i znachenii prichinnoy svyazi v grazhdanskom prave [On the concept and meaning of causality in civil law]. Proceedings of the scientific session of the All-Union Institute of Legal Sciences, July 1–6, 1946. Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR; 1948 (In Russ.).
3. Arkhipov EP, Makarova ME. Osobennosti podschetov ekonomicheskogo ushcherba ot ChS [Features of calculations of economic damage from emergencies]. *Moscow Economic Journal*. 2019;9:246–250 (In Russ.).

4. Bogdanov EV. Sluchay i nepreodolimaya sila: problemy pravoprimereniya i differentsiatsii [Accident and force majeure: law enforcement and differentiation issues]. *Jurist.* 2018;3:35-39 (In Russ.).
5. Boldyrev VA. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo zhizni i zdorovyu grazhdanina : uchebnoe posobie [Compensation for damage caused to the life and health of a citizen : a textbook]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2006 (In Russ.).
6. Vaskin VV. Vidy ubytkov po zakonu [Types of damages under the law]. *The Soviet State and Law.* 1976;2:46-50 (In Russ.).
7. Gavze FI. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo mekhanizirovannym transportom [Compensation for damage caused by mechanized transport]. Minsk: Universitetskoe Publ.; 1988 (In Russ.).
8. Agarkov MM, Genkin DM, editors. Grazhdanskoe pravo : uchebnik. [Civil Law: textbook]. Vol. 1. Moscow: Legal Publishing House of the NKYu USSR; 1944 (In Russ.).
9. Gruzdev VV. Prichinnaya svyaz v grazhdanskom prave [Causal relationship in civil law]. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice.* 2011;4:75-80 (In Russ.).
10. Dobrovinskaya AV. Ogranichenie razmera vozmeshchaemykh ubytkov v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii [Limitation of the amount of recoverable damages in the civil law of the Russian Federation]. Moscow: Infotropik Media; 2012 (In Russ.).
11. Egorova MA, Krylov VG, Romanov AK. Deliktnye obyazatelstva i deliktная otvetstvennost v angliyskom, nemetskom i frantsuzskom prave : uchebnoe posobie [Tort obligations and tort liability in English, German and French law: textbook]. Moscow: Justicinform Publ.; 2017 (In Russ.).
12. Malein NS. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo lichnosti [Compensation for damage caused to the individual]. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1965 (In Russ.).
13. Mikhailov VS. Teorii prichinno-sledstvennoy svyazi i ustanovlenie predelov otvetstvennosti [Theories of Causation and Establishing the Limits of Liability]. *Civil Law Review.* 2019;4:82-144 (In Russ.).
14. Novitsky IB, Lunts LA. Obshchee uchenie ob obyazatelstve [The general doctrine of obligation]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1954 (In Russ.).
15. Semenova AE. Obyazatelstva, vznikayushchie vsledstvie neosnovatel'nogo obogashcheniya, i obyazatelstva, vznikayushchie iz prichineniya vreda [Obligations arising from unjustified enrichment, and obligations arising from causing harm]. Moscow: Legal Publishing house of the NKYu RSFSR; 1928 (In Russ.).
16. Fogelson YuB. Strakhovoe pravo: teoreticheskie osnovy i praktika primeneniya [Insurance law: Theoretical foundations and practical application]. Moscow: Norm: Infra-M Publ.; 2021 (In Russ.).
17. Zweigert K, Kötz H. Sravnitel'noe chastnoe pravo : v 2 t. [Comparative private law : in 2 vols]. Vol. 2: Contract. Unjustified enrichment. Tort. Moscow: International Relations Publ.; 2010 (In Russ.).
18. Shargorodskiy MD. Nekotorye voprosy prichinnoy svyazi v teorii prava [Some questions of causality in the theory of law]. *The Soviet State and Law.* 1956;7:38-51 (In Russ.).
19. Shershenevich GF. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava : v 2 t [Textbook of Russian civil law: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: br. Bashmakovy Publ.; 1914 (In Russ.).
20. Alshaibani M. Compensatory Damages Granted in Personal Injuries: Supplementing Islamic Jurisprudence with Elements of Common Law. Dokt. Diss. Bloomington; 2017.
21. Chandra M, Bada Math S. Progress in Medicine: Compensation and medical negligence in India: Does the system need a quick fix or an overhaul? *Annals of Indian Academy of Neurology.* 2016;19(1):21-27 (In Russ.).
22. Gilmore G. The Death of Contract. Columbus: Ohio State University Press; 1974.
23. Goldberg JCP. Twentieth Century Tort Theory. *Georgetown Law Journal.* 2002;90. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=347340 (accessed: 21.09.2021).
24. Vismara L. The Court of Milan Tables — Bodily Injury Compensation in Italy. Available at: <https://www.genre.com/knowledge/publications/cfpc1807-en.html> (accessed: 21.09.2021).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.019-033

Е. Г. Комиссарова*

Тайна усыновления в семейном праве постмодерна: новые подходы к старым канонам

Аннотация. Заданный советским законодателем баланс секретности, зафиксированный в нормативной конструкции тайны усыновления, многим фамилистам постмодерна видится несправедливым и негармоничным последствием усыновления. Отечественная доктрина вмешивается в эту проблему, однако чаще по-научному безуспешно. Автор стремится научно описать целостное и объективное видение тайны усыновления, извлекая для этой цели из текущих гуманитарных дискурсов объединяющие темы, такие как право ребенка на идентичность и право знать свое происхождение, объединяя эти междисциплинарные аспекты в единую аналитическую структуру, уместную для будущих юридических исследований тайны усыновления. Обращаясь к этой структуре, автор избегает трихотомии. Тайна усыновления, право личности на идентичность и право ребенка знать свое происхождение исследуются как взаимопроникающие социальные и правовые явления. Концептуальная мысль автора построена на обосновании теоретического суждения о том, что теоретическая конструкция тайны усыновления сегодня уже не может исследоваться как абсолютно изолированная и автономная конструкция, научное внимание к которой обычно ограничено суждениями о том, кому эта тайна выгодна. В эту тему надлежит привнести новые теоретические акценты, способные видоизменить традиционное восприятие тайны усыновления лишь как акта статичного, фиксирующего факт усыновления и скрывающего этот факт от публики. Исследование носит междисциплинарный и сравнительно-правовой характер. Итоговый вывод статьи состоит в том, что усыновленные дети страдают от незнания своих биологических корней не из-за тайны усыновления, а тогда, когда государство отказывает им в доступе к знаниям о своем происхождении, не обеспечивая детям старше определенного возраста или взрослым усыновленным доступа к информации об их детской истории. Такая политика отказа от хранения информации о генетических и социальных корнях усыновленного и отсутствия доступа к ней в условиях сегодняшнего дня по отношению к усыновленным детям выглядит дискриминационной.

Ключевые слова: тайна усыновления; закрытое усыновление; секретность; биологические и социальные секреты; идентификация личности; право ребенка знать свое происхождение; семейные тайны; семейное право.

Для цитирования: Комиссарова Е. Г. Тайна усыновления в семейном праве постмодерна: новые подходы к старым канонам // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 19–33. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.019-033.

The Adoption Secret in Postmodern Family Law: New Approaches to the Old Canons

Elena G. Komissarova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Perm State National Research University; Professor, Department of Civil Law and Procedure, Tyumen State University
ul. Bukireva, d. 15, Perm, Russia, 614919
eg-komissarova@yandex.ru

Abstract. The balance of secrecy set by the Soviet legislator, enshrined in the normative structure of the secret of adoption, is seen by many postmodern family researchers as an unfair and inharmonious consequence of adoption. The Russian doctrine intervenes in this problem, but more often it does not succeed in a scientific way.

© Комиссарова Е. Г., 2022

* Комиссарова Елена Генриховна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры гражданского права и процесса Тюменского государственного университета
ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, Россия, 614919
eg-komissarova@yandex.ru

The author seeks to scientifically describe a holistic and objective vision of the adoption secrecy extracting for this purpose from current humanitarian discourses unifying topics such as the child's right to identity and the child's right to know his origin, combining these interdisciplinary aspects into a single analytical structure appropriate for future legal studies of the adoption secrecy. Referring to this structure, the author avoids the trichotomy. The adoption secrecy, the right of the individual to identity and the right of the child to know his origin are investigated as interpenetrating social and legal phenomena. The author's conceptual thought is based on the substantiation of the theoretical judgment that the theoretical construction of the adoption secret today can no longer be investigated as an absolutely isolated and autonomous construction, scientific attention to which is usually limited to judgments about who benefits from this secret. New theoretical accents should be introduced into this topic, which can modify the traditional perception of the adoption secrecy only as a static act, fixing the fact of adoption and hiding this fact from the public. The research is interdisciplinary and comparative in nature. The final conclusion of the paper is that the adopted children suffer from ignorance of their biological roots not because of the secrecy of adoption, but when the state denies them access to knowledge about their origin, not providing children over a certain age or adult adoptees with access to information about their childhood history. Such a policy of refusing to store information about genetic and social roots of an adopted child and the lack of access to it in today's conditions in relation to adopted children looks discriminatory.

Keywords: secret of adoption; closed adoption; secrecy; biological and social secrets; identity identification; right of the child to know his origin; family secrets; family law.

Cite as: Komissarova EG. Tayna usynovleniya v semeynom prave postmoderna: novye podkhody k starym kanonom [The Adoption Secret in Postmodern Family Law: New Approaches to the Old Canons]. *Lex russica*. 2022;75(3):19-33. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.019-033. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Вечность юридических фикций, безвозвратно отсекающих генетическое родство усыновленного ребенка, в XXI в. оказалась небесспорной. Хорошо это или плохо, отечественная юриспруденция пока не разобралась, хотя и проявила к проблеме тайны усыновления масштабное внимание. Исследования, посвященные ей, удивляют количеством, склоняя к предположению о том, что эта научная тема обрела статус удобной и, не исключено, модной, позволяя авторам, задумавшимся о том, «чем бы заняться, о чем бы написать»¹, прикоснуться к актуальным в международном, внутривнутриполитическом, социальном и правовом отношении вопросам.

Суждениям о тайне усыновления — описательным, констатирующим, категоричным и тем, что основаны на чистой целесообразности, — несть числа. Из всего имеющегося доктринального богатства, накопленного за последнее двадцатилетие, так и не удается по-

лучить конструктивные ответы на те вопросы, что зародились в теории и практике усыновления на фоне «их взлета и падения в XXI в.»². Аргументированных суждений, основанных на предостерегающей максиме о том, что «любые обобщения об усыновлении должны делаться осторожно»³, явно недостает. Методологический компонент большинства высказанных суждений оставляет желать лучшего из-за недостаточной ориентированности на гармонию классического и эволюционирующего, национального и международного, этического и правового.

В стремлении привнести в научно-теоретическое пространство эту гармонию и открыть новые теоретические ниши в исследовании тайны усыновления автор выстраивает свои суждения на основе сведения в единую научно-теоретическую конструкцию во многом разрозненных доктринальных взглядов на проблему идентичности личности, тайну усыновления как юридическую конструкцию и позитивное право

¹ Белов В. А. Российское частное право: чем бы заняться, о чем бы написать? // Законодательство. 2017. № 6. С. 33–50.

² Selman P. The rise and fall of international adoption in the 21st century // International Social Work. 2009. 52 (5). S. 575–594. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-rise-and-fall-of-intercountry-adoption-in-the-Selman/42fcc8a9bf514d7bf36ec492d4ed3c81da3d8ced> (дата обращения: 20.11.2021).

³ Grotevant H. D. Family processes, identity development and behavioral outcome for adopted adolescents. Journal of Adolescent Research. 1997. 12. P. 139–161. URL: <https://doi.org/10.1177/0743554897121008> (дата обращения: 20.11.2021).

ребенка знать свое происхождение. Отдельные попытки связать некоторые из этих аспектов уже предпринимались в семейно-правовой доктрине⁴, но оказались незавершенными по причине недостаточной методологической выверенности.

В основе предлагаемой в статье теоретической концепции лежит суждение о том, что все три названных аспекта образуют триаду, состоящую во взаимной зависимости между собой. Как минимум это даст возможность отсечь весь тот объемный пласт исследований, где логика повествования, обращенная в сторону «за» или «против» тайны усыновления, больше похожа на вымышленную, имея опору в потоке вторичного знания и эмпирических ассоциациях, нежели на научную. Как максимум — даст возможность выйти теме усыновления и ее составляющим из центробежного круга того развития, в котором она пребывает последнее десятилетие, направив ее по пути наращивания нового прогрессивного знания.

Семейные тайны и личная идентичность в теме усыновления

В свете развития практик усыновления и необходимости их подчинения не только национальному законодательству, но и европейскому довольно наглядно проявился спектр вопросов, которые выходят за рамки юриспруденции, имея отношение к таким областям гуманитарного знания, как психология, генеалогия, генетика, демография, социология, антропология. Предметное внимание юриспруденции к этому междисциплинарному ресурсу — хорошее подспорье, помогающее упорядочить весь тот объяснительный потенциал, который, имея отношение к проблеме индивидуальной идентичности, часто стихийно, а не продуманно вовлекается в текущий юридический дискурс при исследовании проблем тайны усыновления.

Тема индивидуальной идентичности стала мощной культурной темой современности, имея маркер «сколь непостижимой, столь и всепроникающей»⁵. Как такового консенсуса о

том, какое значение имеет идентичность личности и какова сфера ее охвата, в доктрине нет. Считается, что этот человеческий профиль является многомерным, отражаясь как в идентифицирующей информации (имя, место жительства), так и неидентифицирующей (дата, место рождения, физическое описание, этническая и религиозная принадлежность, семейное положение и статус биологического родителя, образование, наличие братьев и сестер).

Для конкретной личности идентичность, сопоставимая с психологическим достоинством, представляет собой ее психологическую ценность, формирующуюся под воздействием наследственности и среды. Исследование этой ценности относится к группе психологических проблем, связывающих понятие личной идентичности с обращением к внутреннему миру человека (мысли, чувства, мотивы), основанному на подсознательной саморефлексии. Яркие суждения об идентичности, личности, помогающие создать объединяющее знание об этом явлении, высказал немецкий психолог Э. Эриксон, указавший на идентичность как на состояние самосогласованности человека, в котором есть «ощущение того, что ты дома в своем теле, ощущение знания, куда идешь...»⁶.

Понятие личной идентичности в психологии считается парным, существуя в связке с понятием «кризис идентичности», отражающим состояние психологического потрясения на фоне беспокойства или неуверенности в том, что какой-то аспект идентичности не имеет естественного и отслеживаемого начала. Отсюда тот терминологический ряд, который обозначает состояния, возникающие при возникновении проблем с личной идентичностью: недостаток информации, потеря, недоумение, отсутствие эмоциональной безопасности, фантазии, поиск своего происхождения, вымысел, сокрытие. В середине XX в. с помощью этих терминов английский психолог Х. Дж. Сантс описал возможные эффекты усыновления в своей влиятельной работе под названием «Генеалогическое недоумение у детей с замещающими родителями». Ведущий тезис автора состоял в том, что незнание детьми того факта, от кого

⁴ Темникова Н. А. Государственная регистрация усыновления (удочерения) в свете перехода к открытому усыновлению // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 2 (35). С. 92–97 ; Иванова Н. А. К вопросу о тайне усыновления (удочерения) детей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1 (126). С. 109–111.

⁵ Erickson E. H. Youth Identity and Crisis. New York — London, 1968.

⁶ Erickson E. H. Op. cit.

они произошли, может привести их в недоумение, вызвать сильное замешательство и оказать негативное влияние на личностный рост усыновленного ребенка, отсюда берет начало их неустанный стремление отыскать факты своего происхождения⁷.

США и Англия стали странами, где были проведены значимые гуманитарные исследования, связанные с изучением психологических последствий, испытываемых усыновленными в связи с отрывом от биологических корней. По их итогам было отмечено, что «многие усыновленные испытывают трудности с установлением чувства идентичности»⁸. Это равносильно «лишению чувства контроля над собственной жизнью»⁹, которое становится стимулом к поисковой активности¹⁰.

Правило об обязанности государств помогать и защищать ребенка, незаконно лишеного части или всех элементов своей индивидуальности, для скорейшего ее восстановления содержится в ст. 8 Конвенции о правах ребенка¹¹. Конвенционное закрепление этого детского права и имплицитное упоминание о нем в международных договорах и национальных конституциях дает основания считать, что оно включено в европейский каталог прав человека. Однако не всё так однозначно.

Точное содержание права на идентичность, как и обязанности государств, корреспондирующих этому праву, остаются не до конца ясными даже для составителей Конвенции о правах

ребенка, склонившихся к широкому видению права на идентичность. В связи с этим комментаторы Конвенции заключают, что личная история ребенка с момента рождения (где он жил, кто присматривал за ним до отрыва от биологической семьи и почему были приняты важные решения), так же как и имя, национальность и семья, — это элементы идентичности¹².

Юридические попытки объяснить диапазон возможностей, связанных с идентичностью, привели к констатации того, что это право носит «чисто иллюстративный характер»¹³. Попытки разложить его составляющие по юридическим полочкам ограничились присвоением ему статуса всеобъемлющего права, охватывающего конститутивные права ребенка или основного права, концептуально объединяющего ряд смежных прав.

Недостаток юридических квалификаций права личности на идентичность вполне компенсируется правовыми знаниями о праве ребенка знать свое происхождение, чему посвящен отдельный подраздел настоящей статьи. Если же рассуждать об итогах вовлечения в познание идентичности усыновленного знаний из смежных гуманитарных наук, то неправовой расклад оказывается следующим. На одной стороне усыновленный ребенок, чье легально отвергнутое биологическое происхождение в любой момент может взять верх над юридическими фикциями. На другой стороне усыновители — носители тайны усыновления, обречен-

⁷ *Sants H. J.* Genealogical perplexity in children with substitute parents // *Br J. Med Psychol.* 1964. Vol. 37. P. 139. URL: <https://bpspsychub.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.2044-8341.1964.tb01981.x> (дата обращения: 20.11.2021).

⁸ *Beauchesne L. M.* As if born for: The social construction of a position of scarce identity for adopted persons (dissertation of D. S. V.). Wilfrid Laurier University, 1997. 306 p. URL: <https://scholars.wlu.ca/etd/213/> (дата обращения: 20.11.2021).

⁹ *Carsten J.* Connections and Disconnections of Memory and Kinship in Narratives of Adoption Reunions in Scotland // *In Ghosts of Memory: Essays on Remembrance and Relatedness* / Ed. by J. Carsten. Oxford : Blackwell, 2007. P. 421–422. URL: <https://edinburgh.academia.edu/JanetCarsten> (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁰ *Rushbrook R.* The proportion of adoptees who received birth records in England and Wales, *Population Trends* (104). UK Office of National Statistics, 2001. P. 26–34 ; *Clapton J.* Family stories and family secrets: Recent discoveries 2021 // URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1640244222&tld=ru&lang=en&name> (дата обращения: 20.11.2021).

¹¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.). // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

¹² *Zermatten J.* Implementation handbook for the convention on the rights of the child. Completely revised third edition. United Nations Children's Fund 2007 // URL: <https://www.unicef.org/lac/media/22071/file/Implementation%20Handbook%20for%20the%20CRC.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

¹³ *Cerda S. J.* The Draft Convention on the Rights of the Child: New Rights // 12 HUM. RTS. 1990. P. 115, 117. URL: <https://www.jstor.org/stable/762169?origin=crossref> (дата обращения: 20.11.2021).

ные жить с долгосрочными психологическими последствиями на заднем плане, где всегда виртуально присутствует фигура «настоящих родителей», отягощая законных родителей мыслью о том, стоит ли раскрывать усыновленному ребенку физическую правду и если стоит, то когда. В зарубежной литературе еще в конце XX в. такое положение было поименовано не иначе как «ящик Пандоры»¹⁴.

Как показывает конвенционная практика и практика Европейского Суда по правам человека, способы ослабить это напряжение есть. Это уже чисто юридическая забота, не связанная с обсуждением метафизических вопросов о том, что человеческий разум «неохотно принимает пустые зоны», а неудовлетворенная саморефлексия о «непохожести» на других может отразиться на личностном развитии усыновленного ребенка.

Тайна усыновления как юридическая конструкция

Как и большинство стран, Россия прошла разные этапы в регулировании законного усыновления — открытое в виде формального или неформального «заключения» ребенка в небиологические семьи (первая волна, 1917 г.), фактическое (в годы Второй мировой войны), закрытое (вторая волна, с 1969 г. по сей день). К 1969 году, когда в РСФСР принимался Кодекс о браке и семье¹⁵, европейские законодатели (Франция в 1939 г., Италия в 1942 г., Ирландия в Нидерланды и Швеция в 1950–1952 гг.) не без влияния социального давления, требующего сохранять миф о том, что усыновительские семьи сформированы «как будто» биологически, уже сошлись в общей концепции закрытого (полного) усыновления как способа предоставления

детям, нуждающимся в защите, такого же статуса, который изначально зарезервирован для законных детей.

Середина XX в. была тем временем, когда позор незаконнорожденности и безбрачия, существенно понижающий статус ребенка, еще довлел над Западной Европой и США, стимулируя большинство усыновителей скрывать факт усыновления от посторонних и «хранить секрет усыновления в тайне даже от усыновленного ребенка»¹⁶. Это отвечало правилам закрытого усыновления, позиционируемого как анонимное для всех его участников, именуемых триадой, частью которой был усыновляемый ребенок, считавшийся на самом деле «не участником принятия решения, а частью процесса усыновления»¹⁷.

Неотъемлемым следствием закрытого усыновления является сокрытие самого факта усыновления. Естественным продолжением сокрытия является отсечение всего, что было «до»: невозможность «двойного набора» родителей, «двойной идентичности» (кровная и приемная), допускаемых открытым усыновлением, а также всего того, что препятствует «натурализации нового родительства»¹⁸, «принадлежности» усыновленного новым родителям, которые наделяются правами решать, что ребенок может знать, а что не может¹⁹.

На этих ценностных представлениях строилась правовая культура усыновления закрытого типа во многих странах. Стратегии отдельных государств разнились, находя свое выражение в запечатанных подлинных записях о рождении, в наложении вето на контакты с родственниками «из прошлого», в поощрении желания усыновителей переименовать ребенка. Но цель их была едина — скрыть информацию об истинном статусе усыновительской семьи, ограничить информацию о биологической се-

¹⁴ Bueren V. G. Children's access to adoption records: State discretion or an enforceable international right // *Modern Law Review*. 1995. № 58. P. 39. URL: <https://www.jstor.org/stable/1096370> (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁵ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086 (утратил силу).

¹⁶ Mignot J.-F. Child Adoption in Western Europe, 1900–2015 // *Cliometrics of the Family*. 2019. P. 14.

¹⁷ Dambach M., Maurin C. The child's consultation and consent in adoption // Joint Council of Europe and European Commission Conference. Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child. 30 November — 1 December 2009. Strasbourg, Palais de l'Europe. P. 15.

¹⁸ Ловцова Н. И. Профессионализация родительства: политика, теория и практика // *Антропология профессий* / отв. ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярская-Смирнова. Саратов : Научная книга, 2005. С. 452.

¹⁹ Для усыновленного ребенка старшего возраста, который уже знает свою детскую историю и своих биологических родителей в ней, усыновление обычно имеет открытый характер и о тайне усыновления речь не идет.

мые ребенка, дав ей возможность идти дальше «своим путем», «стереть» предыдущую детскую историю усыновляемого, хранить факт усыновления в секрете от третьих лиц и самого ребенка.

Не без учета этого опыта в РСФСР появилась норма, поименованная как «Обеспечение тайны усыновления» (ст. 110 КоБС РСФСР 1969 г.). Как и любая тайна, она опиралась на жесткие императивы, согласно которым без согласия усыновителей, а в случае их смерти без согласия органов опеки и попечительства воспрещалось сообщать какие-либо сведения об усыновлении, а также выдавать выписки из книг регистрации актов гражданского состояния, из которых было бы видно, что усыновители не являются кровными родителями усыновленного. Вобрав в себя массу юридических обобщений, относящихся к закрытому усыновлению ребенка, норма, заключенная в ст. 110 КоБС РСФСР, стала выполнять роль монумента, символизирующего факт закрытого усыновления.

Не имея формального определения в большинстве законодательств²⁰, тайна усыновления за последние десятилетия сыскала много научного внимания, в том числе и за пределами

юриспруденции, пройдя через многообразные лексические испытания в виде сравнения ее с мифами, психологическими иллюзиями, обманом усыновленного, бедствием в момент позднего открытия, навязанной идентичностью, способом, облегчающим усыновление «детей без прошлого», формой обещания, данного государством исцеленным бездетным усыновителям, а также «подарками» усыновленным от государства²¹ и даже предательством по отношению к тем усыновленным, которые в силу возраста не понимают, что с ними происходит²².

Несмотря на столь неоднозначное доктринальное отношение к тайне усыновления, этот вид тайны сохранился в законодательстве всех государств, поддерживающих форму закрытого (конфиденциального, или секретного) усыновления²³. Причина такого законодательного положения абсолютно ясна: нормативная конструкция тайны усыновления имманентна его законному виду. Закрытое усыновление и тайна усыновления — это дополняющие друг друга правовые реальности. Отказ от тайны усыновления равносителен отказу от закрытого усыновления. В этой научной констатации видится вполне очевидный методологический ориентир

²⁰ Одним из немногих исключений является Закон о семье Эстонской Республики, где в § 164 тайна усыновления определена как информация и данные, относящиеся к досудебному разбирательству и судебному разбирательству по усыновлению, включая факты усыновления, из которых можно предположить, что ребенок усыновлен, или что родители усыновили ребенка, или что родитель или опекун отдали ребенка на усыновление. Цель тайны усыновления состоит в том, чтобы гарантировать защиту частной жизни детей, родителей и приемных родителей, предотвратить нежелательное вмешательство и дискриминацию по признаку происхождения или по любому другому признаку (The Family Law (Perekonnaseadus), RT I 9 мая 2017 № 29 // URL: www.riigiteataja.ee/en/eli/507022018005/consolide (дата обращения: 10.11.2021)).

²¹ Clapton J. Op. cit.

²² Riley H. Confronting the conspiracy of silence and denial of difference for late discovery adoptive persons and donor conceived people // Australian Journal of Adoption. 2013. № 7. P. 5.

²³ Исключения касаются США, Англии, нескольких провинций Канады и штатов Австралии. В этих странах, неуклонно движущихся в сторону открытого усыновления, идея о том, что усыновление — это воспроизведение естественной семьи, начала ослабевать в 70-е гг. прошлого века. Усыновление всё чаще рассматривается как форма социальной поддержки или сконструированного социального родства (суррогатное родительство). Полная секретность не является атрибутом усыновления, которое чаще открытое. Это значит, что биологическим родителям и усыновителям известна некоторая личная информация друг о друге. В этих странах довольно активны движения в защиту прав усыновленных. В США есть Билль о правах усыновленных (URL: <https://consideringadoption.com/adopted/adoptee-rights/adoptee-rights/>), а в оборот соцсетей вошел термин «усыновленный с поздним обнаружением». Согласно данным Википедии, по состоянию на 2021 г. уже 10 штатов в США признают право взрослых усыновленных людей на получение собственных оригинальных свидетельств о рождении. Более подробно об особенностях усыновления в этих странах см.: Holden L. The Open Way of Open Adoption: Helping Your Child Grow Up Healthy, Rowman & Littlefield Publishing, 2013. 228 p. URL: <https://rowman.com/ISBN/9781442217393/The-Open-Hearted-Way-to-Open-Adoption-Helping-Your-Child-Grow-Up-Whole> 3 (дата обращения: 20.11.2021).

для сторонников отказа от тайны усыновления, который часто оказывается невидимым или попросту игнорируемым.

Научные труды, посвященные проблеме тайны усыновления, весьма условно можно разделить на два вида. Труды первого вида посвящены тайне усыновления как таковой с намерением сконструировать ее определение и растолковать функционал этого явления, заданный ему законодателем. В итоговых авторских суждениях мало научной поучительности и много инерции, идущей от законодательных догм: коль есть такая юридическая конструкция, да еще с оттенком деликатности, то ее можно и нужно исследовать, даже если исследование и не сопряжено с созданием нового перспективного знания.

Другой вид исследований устроен на дилемме о том, быть тайне усыновления или не быть. Проявляя определенную чувствительность к международно признанным стандартам прав ребенка, их авторы стремятся к теоретической модернизации концепции тайны усыновления, но таких примеров немного и далеко не все из них удачны. Большинство авторских умозаключений уходят в описательную околотематическую ретроспективу темы усыновления, с высказыванием по ее итогам лапидарных суждений о целесообразности/нецелесообразности сохранения тайны усыновления. Методологические рамки таких исследований чаще всего не ясны, зато хватает эмпирических ассоциаций, блуждающего стиля аргументации с обязательным вкраплением механических отсылок к зарубежному опыту и кратких вставок из психоаналитических моделей. Последние (из уст юристов) чаще всего имеют невысокую степень достоверности в силу их ограниченности фактом простой иллюстрации.

Как было отмечено выше, концепция закрытого усыновления ребенка, ориентированная на аналог кровного родства, вошла в правовое пространство с помощью юридических фикций.

После принятия Конвенции о правах ребенка с ее международным ориентиром на пропорциональное отношение к благополучию детей, а чуть позже Европейской конвенции по усыновлению детей 2008 г. (пересмотренной)²⁴ пришло понимание того, что в закрытом усыновлении и тайне, его защищающей, есть не только статические (фиксирующие) аспекты, но и динамические, имеющие отношение к долгосрочным, пожизненным последствиям тайны усыновления в судьбе усыновленного. Это обнажает понимание того, что фикционные приемы в регулировании этой тайны уже не могут считаться единственно достаточными.

Европейская конвенция по усыновлению детей была пересмотрена в 2008 г. для целей «учета того, что наилучшие интересы ребенка имеют первостепенное значение, и усыновление не должно быть разрешено или отменено, если это требование не выполняется». В Конвенции появилась норма, согласно которой «у суда есть право отменить тайну усыновления, даже если национальные законы допускают анонимность» (п. 3 ст. 22). Россия не является участником этой Конвенции, но норма, заключенная в ее п. 3 ст. 22, уже послужила неформальным ориентиром для российской практики конституционного правоприменения и практики Верховного Суда РФ, шагнувших дальше фикций, наполняющих тайну усыновления²⁵. На данном этапе этот шаг ограничен «слабой версией» идентичности, но неприкасаемое положение, согласно которому от тайны усыновления немыслимо было отклониться, если ее не раскрыли сами усыновители или «добрые люди» с непредсказуемыми последствиями, впервые получило поворот.

Если правовые контексты, изменившие это положение, в силу их иерархичности и присутствия необходимого международного компонента нуждаются в дополнительном отслеживании и обосновании, то новые социальные и политические контексты, складывающиеся

²⁴ Принята Комитетом министров Совета Европы на 118-й сессии 7 мая 2008 г. (ЕТС № 58). Открыта для подписания 27 ноября 2008 г. Ратифицирована Данией, Финляндией, Нидерландами, Норвегией, Румынией, Испанией, Украиной. Вступила в силу 1 сентября 2011 г. (СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2021)).

²⁵ Пункт 4 постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гузиной» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181188/ (дата обращения: 10.12.2021) ; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2018. № 3: определение Верховного Суда РФ № 48-КГ18-16 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2021).

вокруг тайны усыновления сегодня, являются вполне очевидными.

Многое изменилось с приходом донорской концепции, задуманной изначально как анонимная, но постепенно отходящей от абсолютной закрытости. Это привело к тому, что проблема правовых последствий закрытого усыновления для личности ребенка встала в юридическую параллель с последствиями личной идентичности ребенка, рожденного по итогам репродукции. Возможности вспомогательного репродуктивного лечения повлияли и на смену поколений усыновителей, в числе которых стало больше усыновителей подростков, знающих о факте усыновления. Слабее стали и страхи усыновителей перед плохой наследственностью, которая всегда находилась вне сферы права, но благодаря репродуктивным технологиям проникла и в сферу усыновления.

Из всей совокупности этих контекстов следует совсем не формальный и не декларативный посыл, состоящий в том, что сила тотальной секретности, закрытая тайной усыновления, начинает слабеть. Первыми это признали англичане с их культом семьи и исторически развитыми традициями деинституализированного ухода за детьми, заявив о том, что полное сокрытие прошлой истории усыновленного ребенка не является пропорциональным следствием усыновления²⁶. Есть и более жесткие суждения, указывающие на то, что такое положение сродни социально жестокому обращению с ребенком²⁷.

Категоричность приведенных суждений оказывается неплохим стимулом, чтобы задуматься о том, что тайна усыновления — это конструкция как статичная, так и локальная. Она не имеет никакой связи с динамической историей жизни ребенка, который обязательно станет

взрослым. В этом своем собственном значении она выполняет законодательно предписанные ей функции, выступая юридически значимым инструментом, который «защищает семью и род от вмешательства, способствуя их сохранению»²⁸, а усыновленного ребенка от травмирующей информации²⁹.

Ненацеленность этой юридической реальности на то, что «различия в родстве для усыновленного ребенка в долгосрочной перспективе имеют серьезное значение»³⁰ и «бремя, которое несут усыновленные дети, может возрасти по мере того, как они станут взрослыми»³¹, не свидетельство того, что конструкция тайны закрытого усыновления является дискриминационной и отжившей свое. Представляется, что методологически верно рассуждать о ее связи с другими юридическими конструкциями — как реально существующими, так и потенциальными. Одной из последних является право ребенка знать свое истинное происхождение.

Право ребенка знать свое происхождение

Указание в Европейской конвенции по усыновлению детей 2008 г. на право национальных судов ограничивать действие тайны усыновления означает не что иное, как то, что у государства есть или должно быть некое хранилище информации, которое на условиях закона может быть доступно для усыновленных лиц, заинтересованных в знании физической правды.

В странах с продвинутой демократией, чье законодательство исторически чувствительно по отношению к личным правам гражданина, уже есть понимание того, что признание за личностью такого права и участие государства в его реализации — это проявление цивилизованного отношения к ребенку как к личности.

²⁶ Lowe N. & Douglas G. Bromley's family law. Oxford : Oxford University Press, 2007. URL: <https://www.researchgate.net/publication/277016340> (дата обращения: 10.12.2021).

²⁷ Diver A. Law of Blood-ties — The 'Right' to Access Genetic Ancestry. Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London : Springer, 2014. P. 116. URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/r32694.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

²⁸ Щенникова Л. В. Институт тайны усыновления ребенка: проблемы и решения // Наследственное и семейное право: теория и правоприменительная практика : материалы междунар. науч.-практ. конференции. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. С. 355.

²⁹ Телюкина М. В., Куликов Е. С. Тенденция ограничения применения института тайны усыновления // Законодательство. 2019. № 2. С. 43–55.

³⁰ Melosh B. Strangers and kin: The American way of adoption. Harvard University Press, 2002.

³¹ Robertson K. C. Attachment and care-giving behavioral systems in intercountry adoption: A literature review // Children and Youth Services Review. 2006. 28 (7). P. 727.

Цивилизованный стиль означает не только неуклонное соблюдение уже открытых прав, но и «постоянное открытие новых прав, привносимых в жизнь эволюционирующими обществами»³².

Одним из таких «новых» прав, позволяющих рассуждать в теме усыновления не только о запретном, но и о том, что усыновленным разрешено, стало признание за ребенком права знать свое происхождение. Появление этого права в обороте юриспруденции не только поставило проблеме усыновления заметную порцию позитивного языка, но и привнесло в нее разумную «атмосферу открытости», касающуюся пожизненных следствий усыновления.

В отличие от категории личной идентичности, это право имеет более четкий юридический формат, что позволяет не подвергать смешению право усыновленного ребенка знать «кто он» (право на идентичность) и право на получение информации о своем происхождении (право знать свое происхождение).

Какого-либо глобального международно-правового документа, признающего за усыновленным ребенком право знать свое происхождение («право знать»), не существует. Появление этого «нового» детского права связано со ст. 7 и 8 Конвенции о правах ребенка, объединенных со ст. 2 этой же Конвенции о недопущении дискриминационных мер по отношению ко всем детям. Эта совокупность конвенционных норм стала опорной для признания за ребенком права знать. По оценкам аналитиков европейского права, именно статья 8 Конвенции, признанная наиболее гибкой нормой, заложила «подробный уровень защиты права на сохранение личности ребенка...

гарантируя “надлежащую помощь и защиту” в тех случаях, когда ребенок незаконно лишен некоторых или всех элементов своей личности, с целью скорейшего ее восстановления»³³.

Изначально предполагалось, что данная норма, кроме ее направленности против манипулирования индивидуальными идентичностями детей в целях поощрения расового и этнического превосходства путем насильственной ассимиляции детей неблагополучных этнических групп в доминирующую культуру, ориентирована только на процедуры по оспариванию отцовства и установлению отцовства, регулируемые уже действующим в государствах гражданским и семейным законодательством³⁴. Однако в практике ЕСПЧ было признано, что право знать свое происхождение нужно гораздо более широкому кругу лиц, не имеющих убедительных сведений или сомневающихся в собственной родословной и вынужденных терпеть определенную форму страдания, которое может оставить шрамы³⁵.

Мощь европейских прецедентов в признании за ребенком права знать свое происхождение дала основания считать, что право-защитный потенциал ЕСПЧ обеспечил роль посредника между нормами международного права и политико-правовым изобретением феномена детской индивидуальности в конкретных государствах³⁶. ЕСПЧ не единожды указал в своих постановлениях, что права личности, наилучшие интересы ребенка, забота о благополучии детей и право ребенка знать свое происхождение являются общими темами в судебной практике.

Не имея текстуального закрепления в нормах международного права и во внутреннем

³² Виништендаль С. Права детей и резильентность. Два плодотворных и взаимообогащающих подхода / Международное католическое бюро ребенка. Брюссель, 2012. С. 23.

³³ European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe, 2015. P. 65. URL: <https://rm.coe.int/16805ab6fe>; Detrick S. A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child. The Hague: M. Nijhoff, 1999. P. 162, 165. URL: <https://www.researchgate.net/publication/233640246>; Doek J. Article 8: The Right to Preservation of Identity: A Commentary of the United Nations Convention on the Rights of the Child. 2006. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Article-8-%3A-the-right-to-preservation-of-identity-%3B-Doek/c52a4d7aa33295bbff90643202f7ee7f8d9a36a0> (дата обращения: 10.12.2021).

³⁴ Rotax H.-H. Zum Recht des Kindes auf Information über seine leiblichen Eltern und zum Recht der Eltern auf Information über tatsächliche Mutter- bzw. Vaterschaft // Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie. 56 (2007) 2. S. 148–171. URL: [nbn:de:0111-opus-30468](https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0111-opus-30468) (дата обращения: 10.12.2021).

³⁵ ECtHR, Odièvre v. France [GC] (Одиевр против Франции [ГК]) от 13.02.2003. Жалоба No 42326/98. Особое мнение по делу. П. 8 (здесь и далее ссылки на практику ЕСПЧ даются по: URL: www.newlawjournal.co.uk/nlj/content/familyrevoking-adoptions (дата обращения: 10.11.2021)).

³⁶ Fortin J. Children’s Right to Know Their Origins — Too Far, Too Fast? // Quarterly Publication on Children’s and Family Law. 2009. Vol. 21. No 3. P. 340.

праве многих европейских государства, право ребенка знать свое происхождение (право знать своих предков, право на физическую истину, право на биологические секреты, право на знание личной культурно-генетической базы, право на раскрытие личности своих законных родителей и т.д.) носит характер интерпретируемого. Одни авторы не воспринимают это право в качестве легального³⁷, другие продолжают задаваться вопросом о том, существует ли вообще право лица знать о своем происхождении³⁸. Наиболее распространено суждение о том, что право знать свое происхождение вытекает из права личности на неприкосновенность частной жизни в соответствии со ст. 17 и 24 Международного пакта о гражданских и политических правах³⁹.

Аналогичной является и позиция ЕСПЧ, указавшего на то, что частная жизнь — это широкий термин, охватывающий сферу личной автономии, для которой невозможно дать однозначное определение⁴⁰. Опираясь на ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴¹, ЕСПЧ отметил, что право на уважение частной и семейной жизни защищает не только физическое пространство, но и беспрепятственное пользование определенным качеством жизни⁴². Ссылаясь на важность «среды с достаточной информацией, значимой для обеспечения наилучших интересов ребенка»,

Суд указал, что сбор информации, необходимой для подтверждения собственной личности, включается в понятие частной жизни лица⁴³.

Если говорить о России, то пока следов этого права нет ни в законодательстве, ни в текущей практике правоприменения. Нечасто в эту проблематику вмешивается и отечественная доктрина. Пока право ребенка знать свое происхождение больше воспринимается как данность⁴⁴, без проникновения в социальные и правовые сущности этого позитивного права, а потому остается представленным лишь на уровне лингвистического присутствия. В этом смысле зарубежная доктрина и практика ушли далеко вперед.

Как показывает анализ, проведенный Советом Европы в 2018 г., во многих странах право усыновленного быть осведомленным о своем истинном происхождении не только законодательно признано за ребенком, но и имеет подкрепление в виде участия государства в его реализации. Статистика выглядит позитивной, отражая тот факт, что в 14 государствах усыновленные имеют доступ к записям об усыновлении с 18 лет, в Болгарии, Германии, Нидерландах — с 16 лет, в Австрии и Венгрии с 14 лет. Еще ниже этот порог в Бельгии, Финляндии, Чехии — 12 лет, в Норвегии — 7 лет. В Эстонии⁴⁵, Франции, Словакии, Италии, Литве и Португалии доступ к этой информации открыт в зависимости от зрелости ребенка. Дания, Эстония и

³⁷ Fortin J. Op. cit. P. 345.

³⁸ Rotax H.-H. Op. cit.

³⁹ Detrick S. Op. cit. S. 145 ; Nowak M. UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary, 2nd edn. Kehl/ Strasbourg/Arlington : N. P. Engel, 2005. P. 432.

⁴⁰ ECtHR, Costello — Roberts v. The United Kingdom (Костелло — Робертс В. против Соединенного Королевства) от 25.03.1993. Жалоба № 13134/87, п. 36 ; Schuth v. Germany (Шютс против Германии) от 23.09.2010. Жалоба № 1620/03, п. 53 ; Fernandez Martinez v. Spain (Фернандес Мартинес против Испании) от 12.06.2014. Жалоба № 56030/07, п. 109 ; Denisov v. Ukraine (Денисов против Украины) от 25.09.2018. Жалоба № 76639/11, п. 95.

⁴¹ Принята 4 ноября 1950 г. в г. Риме (URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1637389497&tld> (дата обращения: 10.11.2021)).

⁴² ECtHR, Moreno Gómez v. Spain (Морено Гомес против Испании) от 16.11.2004. Жалоба № 4143/02, п. 53.

⁴³ ECtHR, Mifsud v. Malta (Мифсуд против Мальты) от 29.01.2019. Жалоба № 62257/15.

⁴⁴ Кириченко К. А. Право ребенка знать своих родителей в контексте вспомогательной репродукции человека: национальные и международные тенденции // Международное публичное и частное право. 2012. № 2. С. 5–9 ; Дорская А. А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2019. № 3. С. 31.

⁴⁵ Например, по Закону о семейном праве Эстонии с 2014 г. (§ 164) совершеннолетний усыновленный ребенок с согласия усыновителя или усыновленный ребенок, ставший взрослым, имеет право получить информацию в Совете социального страхования о факте усыновления. В статье 46 Закона Республики Молдова от 28.05.2010 № 99 «О правовом режиме усыновления» установлено, что приемный родитель обязан проинформировать ребенка о том, что он усыновлен, «как только его возраст и степень зрело-

Португалия принимают во внимание зрелость ребенка только при условии, что заинтересованные стороны зарегистрированы в специальном реестре для облегчения контактов и могут получить доступ к файлам об усыновлении⁴⁶. Долгое время удерживалось от предоставления усыновленным права доступа к информации Княжество Монако, где допустимо как полное (до 2018 г. «узаконивающее»), так и открытое усыновление. В 2019 г. на основе идеи о более пристальном внимании к интересам ребенка и о соответствии усыновления его частной жизни в нормы Гражданского кодекса были внесены поправки, гарантирующие усыновленному право «на доступ к биологическим истокам» при условии, что факт усыновления ему известен⁴⁷.

Остальным странам, пока не принявшим участие в реализации ребенком его права знать (Македония, Россия), надлежит повторно актуализировать тезис, произнесенный одним из членов рабочей группы по разработке европейской Конвенции об усыновлении 2008 г. Суть тезиса в том, что ребенок — это «полярная звезда», которая должна направлять компетентные органы в навигации по созвездию интересов усыновления, в котором ребенок является уязвимой стороной в процессе, проводимом взрослыми⁴⁸.

Заключение

Конструкция тайны усыновления как неотъемлемый элемент закрытого усыновления посте-

пенно утрачивает автономно-изолированный характер, становясь частью более крупного социального и правового порядка. Ее правозащитный эффект бесспорен, но это не означает оторванность тайны усыновления от всех иных событий, которые будут происходить в последующей жизни взрослого усыновленного. Это не является поводом для отвержения данной конструкции, выполняющей локальную конфиденциальную задачу, но служит основанием для ее нормативного сопряжения с новыми видами прав, которые открыты конвенционными нормами. При таком подходе ответ на ключевой вопрос о том, есть ли основания считать тайну усыновления мало актуальной конструкцией из прошлого законодательного поколения, будет однозначно отрицательным.

Неотъемлемой частью новых дискурсов, посвященных исследованию тайны усыновления, должны стать суждения об интеграции интересов усыновленного с его правом знать свое происхождение, с интересами усыновителей и «настоящих» родителей. Это на тот случай, если сами усыновители не захотели, не смогли или не сумели открыть ребенку правду о его происхождении. Если этого не произошло, то усыновленный, желая познать свою детскую историю, не должен оставаться один на один с юридическими барьерами. Преодолеть эти барьеры способно то состояние российского правопорядка, в котором права детей, чье родительство расщеплено, будут скоординированы с правом знать свое происхождение. Процесс не быстрый, но уже и не второстепенный.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов В. А. Российское частное право: чем бы заняться, о чем бы написать? // Законодательство. — 2017. — № 6. — С. 33–50.
2. Виништендаль С. Права детей и резильентность. Два плодотворных и взаимообогащающих подхода / Международное католическое бюро ребенка. — Брюссель, 2012. — 57 с.
3. Дорская А. А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2019. — № 3. — С. 27–41.

сти позволят это сделать» (URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30805555 (дата обращения: 10.12.2021)).

⁴⁶ URL: <https://fra.europa.eu/en/content/accessing-adoption-files-and-information-biological-family> (дата обращения: 10.12.2021).

⁴⁷ Law No 1.470 of June 17, 2019 Principality of Monaco on adoption // URL: <https://rosemont-int.com/ru/article/news/monaco-adoption-regulation> (дата обращения: 10.12.2021).

⁴⁸ Horgan C.-R. Session I — Children in the adoption process // Joint Council of Europe and European Commission Conference. Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child. P. 11.

4. Иванова Н. А. К вопросу о тайне усыновления (удочерения) детей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — № 1 (126). — С. 109–111.
5. Кириченко К. А. Право ребенка знать своих родителей в контексте вспомогательной репродукции человека: национальные и международные тенденции // Международное публичное и частное право. — 2012. — № 2. — С. 5–9.
6. Ловцова Н. И. Профессионализация родительства: политика, теория и практика // Антропология профессий / отв. ред.: П. В. Романова, Е. Р. Ярская-Смирнова. — Саратов : Научная книга, 2005. — С. 432–461.
7. Телюкина М. В., Куликов Е. С. Тенденция ограничения применения института тайны усыновления // Законодательство. — 2019. — № 2. — С. 43–55.
8. Темникова Н. А. Государственная регистрация усыновления (удочерения) в свете перехода к открытому усыновлению // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2013. — № 2 (35). — С. 92–97.
9. Щенникова Л. В. Институт тайны усыновления ребенка: проблемы и решения // Наследственное и семейное право: теория и правоприменительная практика : материалы Международной научно-практической конференции. — Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. — С. 351–355.
10. Beauchesne L. M. As if born for: The social construction of a position of scarce identity for adopted persons (dissertation of D. S. V.). — Wilfrid Laurier University, 1997. — 306 p. — URL: <https://scholars.wlu.ca/etd/213/> (дата обращения: 20.11.2021).
11. Bueren V. G. Children's access to adoption records: State discretion or an enforceable international right // *Modern Law Review*. — 1995. — № 58. — P. 37–53. — URL: <https://www.jstor.org/stable/1096370> (дата обращения: 20.11.2021).
12. Carsten J. Connections and Disconnections of Memory and Kinship in Narratives of Adoption Reunions in Scotland // In *Ghosts of Memory: Essays on Remembrance and Relatedness* / Ed. by J. Carsten. — Oxford : Blackwell, 2007. — P. 421–422. — URL: <https://edinburgh.academia.edu/JanetCarsten> (дата обращения: 20.11.2021).
13. Cerda S. J. The Draft Convention on the Rights of the Child: New Rights // 12 HUM. RTS, 1990. — URL: <https://www.jstor.org/stable/762169?origin> (дата обращения: 20.11.2021).
14. Clapton J. Family stories and family secrets: Recent discoveries. — 2021. — URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1640244222&tld=ru&lang=en&name> (дата обращения: 20.11.2021).
15. Dambach M., Maurin C. The child's consultation and consent in adoption // Joint Council of Europe and European Commission Conference. Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child. 30 November — 1 December 2009. — Strasbourg, Palais de l'Europe.
16. Detrick S. A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child. — The Hague : M. Nijhoff, 1999. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/233640246> (дата обращения: 20.11.2021).
17. Diver A. Law of Blood-ties — The 'Right' to Access Genetic Ancestry. — Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London : Springer, 2014. — URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/r32694.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).
18. Doek J. Article 8: The Right to Preservation of Identity: A Commentary of the United Nations Convention on the Rights of the Child. 2006. — URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Article-8-%3A-the-right-to-preservation-of-identity-%3B-Doek/c52a4d7aa33295bbff90643202f7ee7f8d9a36a0> (дата обращения: 20.11.2021).
19. Erickson E. H. Youth Identity and Crisis. — New York — London, 1968.
20. European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe, 2015. — URL: <https://rm.coe.int/16805ab6fe> (дата обращения: 20.11.2021).
21. Fortin J. Children's Right to Know Their Origins — Too Far, Too Fast? // Quarterly Publication on Children's and Family Law. — 2009. — Vol. 21. — № 3. — P. 336–355. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/228236224> (дата обращения: 20.11.2021).
22. Grotevant H. D. Family processes, identity development and behavioral outcome for adopted adolescents // *Journal of Adolescent Research*. — 1997. — № 12. — P. 139–161. — URL: <https://doi.org/10.1177/0743554897121008> (дата обращения: 20.11.2021).

23. Holden L. The Open Way of Open Adoption: Helping Your Child Grow Up Healthy. — Rowman & Littlefield Publishing, 2013. — 228 p. — URL: <https://rowman.com/ISBN/9781442217393/> (дата обращения: 20.11.2021).
24. Horgan C.-R. Session I — Children in the adoption process // Joint Council of Europe and European Commission Conference. Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child. 30 November — 1 December 2009. — Strasbourg, Palais de l'Europe.
25. Lowe N. & Douglas G. Bromley's family law. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/277016340> (дата обращения: 20.11.2021).
26. Melosh B. Strangers and kin: The American way of adoption. — Harvard University Press, 2002.
27. Mignot J.-F. Child Adoption in Western Europe, 1900–2015 // *Clometrics of the Family*, 2019.
28. Nowak M. UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary. — 2nd edn. — Kehl/Strasbourg/Arlington : N. P. Engel, 2005. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/298216493> (дата обращения: 20.11.2021).
29. Riley H. Confronting the conspiracy of silence and denial of difference for late discovery adoptive persons and donor conceived people // *Australian Journal of Adoption*. — 2013. — № 7. — P. 1–13.
30. Rushbrook R. The proportion of adoptees who received birth records in England and Wales, *Population Trends* (104). — UK Office of National Statistics, 2001.
31. Robertson K. C. Attachment and care-giving behavioral systems in intercountry adoption: A literature review // *Children and Youth Services Review*. — 2006. — 28 (7). — P. 727–740. — URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/cysrev/v28y2006i7p727-740.html> (дата обращения: 20.11.2021).
32. Rotax H.-H. Zum Recht des Kindes auf Information über seine leiblichen Eltern und zum Recht der Eltern auf Information über tatsächliche Mutter- bzw. Vaterschaft // *Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie*. — 2007. — № 56. — S. 148–171.
33. Sants H. J. Genealogical perplexity in children with substitute parents // *Br J. Med Psychol*. — 1964. — Vol. 37. — P. 133–142. — URL: <https://bpspsychub.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.2044-8341.1964.tb01981.x> (дата обращения: 20.11.2021).
34. Selman P. The rise and fall of international adoption in the 21st century // *International Social Work*. — 2009. — № 52 (5). — P. 575–594. — URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-rise-and-fall-of-intercountry-adoption-in-the-Selman/42fcc8a9bf514d7bf36ec492d4ed3c81da3d8ced> (дата обращения: 20.11.2021).
35. Zermatten J. Implementation handbook for the convention on the rights of the child. Completely revised third edition. — United Nations Children's Fund, 2007. — 787 p. — URL: <https://www.unicef.org/lac/media/22071/file/Implementation%20Handbook%20for%20the%20CRC.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

Материал поступил в редакцию 28 декабря 2021 г.

REFERENCES

1. Belov VA. Rossiyskoe chastnoe pravo: chem by zanyatsya, o chem by napisat? [Russian Private Law: Determining Research Profile]. *Zakonodatel'stvo*. 2017;6:33-50 (In Russ.).
2. Vinishtendal S. Prava detey i rezilientnost. Dva plodotvornykh i vzaimoobogashchayushchikh podkhoda [Children's rights and resilience. Two fruitful and mutually enriching approaches]. *International Catholic Child Bureau*. Brussels; 2012 (In Russ.).
3. Dorskaya AA. Semeynye tsennosti kak predmet nauchnoy diskussii: osnovnye napravleniya izucheniya semeynogo prava v Rossii na sovremennom etape [Family values as a subject of scientific discussion: Main Directions of Studying Family Law in Russia at the Present Stage]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2019;3:27-41 (In Russ.).
4. Ivanova NA. K voprosu o tayne usynovleniya (udochereniya) detey [On the Question of the Secrecy of Adoption of Children]. *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2019;1(126):109-111 (In Russ.).
5. Kirichenko KA. Pravo rebenka znat svoikh roditeley v kontekste vspomogatel'noy reprodukcii cheloveka: natsionalnye i mezhdunarodnye tendentsii [The right of a child to know his parents in the context of assisted human reproduction: national and international trends]. *International Public and Private Law*. 2012;2:5-9 (In Russ.).

6. Lovtsova NI. Professionalizatsiya roditelstva: politika, teoriya i praktika [Professionalization of parenthood: policy, theory and practice]. In: Romanov PV, Yarskaya-Smirnova ER, editors. Anthropology of professions. Saratov: Nauchnaya kniga Publ.; 2005 (In Russ.).
7. Telyukina MV, Kulikov ES. Tendentsiya ogranicheniya primeneniya instituta tayny usynovleniya [Limiting Legal Effect of Closed Adoption]. *Zakonodatel'stvo*. 2019;2:43-55 (In Russ.).
8. Temnikova NA. Gosudarstvennaya registratsiya usynovleniya (udochereniya) v svete perekhoda k otkrytomu usynovleniyu [Civil Registration of Adoption in the Light of the Conversion to the Open Adoption]. *Herald of Omsk University. Series "Law"*. 2013;2(35):92-97 (In Russ.).
9. Shchennikova LV. Institut tayny usynovleniya rebenka: problemy i resheniya [Institute of the Secret of Child Adoption: problems and solutions]. In: Inheritance and Family Law: Theory and Law Enforcement Practice: *Proceedings of the International Scientific And Practical Conference*. Stavropol: North Caucasus Federal University Publ.; 2015 (In Russ.).
10. Beauchesne LM. As if born for: The social construction of a position of scarce identity for adopted persons (dissertation of D. S. V.). Wilfrid Laurier University; 1997. Available at: <https://scholars.wlu.ca/etd/213/> (accessed: 20.11.2021).
11. Bueren VG. Children's access to adoption records: State discretion or an enforceable international right. *Modern Law Review*. 1995;58;37-53. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1096370> (accessed: 20.11.2021).
12. Carsten J. Connections and Disconnections of Memory and Kinship in Narratives of Adoption Reunions in Scotland. In: Carsten J, editor. Ghosts of Memory: Essays on Remembrance and Relatedness. Oxford : Blackwell; 2007. Available at: <https://edinburgh.academia.edu/JanetCarsten>.
13. Cerda SJ. The Draft Convention on the Rights of the Child: New Rights, 12 HUM. RTS, 1990. Available at: <https://www.jstor.org/stable/762169?origin> (accessed: 20.11.2021).
14. Clapton J. Family stories and family secrets: Recent discoveries. 2021. Available at: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1640244222&tld=ru&lang=en&name> (accessed: 20.11.2021).
15. Dambach M, Maurin C. The child's consultation and consent in adoption. Joint Council of Europe and European Commission Conference Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child 30 November — 1 December 2009. Strasbourg, Palais de l'Europe.
16. Detrick S. A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child. The Hague : M. Nijhoff, 1999. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/233640246> (accessed: 20.11.2021).
17. Diver A. Law of Blood-ties — The 'Right' to Access Genetic Ancestry. Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London : Springer, 2014. Available at: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/r32694.pdf> (accessed: 20.11.2021).
18. Doek J. Article 8: The Right to Preservation of Identity: A Commentary of the United Nations Convention on the Rights of the Child. 2006. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Article-8-%3A-the-right-to-preservation-of-identity-%3B-Doek/c52a4d7aa33295bbff90643202f7ee7f8d9a36a0> (accessed: 20.11.2021).
19. Erickson EN. Youth Identity and Crisis. New York — London; 1968. Available at: <https://www.academia.edu/37327712> (accessed: 20.11.2021).
20. European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe; 2015. Available at: <https://rm.coe.int/16805ab6fe> (accessed: 20.11.2021).
21. Fortin J. Children's Right to Know Their Origins — Too Far, Too Fast? *Quarterly Publication on Children's and Family Law*. 2009;21(3):336-355. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/228236224> (accessed: 20.11.2021).
22. Grotevant HD. Family processes, identity development and behavioral outcome for adopted adolescents. *Journal of Adolescent Research*. 1997;12:139-161. Available at: <https://doi.org/10.1177/0743554897121008> (accessed: 20.11.2021).
23. Holden L. The Open Way of Open Adoption: Helping Your Child Grow Up Healthy. Rowman & Littlefield Publishing; 2013. Available at: <https://rowman.com/ISBN/9781442217393/> (accessed: 20.11.2021).
24. Horgan CR. Session I — Children in the adoption process. Joint Council of Europe and European Commission Conference Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child 30 November — 1 December 2009. Strasbourg, Palais de l'Europe.
25. Lowe N, Douglas G. Bromley's family law. Oxford; Oxford University Press; 2007. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/277016340> (accessed: 20.11.2021).
26. Melosh B. Strangers and kin: The American way of adoption. Harvard University Press; 2002. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper> (accessed: 20.11.2021).

27. Mignot J-F. Child Adoption in Western Europe, 1900–2015. *Clometrics of the Family*; 2019.
28. Nowak M. UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary. 2nd edn. Kehl/Strasbourg/Arlington: N. P. Engel; 2005. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/298216493> (accessed: 20.11.2021).
29. Riley H. Confronting the conspiracy of silence and denial of difference for late discovery adoptive persons and donor conceived people. *Australian Journal of Adoption*. 2013;7:1-13.
30. Rushbrook R. The proportion of adoptees who received birth records in England and Wales, Population Trends (104). UK Office of National Statistics; 2001.
31. Robertson KC. Attachment and care-giving behavioral systems in intercountry adoption: A literature review. *Children and Youth Services Review*. 2006;28(7):727-740. Available at: <https://ideas.repec.org/a/eee/cysrev/v28y2006i7p727-740.html> (accessed: 20.11.2021).
32. Rotax HH. Zum Recht des Kindes auf Information über seine leiblichen Eltern und zum Recht der Eltern auf Information über tatsächliche Mutter- bzw. Vaterschaft. *Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie*. 2007;56:148-171 (In Germ.).
33. Sants HJ. Genealogical perplexity in children with substitute parents. *Br J. Med Psychol*. 1964;37:133-142. Available at: <https://bpspsychub.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.2044-8341.1964.tb01981.x> (accessed: 20.11.2021).
34. Selman P. The rise and fall of international adoption in the 21st century. *International Social Work*. 2009;52(5):575-594. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-rise-and-fall-of-intercountry-adoption-in-the-Selman/42fcc8a9bf514d7bf36ec492d4ed3c81da3d8ced> (accessed: 20.11.2021).
35. Zermatten J. Implementation handbook for the convention on the rights of the child. Completely revised third edition. United Nations Children's Fund; 2007. Available at: <https://www.unicef.org/lac/media/22071/file/Implementation%20Handbook%20for%20the%20CRC.pdf> (accessed: 20.11.2021).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.034-042

М. Н. Малеина*

Правовой статус центра коллективного пользования научным оборудованием

Аннотация. Деятельность центров коллективного пользования (ЦКП) научным оборудованием рассматривается в контексте функционирования экономики совместного потребления. В настоящее время происходит развитие законодательства о ЦКП, которые созданы госорганами или функционируют которых обеспечивается с привлечением бюджетных средств. Но отсутствуют специальные нормы, касающиеся ЦКП, не финансируемых государством и органами местного самоуправления. Соответственно, на эти ЦКП распространяются нормы, определяющие правовой статус базовой организации в целом. В силу социальной значимости ЦКП, их роли в обеспечении национальной безопасности государства целесообразно принятие нормативных актов о статусе и деятельности ЦКП независимо от вида учредителей и источников финансирования ЦКП. Хотя центр коллективного пользования создается как структурная единица государственной научной или образовательной организации, в статье обосновывается допустимость образования ЦКП как самостоятельных организаций. Правовой режим имущества ЦКП имеет специфику применительно к такой группе, как научное оборудование и уникальные научные установки. Описание такого оборудования является существенным условием договоров ЦКП с внешними пользователями, кроме того, отдельные виды оборудования отвечают признакам источников повышенной опасности. Предлагается новое определение центра коллективного пользования научным оборудованием. Центр коллективного пользования научным оборудованием — это структурное подразделение научной или образовательной организации или самостоятельное юридическое лицо, которое располагает научным и (или) технологическим оборудованием, высококвалифицированным персоналом, проводит научные исследования, экспериментальные разработки в своих интересах и по заказу третьих лиц либо предоставляет в пользование научное оборудование третьим лицам для соответствующих исследований и разработок.

Ключевые слова: экономика совместного потребления; долевая экономика; научная инфраструктура; центр коллективного пользования; ЦКП; научная организация; научное оборудование; уникальная научная установка; УНУ; суперкомпьютерный центр; уникальная научная установка класса «мегасайенс»; внешние пользователи.

Для цитирования: Малеина М. Н. Правовой статус центра коллективного пользования научным оборудованием // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 34–42. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.034-042.

Legal Status of a Core Facility for Scientific Equipment

Marina N. Maleina, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honoured Lawyer of the Russian Federation
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
maleinamari@yandex.ru

Abstract. Core facilities (CF) for scientific equipment work is examined in the context of the sharing economy. Currently, there is a development of legislation concerning CFs set up by state agencies or the functioning of which is provided with the involvement of budgetary funds. But there are no special rules concerning the CF that are not funded by the state and local self-government bodies. Accordingly, these CFs are subject to the norms

© Малеина М. Н., 2022

* Малеина Марина Николаевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
maleinamari@yandex.ru

that determine the legal status of the basic organization as a whole. Due to the social significance of the CFs, their role in ensuring the national security of the state, it is advisable to adopt regulations concerning the status and activities of the CFs, regardless of the CF's type of founders and sources of funding. Although the core facility is being created as a structural unit of a state scientific or educational organization, the paper substantiates the admissibility of the CF formation as an independent entity. The legal regime of the CF property has specifics in relation to such a group as scientific equipment and unique scientific installations. The description of such equipment is an essential condition of the contracts made by the CF with external users. In addition, certain types of equipment meet the specifications of sources of increased danger. The author proposes a new definition of the core facility. A core facility for scientific equipment is a structural subdivision of a scientific or educational organization or an independent legal entity that has scientific and (or) technological equipment, highly qualified personnel, conducts scientific research, experimental developments in its own interests and by order of third parties, or provides scientific equipment to third parties to be used for relevant research and development.

Keywords: economy of shared consumption; sharing economy; scientific infrastructure; core facility; CF; scientific organization; scientific equipment; unique scientific installation; supercomputer center; megascience unique scientific installation; external users.

Cite as: Maleina MN. Pravovoy status tsentra kollektivnogo polzovaniya nauchnym oborudovaniem [Legal Status of a Core Facility for Scientific Equipment]. *Lex russica*. 2022;75(3):34-42. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.034-042. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

К основным направлениям реализации государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации относится создание условий для проведения исследований и разработок путем поддержки функционирования центров коллективного пользования научным оборудованием, экспериментального производства и инжиниринга за счет средств федерального, регионального и местного бюджетов, а также частных инвестиций инфраструктуры (п. 32 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации¹). Стратегия национальной безопасности (утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400²) к задачам в области научно-технического развития относит создание и развитие на территории Российской Федерации сети научных установок класса «мегасайенс», крупных исследовательских инфраструктур, центров коллективного пользования научно-техно-

логическим оборудованием, экспериментального производства и инжиниринга (п. 76).

На сегодняшний день зарегистрировано 645 центров коллективного пользования научным оборудованием и 390 уникальных научных установок (УНУ)³. Включение в реестр ФГБУ «Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере» (РИЭПП) происходит добровольно, поэтому не в полной мере отражает количество таких центров. Изучение центров коллективного пользования за рубежом показывает также отсутствие единой системы их учета⁴.

Функционирование центров коллективного пользования (ЦКП) вписывается в экономику совместного потребления, которая включает механизмы обеспечения доступа к тем или иным ресурсам без возникновения права собственности на них.

По данным отчетности ЦКП, в России за 2018 г. фактическая загрузка дорогостоящего

¹ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

² СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³ Информационная система «Научно-технологическая инфраструктура Российской Федерации: центры коллективного пользования научным оборудованием и уникальные научные установки» // URL: <http://skr.rf-gu> (дата обращения: 24.10.2021).

⁴ Например, приводится информация о том, что в ведении Гарвардского центра клинических и междисциплинарных исследований, объединяющего 30 медицинских институтов и лечебных учреждений, находится 850 центров коллективного пользования (см.: Чеченкина Т. В. Центры коллективного пользования в развитых странах мира: проблемы и перспективы // Управление наукой и наукометрия. 2017. Вып. 1 (23). С. 84 ; Harvard catalyst (2015). Eagle-i resource discovery tool. URL: <https://www.eagle-i.net/>).

оборудования (свыше 1 млн руб. за единицу) в интересах только внешних пользователей составила 41,46 %. Стоимостной объем выполненных работ (оказанных услуг) в интересах внешних пользователей составил 8,18 млрд руб.⁵

Правовое регулирование отношений с участием центров коллективного пользования научным оборудованием

В Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»⁶ (далее — Закон о науке) дано понятие центра коллективного пользования научным оборудованием⁷ (ст. 2), названы создатели и определены отношения, которые регламентируются Правительством РФ (п. 4.1 ст. 5).

В настоящее время происходит развитие законодательства о ЦКП, которые созданы госорганами или функционирование которых обеспечивается с привлечением бюджетных средств.

В развитие закона было принято постановление Правительства РФ от 17.05.2016 № 429 «О требованиях к центрам коллективного пользования научным оборудованием и уникальным научным установкам, которые созданы и (или) функционирование которых обеспечивается с привлечением бюджетных средств, и правилах их функционирования»⁸.

В письмо Минобрнауки РФ от 13.12.2010 № СМ-1086/16 «Об организации деятельности ЦКП» были включены примерное положение о центре коллективного пользования научным

оборудованием и рекомендации по организации доступа заинтересованных пользователей к оборудованию центров коллективного пользования⁹, имеющие неимперативный характер. Минобрнауки России рекомендовал при необходимости скорректировать существующие документы, регламентирующие деятельность каждого центра.

В приказе Федерального агентства научных организаций России от 09.08.2017 № 31н закреплены показатели для ЦКП¹⁰.

Акты субъектов Российской Федерации в этой сфере принимаются, поскольку многие субъекты инновационной системы создаются на базе государственной собственности субъекта Российской Федерации. В частности, в постановлении Правительства Брянской области от 21.02.2018 № 73-п «Об утверждении Положения о деятельности Брянского областного промышленного парка»¹¹ ЦКП представлен как часть Брянского областного промышленного парка (имущество, находящееся в государственной собственности Брянской области).

Отдельно скажем, что отсутствуют специальные нормы, касающиеся ЦКП, не финансируемых государством и органами местного самоуправления. Соответственно, на эти ЦКП распространяются нормы, определяющие правовой статус базовой организации в целом. Вместе с тем полагаем, что в силу социальной значимости ЦКП, их роли в обеспечении национальной безопасности государства целесообразно принятие нормативных актов о статусе и деятельности ЦКП независимо от вида их учредителей и источников финансирования.

⁵ Калюжный К. А. Мониторинг деятельности российских центров коллективного пользования научным оборудованием и уникальных научных установок за 2018 год // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. № 3. С. 438, 440.

⁶ СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

⁷ В дальнейшем для обозначения центров коллективного пользования научным оборудованием используется сокращение «ЦКП».

⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 23.05.2016 (дата обращения: 02.10.2021).

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Приказ Федерального агентства научных организаций России от 09.08.2017 № 31н «Об утверждении значений показателей для центров коллективного пользования научным оборудованием и уникальных научных установок, которые созданы и (или) функционирование которых обеспечивается с привлечением бюджетных средств в научных организациях, подведомственных Федеральному агентству научных организаций» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 16.10.2017 (дата обращения: 02.10.2021).

¹¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 26.02.2018 (дата обращения: 02.10.2021).

Создание центра коллективного пользования: состояние и перспективы

Решение о создании ЦКП принимает образовательная или научная организация (именуемая законодателем базовой организацией), в состав которой будет входит центр. По материалам исследований зарубежных ЦКП для них также характерно образование ЦКП как составной части организации¹². Пока в России в большинстве случаев образуются ЦКП в структуре государственных учреждений. Имеются и другие примеры. Так, в структуре автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Сколковский институт науки и технологий» создано подразделение «Центр коллективного пользования в области геномики». Федеральное государственное унитарное предприятие «Всероссийский научно-исследовательский институт оптико-физических измерений» создало Центр коллективного пользования высокоточных измерительных технологий в области фотоники.

Следует отметить появление второго — межгосударственного — уровня ЦКП. Согласно Положению о формировании межгосударственной сети центров коллективного пользования в сфере инновационного сотрудничества государств — участников Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств — участников СНГ на период до 2020 года¹³ оператор (Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий) осуществляет проведение комплекса организационных мероприятий по созданию межгосударственной сети ЦКП, формирует реестр участников. Научные и образовательные организации в разных государствах, имеющие в своем составе ЦКП, прошедшие конкурсный отбор, заключают договоры о межгосударственном сотрудничестве, предоставляя в пользование научное оборудование (уникальные научные установки) иностранным пользовате-

лям (участникам программы инновационного сотрудничества).

До начала работы базовая организация, финансируемая из бюджетных средств, обеспечивает также разработку и утверждение нескольких документов, включающих положение о центре коллективного пользования, регламент доступа к оборудованию центра и (или) уникальной установке, форму заявки, правила конкурсного отбора заявок третьих лиц на выполнение центром работ и (или) оказание услуг, перечень выполняемых типовых работ и (или) оказываемых услуг, перечень имеющегося научного оборудования, проект гражданско-правового договора о выполнении работ и (или) об оказании услуг для проведения научных исследований, а также для осуществления экспериментальных разработок. Среди обязательных документов отсутствует упоминание о проекте договора о предоставлении научного оборудования в пользование внешним пользователям, что не соответствует деловой практике и нарушает равновесие в обеспечении заключаемых ЦКП договоров разных видов.

Иногда признаком экономики совместного потребления называют организацию посредством специализированных онлайн-платформ¹⁴. Частично роль такой платформы выполняет информационная система «Научно-технологическая инфраструктура Российской Федерации: центры коллективного пользования научным оборудованием и уникальные научные установки¹⁵. Но основными узлами связи пока являются веб-сайты каждого ЦКП.

Отдельно отметим, что базовая организация, финансируемая не из бюджетных средств, не должна в обязательном порядке принимать приведенные выше документы.

Допустимо ли создание ЦКП как самостоятельного юридического лица, а не структурного подразделения? Принципиального препятствия не существует, поскольку, по существу, ЦКП осуществляет деятельность научной или

¹² Чеченкина Т. В. Центры коллективного пользования в развитых странах мира: проблемы и перспективы // Управление наукой и наукометрия. 2017. Вып. 1 (23). С. 82.

¹³ Решение Экономического совета СНГ «О Положении о формировании межгосударственной сети центров коллективного пользования в сфере инновационного сотрудничества государств — участников Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств — участников СНГ на период до 2020 года» (принято в г. Минске 21.06.2019) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/>.

¹⁴ Бычков А. И. Правовое регулирование экономики совместного потребления. М. : Инфотропик Медиа, 2019.

¹⁵ URL: <http://ckp.rf-ru> (дата обращения: 24.10.2021).

образовательной организации. А научной организацией признается юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности (п. 1 ст. 5 Закона о науке). Согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹⁶ образовательной организацией считается некоммерческая организация (ст. 2). Как указывалось ранее в юридической литературе, не все из поименованных организационно-правовых форм некоммерческих организаций «пригодны (даже по своему названию) для образовательных организаций. Непригодны они и исходя из целей, ради которых соответствующие организации могут создаваться»¹⁷. Но в Законе о науке все-таки центр определен как структурное подразделение, что в дальнейшем может вызвать сложности при его регистрации как самостоятельной организации. А значит, требуется внесение изменений в закон. В связи с этим следует решить и вопрос об использовании слов «центр коллективного пользования» в наименовании организации и (или) структурного подразделения.

Правоспособность центра коллективного пользования

В юридической литературе ЦКП относят к субъектам инновационного права, способствующим осуществлению инновационной деятельности¹⁸. Поэтому ЦКП находятся в одном ряду с технопарками, частными и государственными бизнес-инкубаторами, коворкингами, центрами трансфера технологий, инжиниринговыми центрами, центрами прототипирования, фондами стартового и венчурного финансирования, центрами молодежного инновационного творчества и пр.

ЦКП реализуют свои потребности, самостоятельно используя прикрепленные ресурсы и квалифицированные трудовые кадры или вступая в отношения с внешними пользователями. Использование научного оборудования происходит путем извлечения пользы из договоров по поводу имущества, вид которых зависит от специфики оказываемых услуг или работ, сте-

пени участия в использовании оборудования заказчиком (пользователем).

Использование научного оборудования возможно путем выполнения центром работ или услуг в пользу заказчика или путем предоставления научного оборудования в пользование для работ на нем непосредственно пользователем. В первом случае заключаются договоры на выполнение научно-исследовательских работ или возмездного оказания услуг. О совместном пользовании здесь можно говорить только в самом широком смысле, имея в виду, что в один период разные пользователи получают результат, полученный одним и тем же исполнителем с использованием одного и того же имущества. Но такое объяснение, на наш взгляд, стирает границу между разными договорными формами и специфику sharing есопому. Во втором случае заключаются договоры пользования имуществом с каждым внешним пользователем. От классического договора аренды подобные договоры отличается тем, что 1) в один период разные пользователи используют одно и то же научное оборудование, соблюдая план работы центра, 2) услуги коллективного пользования научным оборудованием могут предоставляться как на возмездной, так и на безвозмездной основе (п. 12.1 примерного положения о центре коллективного пользования научным оборудованием); 3) в качестве существенных условий выделяются условия об определенном объекте (научное оборудование или уникальная обстановка), о сроке пользования и о конфиденциальности методики исследования и полученного результата.

Отнесение деятельности ЦКП к сфере sharing есопому объясняется не только названием центра, но и установлением таких показателей, как:

- 1) отношение фактического времени работы оборудования ЦКП (или УНУ) в интересах третьих лиц в размере не менее 20 % (не менее 15 %) к фактическому времени работы оборудования ЦКП (или УНУ) за год;
- 2) количество организаций-пользователей и (или) организаций, участвующих в проведении исследований (экспериментов) с использованием УНУ, — не менее двух в год.

¹⁶ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

¹⁷ Образовательное законодательство России. Новая веха развития : монография / Л. В. Андриченко, В. Л. Баранков, Б. А. Булаевский [и др.] ; под ред. Н. В. Путило, Н. С. Волковой. М. : ИЗиСП, 2015 (автор главы — Б. А. Булаевский).

¹⁸ Ефимцева Т. В. Место инновационного права в системе российского права // Предпринимательское право. 2014. № 3. С. 35–39.

Наряду с основной деятельностью — проведение научных исследований — ЦКП осуществляют связанную деятельность: проводят обучение методам работы на оборудовании ЦКП, осуществляют консультирование, ремонт оборудования, выполняют рекламную, издательскую деятельность.

Структура центра коллективного пользования научным оборудованием и основы управления

ЦКП имеет печать и бланк со своим наименованием. Центр включает несколько подразделений (лаборатории, отделы, группы, секторы). Например, структура ЦКП «Промышленные биотехнологии» ФИЦ «Фундаментальные основы биотехнологии» РАН состоит из следующих подразделений: группа хроматографических методов исследования; группа биоинженерии; группа управляемого культивирования микроорганизмов; группа масс-спектрометрического анализа и анализа низкомолекулярных метаболитов; группа спектральных методов исследований (п. 5.1 Положения о Центрах коллективного пользования ФИЦ Биотехнологии РАН от 16.07.2015).

Руководство текущей деятельностью ЦКП может осуществлять руководитель базовой организации, но чаще всего в силу специфики и объема работы директором является иное лицо, назначенное по решению руководителя базовой организации. Руководитель ЦКП принимает и рассматривает заявки на проведение исследований в ЦКП; утверждает графики выполнения работ; организует выполнение работ, контролирует правильную эксплуатацию оборудования.

Правовой режим имущества центра коллективного пользования научным оборудованием

Используемое ЦКП имущество находится на балансе базовой организации.

Виды имущества. Среди видов имущества, прикрепленного к ЦКП, выделим группу «научное оборудование, уникальные установки, уникальные научные установки класса «мега-сайенс»» и группу «иное имущество».

Научное оборудование, уникальные установки, научные установки класса «мега-сайенс». Согласно Правилам функционирования Центров 2016 г. до начала создания базовая организация утверждает перечень научного оборудования, содержащий наименования и основные характеристики приборов, наименование производителя, а также сведения о метрологическом обеспечении средств измерений (ст. 2). В частности, Центр коллективного пользования Байкальского института природопользования СО РАН (г. Улан-Удэ) представил на своем сайте перечень из 20 наименований оборудования, среди которого автономная метеорологическая станция «СИМПА-2И»; анализатор общего углерода TOC-L CSN; двухколонная испытательная рама настольного типа 3367; спектрофотометр Shimadzu UV-1800.

Научное оборудование может быть создано как самой базовой организацией, так и иным субъектом, аналоги такого оборудования имеются. Обособление можно объяснить высокой стоимостью единицы оборудования, эксплуатацией с использованием высококвалифицированных специалистов.

В Законе о науке дано определение уникальной научной установки. Это комплекс научного оборудования, не имеющий аналогов в Российской Федерации, функционирующий как единое целое и созданный научной организацией и (или) образовательной организацией в целях получения научных результатов, достижение которых невозможно при использовании другого оборудования (ст. 2). Например, уникальная научная установка в составе оборудования Центра коллективного пользования сверхвысокопроизводительными вычислительными ресурсами (Москва, МГУ) — суперкомпьютер «Ломоносов-2» (фирма-изготовитель: ОАО «Т-Платформы» (T-Platforms), страна происхождения фирмы-изготовителя: Россия, год выпуска 2017).

Большинство установок (58 %) относится к типу УНУ, созданных как комплексы несерийного научного оборудования; 30 % являются коллекциями; 9 % предназначены для решения задач в рамках одного научного проекта¹⁹.

Проекты класса «мега-сайенс» — это не имеющая аналогов в мире материальная или цифровая инфраструктура, в том числе территориально распределенная, функционирующая

¹⁹ Калюжный К. А. Указ. соч. С. 447.

как единое целое и ориентированная на получение научных результатов, достижение которых невозможно на других установках мира (п. 25 Публичной декларации целей и задач Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на 2021 год, утв. Минобрнауки России²⁰). В частности, согласно паспорту национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) начато проведение международных исследований на уникальных научных установках класса «мега-сайенс»: Комплекс сверхпроводящих колец на встречных пучках тяжелых ионов NICA, источник синхротронного излучения 4-го поколения (ИССИ-4), Сибирский кольцевой источник фотонов (СКИФ), Международный центр нейтронных исследований на базе высокопоточного реактора ПИК²¹.

Группа «иное имущество». Что же касается иного оборудования (персональные компьютеры, офисные принтеры, сканеры), мебели, то оно используется для повышения эффективности делопроизводства и административно-управленческой деятельности, а не для получения научных результатов.

Источники финансирования. Финансирование ЦКП производится за счет финансирования базовой организации.

Согласно п. 9 Правил функционирования финансирование деятельности ЦКП осуществляется учредителями базовой организации, иными государственными органами, органами местного самоуправления, фондами поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности.

Наиболее типичными источниками финансирования ЦКП являются бюджетные средства (в виде субсидий) и плата за оказание услуг (работ) на оборудовании ЦКП и за предостав-

ление в пользование научного оборудования внешним пользователям.

Одним из инструментов поддержки ЦКП являлась федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2021 годы»²². В рамках этой программы поддержку получили: в 2014–2016 гг. — 40 проектов, объем финансирования — 4,891 млрд руб.; в 2017–2018 гг. — 21 проект, объем финансирования — 3,064 млрд руб.²³ Значение имеют и разовые ассигнования из резервного фонда Президента Российской Федерации²⁴.

Как мера контроля расходования перечисленных базовым организациям для ЦКП бюджетных средств постановлением Правительства РФ от 17.05.2016 № 429 предусмотрена возможность потребовать возврата денежных средств либо сократить финансирование на следующий финансовый год (этап выполнения работ) в случае недостижения ими по итогам года значений показателей, установленных требованиями к центрам коллективного пользования (п. 9 Правил функционирования центров коллективного пользования научным оборудованием и уникальных научных установок, которые созданы и (или) функционирование которых обеспечивается с привлечением бюджетных средств). Это последствие можно квалифицировать как форму финансовой ответственности ЦКП в лице базовой организации перед публичным образованием.

Права и обязанности центра коллективного пользования научным оборудованием

Обычно элементом статуса субъекта называют его основные права и обязанности. Права ЦКП обусловлены целями его деятельности. ЦКП

²⁰ Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

²² Постановление Правительства РФ от 21.05.2013 № 426 «О федеральной целевой программе “Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2021 годы”» // СЗ РФ. 2013. № 22. Ст. 2810.

²³ Калюжный К. А., Чеченкина Т. В. Ресурсный потенциал и результативность деятельности центров коллективного пользования научным оборудованием и уникальных научных установок. М. : РИЭПП, 2019. С. 33.

²⁴ См., например: распоряжение Президента РФ от 09.08.2004 № 359-рп «О выделении средств Федеральному агентству по образованию на приобретение оборудования для Межвузовского центра коллективного пользования по проблемам химико-лесного комплекса Сибирского государственного технологического университета» // СЗ РФ. 2004. № 33. Ст. 3485.

вправе осуществлять научную деятельность с использованием научного оборудования в интересах базовой организации и третьих лиц, вправе требовать оплаты использования оборудования в установленном порядке.

Обязанности ЦКП обусловлены спецификой экономики совместного потребления. ЦКП обязан организовать эффективное использование закрепленного за ним научного оборудования; обеспечить безопасность работы с научным оборудованием; кооперировать деятельность внешних пользователей (заказчиков) на одном и том же оборудовании; представить документ о проведенных внешним пользователем на оборудовании исследованиях.

Ответственность центра коллективного пользования научным оборудованием

ЦКП не несет самостоятельной ответственности, так как не является юридическим лицом. Но можно осветить вопрос об ответственности базовой организации по договорным обязательствам, в которых были задействованы сотрудники и научное оборудование ЦКП, а также о внедоговорной ответственности по факту причинения вреда третьим лицам при использовании научного оборудования ЦКП.

Имеются специфические риски причинения вреда внешним пользователям. Во-первых, некоторые ЦКП используют научное оборудование с опасными свойствами. К их числу можно отнести ядерные и термоядерные установки, лазерную технику, электрофизические установки и ускорители и т.п. Если научное оборудование ЦКП отвечает признакам источника повышенной опасности, то в случае виновного или случайного причинения вреда пользователям в процессе функционирования оборудования наступает ответственность базовой организации независимо от вины (ст. 1079 ГК РФ).

Во-вторых, большинство результатов исследований, полученных с использованием научного оборудования ЦКП, составляют изобретения, программы для ЭВМ и полезные модели (в 2018 г. в России их общая доля составила 72 % от общего количества результатов)²⁵. Утечка информации о научной разработке пользователя посредством использования базы информации ЦКП (журнала учета пользователей, сайта, базы данных ЦКП) может повлечь

значительный репутационный и иной ущерб разработчику (пользователю). Вред подлежит возмещению при виновном поведении ЦКП (базовой организации), как правило, в форме неосторожности.

Порядок прекращения деятельности центра коллективного пользования научным оборудованием

Прекращение деятельности ЦКП осуществляется в установленном порядке на основании приказа руководителя базовой организации (п. 14 примерного положения о центре).

Можно выделить несколько специфических оснований ликвидации ЦКП в добровольном порядке по решению базовой организации: моральное старение оборудования, отсутствие спроса на оборудование в связи с конкуренцией.

Как уже было отмечено ранее, нарушение показателей (нормативов), установленных для ЦКП, которые созданы и (или) функционирование которых обеспечивается с привлечением бюджетных средств в научных организациях, подведомственных Федеральному агентству научных организаций, влечет ограничение в дальнейшем финансировании. Исходя из названия и сути ЦКП, полагаю, что если ЦКП не предоставляет услуги внешним пользователям, то в нормативном акте следует установить порядок прекращения деятельности ЦКП. С учетом экономической ситуации и значения для региона оборудования и УНУ следует обосновать учитываемый период бездействия. Такая мера не означает последующего изъятия оборудования, которое может по-прежнему использоваться в интересах самой научной или образовательной организации.

Определение центра коллективного пользования научным оборудованием

Согласно ст. 2 Закона о науке центр коллективного пользования научного оборудования — структурное подразделение, которое создано научной организацией и (или) образовательной организацией, располагает научным и (или) технологическим оборудованием, квалифицированным персоналом и обеспечивает в интересах

²⁵ Калюжный К. А. Указ. соч. С. 442.

третьих лиц выполнение работ и оказание услуг для проведения научных исследований, а также осуществления экспериментальных разработок.

В процессе этого исследования выявлены неточности: ЦКП может создаваться не только государственными организациями, но и частными организациями; в ЦКП не только выполняются работы и оказываются услуги, но и предоставляется в пользование оборудование; нет препятствий для изменения законодательства и создания ЦКП как самостоятельного юридического лица. Эти замечания позволяют обосновать сле-

дующее понимание ЦКП. Центр коллективного пользования научным оборудованием — это структурное подразделение научной или образовательной организации или самостоятельное юридическое лицо, которое располагает научным и (или) технологическим оборудованием, высококвалифицированным персоналом, проводит научные исследования, экспериментальные разработки в своих интересах и по заказу третьих лиц либо предоставляет в пользование научное оборудование третьим лицам для соответствующих исследований и разработок.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бычков А. И. Правовое регулирование экономики совместного потребления. — М. : Инфотропик Медиа, 2019.
2. Ефимцева Т. В. Место инновационного права в системе российского права // Предпринимательское право. — 2014. — № 3. — С. 35–39.
3. Калюжный К. А. Мониторинг деятельности российских центров коллективного пользования научным оборудованием и уникальных научных установок за 2018 год // Управление наукой и наукометрия. — 2019. — Т. 14. — № 3. — С. 425–458. — DOI: <https://doi.org/10.33873/1996-9953>.
4. Калюжный К. А., Чеченкина Т. В. Ресурсный потенциал и результативность деятельности центров коллективного пользования научным оборудованием и уникальных научных установок. — М. : РИЭПП, 2019. — 37 с.
5. Образовательное законодательство России. Новая веха развития : монография / Л. В. Андриченко, В. Л. Баранков, Б. А. Булаевский [и др.] ; под ред. Н. В. Путило, Н. С. Волковой. — М. : ИЗиСП, 2015.
6. Чеченкина Т. В. Центры коллективного пользования в развитых странах мира: проблемы и перспективы // Управление наукой и наукометрия. — 2017. — Вып. 1 (23). — С. 80–101.

Материал поступил в редакцию 28 декабря 2021 г.

REFERENCES

1. Bychkov AI. Pravovoe regulirovanie ekonomiki sovmeshnogo potrebleniya [Legal regulation of the economy of sharing consumption]. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2019 (In Russ.).
2. Efimtseva TV. Mesto innovatsionnogo prava v sisteme rossiyskogo prava [The Place of the Innovative Law in System of Russian Law]. *Business Law*. 2014;3:35-39 (In Russ.).
3. Kalyuzhnyi KA. Monitoring deyatelnosti rossiyskikh tsentrov kollektivnogo polzovaniya nauchnym oborudovaniem i unikalnykh nauchnykh ustanovok za 2018 god [The Results of Monitoring of Russian Core Shared Research Facilities and Large-Scale Research Facilities for 2018]. *Upravleniye naukoy i naukometriya*. 2019;14(3):425-458. DOI: <https://doi.org/10.33873/1996-9953> (In Russ.).
4. Kalyuzhnyi KA, Chechenkina TV. Resursnyy potentsial i rezul'tativnost deyatelnosti tsentrov kollektivnogo polzovaniya nauchnym oborudovaniem i unikalnykh nauchnykh ustanovok [Resource potential and effectiveness of the common use centers of scientific equipment and unique scientific installations]. Moscow: RIEPP Publ.; 2019 (In Russ.).
5. Andrichenko LV, Barankov VL, Bulaevskiy BA, et al. Obrazovatelnoe zakonodatel'stvo Rossii. Novaya vekha razvitiya : monografiya [Educational legislation of Russia. A new milestone of development: a monograph]. Moscow: IZiSP Publ.; 2015 (In Russ.).
6. Chechenkina TV. Tsentry kollektivnogo polzovaniya v razvitykh stranakh mira: problemy i perspektivy [Core Facilities in Developed Countries: Challenges and Opportunities]. *Upravleniye naukoy i naukometriya*. 2017;1(23):80-101 (In Russ.).

Правовое регулирование минимального размера обязательных инвестиций, осуществляемых иностранной компанией при редомициляции в РФ

Аннотация. Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие величину инвестиций, сопровождающих процедуру редомициляции иностранной компании в специальные административные районы Российской Федерации. Установлено, что действующий порядок определения минимального размера обязательных инвестиций препятствует расширению практики редомициляции в российскую юрисдикцию иностранных организаций: отсутствие дифференциации величины инвестиций влечет диспропорцию (неравенство) их правового положения. В результате процедура редомициляции в РФ для более крупных компаний выглядит привлекательнее, чем для менее крупных (что снижает заинтересованность последних в ее использовании).

Предложена гипотеза о том, что в действующем виде исполнение обязанности по осуществлению инвестиций в экономику РФ представляет собой «имущественное обременение», которое по своей правовой природе является эквивалентом меры ответственности и выступает своеобразной косвенной санкцией.

Для устранения выявленных недостатков разработана методика дифференциации минимального размера обязательных инвестиций на основе суммы двух следующих переменных: 1) величины активов редомицилируемой иностранной компании и 2) величины активов контролируемых ею российских организаций. При этом представляется нецелесообразным полностью отказаться от некоторого недифференцированного размера обязательных инвестиций — определенный фиксированный объем инвестиций необходимо включить в качестве одного из компонентов в их итоговую величину.

Предложенная модель позволит сделать минимальный размер необходимых инвестиций более справедливым и обеспечит пропорциональное инвестиционное обременение как для более крупных, так и для менее крупных иностранных компаний (что восстановит равенство их прав и законных интересов в процессе редомициляции).

При проведении исследования использованы аналитический и гипотетико-дедуктивный методы.

Ключевые слова: редомициляция; инвестиции; специальные административные районы; международная компания; международная холдинговая компания; привлекательность редомициляции; дифференциация иностранных организаций; справедливое инвестиционное обременение; офшоры; уклонение от налогообложения.

Для цитирования: Кондукторов А. С. Правовое регулирование минимального размера обязательных инвестиций, осуществляемых иностранной компанией при редомициляции в РФ // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 43–52. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.043-052.

© Кондукторов А. С., 2022

* Кондукторов Антон Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского
Астраханская ул., д. 83, г. Саратов, Россия, 410012
ack-87@mail.ru

Legal Regulation of the Minimum Amount of Mandatory Investments Made by a Foreign Company during Redomiciliation in the Russian Federation

Anton S. Konduktorov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Customs, Administrative and Financial Law, Saratov Chernyshevsky National Research State University
ul. Astrakhanskaya, d. 83, Saratov, Russia, 410012
ack-87@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the legal norms regulating the amount of investments accompanying the procedure of redomiciliation of a foreign company to special administrative regions of the Russian Federation. It is established that the current procedure for determining the minimum amount of mandatory investments prevents the expansion of the practice of redomiciliation of foreign organizations into the Russian jurisdiction: the lack of differentiation of the amount of investments entails a disproportion (inequality) in their legal status. As a result, the redomiciliation procedure in the Russian Federation looks more attractive for larger companies than for smaller ones (which reduces the interest of the latter in using it).

The hypothesis is proposed that, in its current form, the fulfillment of the obligation to invest in the economy of the Russian Federation is a «property encumbrance», which by its legal nature is equivalent to a measure of responsibility and acts as a kind of indirect sanction.

To eliminate identified shortcomings, a methodology has been developed for differentiating the minimum amount of mandatory investments based on the sum of the following two variables: 1) the value of assets of a redomiciled foreign company; and 2) the amount of assets of Russian organizations controlled by it. At the same time, it seems impractical to completely abandon undifferentiated amount of mandatory investments—a certain fixed amount of investments must be included as one of the components in their final value. The proposed model will make the minimum amount of necessary investments more equitable and will provide a proportional investment burden for both larger and smaller foreign companies (which will restore equality of their rights and legitimate interests in the process of redomiciliation). In the study, analytical and hypothetical-deductive methods were used.

Keywords: redomiciliation; investments; special administrative regions; international company; international holding company; attractiveness of redomiciliation; differentiation of foreign organizations; fair investment encumbrance; offshore companies; tax evasion.

Cite as: Konduktorov AS. Pravovoe regulirovanie minimalnogo razmera obyazatelnykh investitsiy, osushchestvlyaemykh inostrannoy kompaniey pri redomitsilyatsii v RF [Legal Regulation of the Minimum Amount of Mandatory Investments Made by a Foreign Company during Redomiciliation in the Russian Federation]. *Lex russica*. 2022;75(3):43-52. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.043-052. (In Russ., abstract in Eng.).

Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»¹ (далее — Закон «О международных компаниях...») предусматривает возможность редомициляции иностранных организаций в специальные административные районы Российской Федерации. Данная процедура позволяет им «сменить» государство национальной принадлежности и перейти в российскую юрисдикцию, получив при этом специфический правовой статус «международной компании». Следует иметь в виду, что процедура редомициляции ориентирована в пер-

вую очередь на иностранные — как правило, офшорные — организации, контролируемые российскими бенефициарами (хотя в Законе «О международных компаниях...» этого прямо не зафиксировано).

Правовой статус международной компании предполагает значительные преимущества, в частности:

1) редомицилированная в РФ организация, уладив некоторые формальности, признается в целях налогообложения «международной холдинговой компанией»² и приобретает следующие преференции:

¹ СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.

² Для получения статуса международной холдинговой компании редомицилированная организация должна представить в налоговый орган свою финансовую отчетность за последний год, положительное аудиторское заключение к ней, а также раскрыть информацию о контролирующих международную компанию лицах (п. 1 ст. 24.2 НК РФ).

- обложение дивидендов, полученных международной компанией, налогом на прибыль организаций по ставке 0 % (пп. 1.1 п. 3 ст. 284 НК РФ);
 - обложение прибыли в виде доходов международной компании от реализации акций (или долей участия в уставном капитале) российских и иностранных организаций налогом на прибыль организаций по ставке 0 % (п. 4.1 ст. 284 НК РФ при одновременном соблюдении положений ст. 284.7 НК РФ);
 - обложение дивидендов, выплачиваемых международными компаниями иностранным лицам, по ставке 5 %. При этом данная налоговая ставка применяется как к налогу на прибыль организаций (пп. 1.2 п. 3 ст. 284 НК РФ), так и к налогу на доходы физических лиц (абз. 8 п. 3 ст. 224 НК РФ);
- 2) пп. «е.1» п. 7 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»³ исключает редомицилированные в РФ организации из числа валютных резидентов, что автоматически освобождает их от большей части действующих валютных ограничений;
- 3) кроме того, до 29 февраля 2020 г. редомициляция могла сопровождаться добровольным декларированием активов в рамках так называемого третьего этапа добровольного декларирования в соответствии с Федеральным законом от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴. Процедура добровольного декларирования освобождала бенефициаров редомицилированной организации от ответственности за совершенные ранее экономические (в том числе налоговые) правонарушения⁵.
- Таким образом, действующее российское законодательство предоставляет существенные

преференции компаниям, решившим отказаться от иностранных юрисдикций и вернуться в Россию.

Однако Закон «О международных компаниях...» предусматривает не одни лишь льготы и преимущества, но и некоторые обременения. В частности, пункт 6 ст. 2 данного правового акта возлагает на редомицилированную иностранную организацию обязанность осуществить инвестиции в экономику Российской Федерации в размере не менее 50 млн руб. Анализу указанной правовой нормы и посвящена статья.

Итак, целью данной работы выступает исследование правовой природы инвестиций, осуществляемых иностранной компанией при редомициляции в РФ; анализ их величины; разработка рекомендаций по совершенствованию условий редомициляции в части исполнения обязанности по осуществлению инвестиций.

Указанная минимальная величина обязательных инвестиций — 50 млн руб. — является твердой и не подлежит корректировке, она одинакова для всех иностранных компаний, выразивших желание редомицилироваться в РФ, и не дифференцируется в зависимости от каких-либо критериев, обстоятельств или условий. Разумеется, инвестиции могут быть произведены и в большем объеме, однако решение об этом оставлено на усмотрение руководящих лиц редомицилируемой организации.

Вполне очевидно, что иностранные компании, «переезжающие» в российскую юрисдикцию, значительно отличаются друг от друга: они осуществляют разные виды хозяйственной деятельности; имеют неодинаковую коммерческую эффективность (отрасли народного хозяйства существенно различаются по средней рентабельности⁶); наконец, «маштаб бизнеса» — величина активов, остаточная стоимость основных средств, количество работников и пр. — каждой конкретной компании является индивидуальной величиной и

³ СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

⁴ СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3367.

⁵ На данный момент третий этап добровольного декларирования завершен, и освобождение от ответственности по основаниям, предусмотренным указанным Федеральным законом, невозможно. Однако автор настоящей работы полагает, что рассматриваемый механизм потенциально полезен и может эффективно способствовать возвращению в Россию перемещенного за рубеж капитала. Поэтому действие процедуры добровольного декларирования целесообразно возобновить (объявить четвертый этап добровольного декларирования или сделать его бессрочным).

⁶ В предшествующей работе автора статьи проведено статистическое сопоставление экономических показателей компаний, действующих в разных отраслях народного хозяйства. В результате установлено,

не совпадает с аналогичными показателями других организаций.

Учитывая данное обстоятельство, законодательное установление одинаковых (равных) для всех редомицилируемых организаций обязательств по осуществлению инвестиций влечет фактическое неравенство их правового положения. Для менее крупных компаний⁷ необходимость осуществления инвестиций в размере 50 млн руб. является более значительным финансово-экономическим обременением, чем для более крупных. Отсюда же следует и неодинаковая для разных организаций привлекательность процедуры редомициляции в РФ: крупные компании, оценивая «издержки на осуществление инвестиций» как менее значительные, воспринимают потенциальную редомициляцию как более привлекательную. Для компаний меньшего масштаба привлекательность редомициляции, наоборот, снижается, так как необходимость инвестиций в том же размере является для них более затруднительной.

Подобная правовая регламентация минимально допустимого размера вложений в российскую экономику заставляет задуматься о том, какой смысл законодатель вкладывал в процедуру осуществления обязательных инвестиций при разработке и последующем принятии Закона «О международных компаниях...»? Какова правовая природа данных инвестиций и какую цель они преследуют?

Установленному порядку определения минимального объема инвестиций (то есть нормы об их фиксированном недифференцированном размере) удовлетворяет следующая гипотеза: в действующем виде инвестиции редомицилируемой компании в экономику Российской Федерации эквивалентны наступлению юридической ответственности за ранее совершенные

ее бенефициарами действия по перемещению активов за рубеж и могут считаться своеобразной санкцией (штрафом).

Конечно, с таким подходом к определению правовой сущности обязательных инвестиций можно обоснованно спорить, так как: а) юридическая ответственность должна наступать в результате совершения правонарушения; б) российскому законодательству неизвестен такой вид санкций как осуществление обязательных инвестиций; в) материальные взыскания, налагаемые в качестве санкций, поступают, как правило, в доход бюджета, что несвойственно для инвестиций в экономику.

Полемизируя с перечисленными возражениями, следует отметить:

- а) в рассматриваемом случае, действительно, ни одним уполномоченным органом не установлено нарушение редомицилируемой организацией закона. Однако возникает закономерный вопрос: для чего ее активы были перемещены из Российской Федерации в офшорные юрисдикции? Правомерных целей при совершении данного деяния не усматривается;
- б) формально налоговому праву известен лишь один вид санкций — штраф (п. 2 ст. 114 НК РФ), обязательные инвестиции к числу налоговых санкций не относятся. Несмотря на это, современные научные исследования указывают, что «многие государства ищут новые средства воздействия на налогоплательщиков, всё активнее предлагаются и обсуждаются меры, которые по своей правовой природе являются не правовыми санкциями в налоговой сфере в узком смысле, а скорее косвенными»⁸. Представляется, что обязанность осуществления инвестиций вполне удовлетворяет данному критерию и может считаться косвенной санкцией;

что для среднестатистической организации добывающих отраслей экономики 50 млн руб. эквивалентны сумме налога на прибыль, уплачиваемого за один год; для организации обрабатывающей промышленности — за 25 лет; для организации, занятой в производстве продуктов питания, — за 42 года; для среднестатистической сельскохозяйственной организации — за 96 лет (Кондукторов А. С. Редомициляция иностранных организаций в Российскую Федерацию: оценка совокупного финансового результата // Lex russica. 2021. № 3. С. 71–81). Данная статистика наглядно иллюстрирует неодинаковые финансовые возможности компаний, представляющих разные сферы экономики.

⁷ Здесь и далее термин «менее крупная компания» (и его последующие аналоги) используется условно и актуален лишь в сравнении с «более крупными компаниями». В целом же вполне очевидно, что сам факт формального перемещения органов управления бизнес-процессами за рубеж свидетельствует о том, что реализующая их организация осуществляет масштабную коммерческую деятельность.

⁸ Журавлева О. О. Налоговые санкции: понятие, система и перспективы развития // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 115–116.

в) утверждение о том, что для штрафа характерно поступление взимаемой суммы в соответствующий бюджет, не носит универсального характера и опровергается правовой позицией Верховного Суда РФ⁹, а также сложившейся на ее основе правоприменительной практикой (хотя подобный подход иногда вызывает критику в научной литературе¹⁰).

Кроме того, в данном случае вполне наглядно реализуются правовосстановительная (компенсационная)¹¹ и карательная¹² функции юридической ответственности: первая выражается в возвращении в российскую экономику денежных средств, которых она ранее лишилась ввиду перемещения активов за рубеж, вторая — в фактическом изъятии у бенефициаров редомицилированной компании как минимум 50 млн руб.

Ответственность, несмотря на всю многогранность интерпретации данного понятия, обобщенно определяется как «вид и мера принудительного лишения лица известных благ»¹³. Поэтому с учетом изложенного выше представ-

ляется вполне обоснованным признать «штрафной характер» обязательных инвестиций, сопровождающих редомициляцию в РФ, и считать их осуществление эквивалентом наступления юридической ответственности¹⁴.

Однако следует полагать, что «штрафная» природа инвестиций не главное в процедуре редомициляции. Действительный интерес государства состоит в первую очередь не в том, чтобы «наказать» бенефициаров редомицилированных организаций посредством принудительного изъятия у них суммы инвестиций, а в том, чтобы обеспечить экономическое развитие Российской Федерации за счет осуществляемых ими инвестиционных вложений. В данном контексте государственная управленческая задача заключается в привлечении в специальные административные районы как можно большего количества иностранных компаний, пропорционально числу которых увеличится и суммарный объем инвестиций.

Но здесь мы встречаемся с ранее обозначенным препятствием — недифференцированный,

⁹ Пленум Верховного Суда РФ указывает, что «при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав... которые не были удовлетворены в добровольном порядке... суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф» (п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9). Таким образом, Верховный Суд утвердил возможность именовать штрафом и считать финансовой санкцией платеж, не поступающий в бюджетную систему.

¹⁰ См., например: *Торговченков В. И.* Правовая природа штрафа в защиту прав потребителя // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 6. С. 300–302.

¹¹ Теория права указывает, что правовосстановительная (компенсационная) функция свойственна не только гражданско-правовой ответственности, но и публично-правовой финансовой ответственности за совершение налоговых и бюджетных правонарушений, правонарушений в сфере денежного обращения и валютного контроля (см.: *Горлова Е. Н.* Сущность, цели и функции юридической ответственности за нарушение финансового законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8. С. 45).

¹² Интересно, что при анализе финансово-правовой ответственности исследователи отводят ее карательной функции второстепенное значение по сравнению с правовосстановительной: «Разрешая финансово-правовой конфликт, государству важнее восстановить свои финансовые интересы, чем возложить на правонарушителя ограничительные меры» (*Крохина Ю. А.* Финансово-правовая ответственность — необходимый элемент правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2. С. 72).

¹³ *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права : учебник. М. : Дело РАНХиГС, 2021. С. 453.

¹⁴ Определяя правовую природу обязательных инвестиций, также можно предположить, что они являются не санкцией (штрафом) за ранее совершенные действия, а платой за будущее использование преимуществ и льгот, предоставляемых Российской Федерацией редомицилированным компаниям. Но данная гипотеза является заблуждением: статья 12 Закона «О международных компаниях...» предусматривает так называемый ежегодный регистрационный сбор. Именно данный систематический платеж следует считать своеобразной «платой за использование преимуществ», которые станут доступны иностранной организации после «переезда» в российскую юрисдикцию. Единственный недостаток ежегодного регистрационного сбора состоит в том, что на момент подготовки статьи его размер законодательно не определен, ввиду чего сбор не взимается. Тем не менее законодатель рано или поздно устранил данный пробел правового регулирования.

равный для всех минимальный объем инвестиций более обременителен для относительно небольших компаний (по сравнению с крупными иностранными организациями) и снижает для них привлекательность редомициляции в РФ. Поэтому действующее правовое регулирование величины обязательных инвестиций вызывает возражения: оно ориентировано только на крупные компании и уменьшает заинтересованность меньших по масштабу организаций в «возвращении на Родину». При этом потенциальный эффект от увеличения числа редомицилируемых в РФ сравнительно небольших компаний не следует недооценивать, их доля в общем объеме инвестиций может быть очень значительна и аналогична той роли, которую предприятия малого и среднего бизнеса играют в современной экономике¹⁵.

Таким образом, фиксированный и равный для всех минимальный объем инвестиций вступает в противоречие с интересами государства и экономики по обеспечению массовой и масштабной редомициляции иностранных организаций в Российскую Федерацию. Использование обязательных инвестиций в качестве эквивалента юридической ответственности в общем выглядит достаточно справедливым и обоснованным, однако их недифференцированный размер влечет диспропорцию правового положения иностранных организаций, которая по-разному влияет на их экономическое поведение, выражающееся в принятии решения о редомициляции или отказе от нее.

Для решения данной проблемы необходимо изменить нормы Закона «О международных компаниях...» таким образом, чтобы дифференцировать объем обязательных инвестиций, осуществляемых редомицилированной организацией, в зависимости от ее «масштаба». В результате уровень «инвестиционного обременения» менее крупных компаний станет равнозначным по сравнению с более крупными, что повысит их заинтересованность в процедуре редомициляции, а общий объем инвестиций

в экономику РФ возрастет за счет количества редомицилируемых организаций.

Принципиально важным здесь является вопрос о критериях дифференциации компаний: исходя из какого показателя следует исчислять величину обязательных инвестиций применительно к конкретной организации?

Дифференциацию редомицилируемых организаций в целях определения объема обязательных инвестиций можно производить с использованием следующих критериев:

1. В зависимости от размера активов иностранной компании. Данный способ определения величины обязательных инвестиций кажется наиболее очевидным — чем крупнее иностранная организация, тем больший финансовый результат будет приносить ей использование льгот и преимуществ, предоставляемых Российской Федерацией в результате редомициляции. В этом контексте определять минимальный размер обязательных инвестиций на основании данных о величине активов вполне справедливо.

Инструменты оценки величины активов иностранной компании уже предусмотрены действующим законодательством: подпункт 2 п. 1 ст. 24.2 НК РФ предусматривает обязанность редомицилированной организации представить финансовую отчетность за последний финансовый год, а также аудиторское заключение, подтверждающее ее достоверность. С использованием содержащейся в них информации определить величину активов иностранной компании не составит труда.

Однако данный способ дифференциации иностранных компаний в целях определения необходимого объема инвестиций имеет как минимум один недостаток: редомицилируемая компания может быть создана исключительно в целях реализации управленческих функций и аккумулирования (а также дальнейшего перераспределения) прибыли. В этом случае иностранная компания не будет располагать существенными активами в тот период време-

¹⁵ Экономическая статистика показывает, что в современных развитых государствах субъекты малого и среднего предпринимательства играют огромную роль — их доля в структуре ВВП, общей занятости и экспорте сопоставима, а часто и превышает аналогичные показатели крупных компаний (см., например: *Захарова Н. В., Лабудин А. В.* Малое и среднее предпринимательство в европейских странах: основные тенденции развития // *Управленческое консультирование*. 2017. № 12. С. 67; *Александрин Ю. Н.* Институты и инструментарий формирования эффективной системы государственного стимулирования малого бизнеса: опыт США // *Общество: политика, экономика, право*. 2012. № 1. С. 101; *Захарова Н. В.* Малое и среднее предпринимательство в развитых странах: основные особенности развития // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2020. № 4. С. 89–91).

ни, когда на ее счета не поступают денежные средства (прибыль контролируемых ею организаций). Поэтому, желая «сэкономить» на обязательных инвестициях, бенефициары редомицилируемой организации в течение финансового года, предшествующего процедуре редомициляции, могут просто не использовать данную компанию (не аккумулировать прибыль на ее счетах). Это приведет к тому, что в финансовой отчетности будет отражена неоправданно низкая величина активов. Следовательно, объем обязательных инвестиций в российскую экономику, рассчитанный с использованием величины активов, окажется незначительным.

2. Вторым критерием, который можно использовать для определения минимального размера обязательных инвестиций, является величина активов российских организаций, находящихся под прямым или косвенным контролем редомицилируемой организации, а также ее контролирующих лиц (бенефициаров). Данный показатель отражает фактическую связь иностранной компании с отечественной экономикой и позволяет оценить объем бизнес-процессов, которые «оптимизировались» с использованием организации, находящейся за рубежом. Отбросив терминологическую корректность, можно сказать, что величина активов контролируемых российских компаний показывает ту «хозяйственную базу», в отношении которой производились действия по уклонению от надлежащего налогообложения и перемещению прибыли за пределы Российской Федерации (в офшор)¹⁶. Поэтому дифференциация объема обязательных инвестиций по данному критерию также выглядит обоснованной и справедливой.

Однако на данный момент прямая обязанность по раскрытию фактов осуществления редомицилируемой иностранной компанией и ее бенефициарами контроля над российскими организациями законом не установлена. Раскрытие этой информации частично происходит при выполнении требований абз. 2 и 4 пп. 2 п. 1 ст. 24.2 НК РФ:

- абзац 2 возлагает на иностранную компанию обязанность по предоставлению финансовой отчетности, в которой должны содержаться сведения об участии в капитале иных организаций. Но участие в капитале российских организаций может быть реализовано не напрямую, а через последовательность юридических лиц. В этом случае установить факт осуществления контроля на основании одной лишь финансовой отчетности будет затруднительно;
- абзац 4 предусматривает обязанность по раскрытию информации о контролирующих лицах (бенефициарах) иностранной компании, состав которой конкретизирован в п. 5 ст. 24.2 НК РФ. Однако данная обязанность относится именно к редомицилируемой компании, поэтому российские юридические лица, контроль над которыми реализуется через другие принадлежащие бенефициарам организации, вполне могут оказаться за пределами информации, раскрываемой в соответствии с указанной правовой нормой.

Таким образом, в целях определения величины активов российских организаций, находящихся под прямым или косвенным контролем редомицилируемой иностранной компании и ее контролирующих лиц, необходимо дополнить пп. 2 п. 1 ст. 24.2 НК РФ требованием о раскрытии соответствующей информации.

Исполнение данной обязанности следует гарантировать путем установления ответственности в виде лишения статуса международной холдинговой компании (в соответствии с п. 2 ст. 24.2 НК РФ) или статуса международной компании (в соответствии со ст. 10 Закона «О международных компаниях...») за непредставление информации о российских организациях, находящихся под прямым или косвенным контролем редомицилируемой иностранной компании и ее бенефициаров, а также за недостоверность такой информации.

Но и этот способ дифференциации иностранных компаний в целях исчисления необходи-

¹⁶ Следует отметить, что признак контролируемости сам по себе не всегда указывает на использование взаимозависимых компаний для уклонения от уплаты налогов с применением офшорных юрисдикций (см.: Зыкова О. А. Контролируемая иностранная компания — офшорная компания: тождественность или автономность? // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 151–156). Однако концептуальная направленность Закона «О международных компаниях...» позволяет заключить, что в противном случае процедура редомициляции в РФ не будет представлять для иностранной организации никакого интереса. Данный правовой акт, в совокупности с сопутствующим нормативным регулированием, направлен на создание для бизнеса альтернативных офшорным (но приемлемых для РФ) условий существования.

мого объема инвестиций имеет недостаток: в силу ряда причин иностранная организация может прекратить фактическую хозяйственную деятельность в РФ (и, соответственно, ликвидировать контролируемые российские компании). Поэтому при ее редомициляции размер инвестиций, определяемый исходя из величины активов контролируемых ею российских организаций, может оказаться минимальным. Подобная ситуация, следует полагать, встречается не слишком часто — успешно развивающийся российский бизнес, даже сосредоточив активы и управленческие функции за рубежом, не склонен отказываться от хозяйственной деятельности в РФ (тем более что именно она стала источником происхождения указанных активов). Однако в некоторых случаях подобное может произойти: например, если хозяйственная деятельность, осуществляемая в иностранных государствах, стала значимее, чем хозяйственная деятельность в РФ, иностранная компания российского происхождения вполне может отказаться от последней под угрозой применения международных санкций, которые неоднократно вводились в отношении нашей страны по политическим мотивам.

Подтверждением возможности существования иностранных компаний, изъявивших желание редомицилироваться в РФ, но не ведущих хозяйственной деятельности на территории Российской Федерации, являются изменения, внесенные в п. 1 ч. 3 ст. 2 Закона «О международных компаниях...». Указанная норма предусматривала в качестве обязательного требования, предъявляемого к редомицилируемой иностранной организации, необходимость осуществления хозяйственной деятельности на территории РФ. В настоящий момент данное требование отменено¹⁷.

Таким образом, каждый из предложенных способов определения минимальной величины обязательных инвестиций имеет свои пробелы. Поэтому представляется целесообразным их комбинированное использование — исчисление размера необходимых к осуществлению инвестиций исходя из суммарной величины активов редомицилируемой иностранной компании и активов российских организаций, находящихся под прямым или косвенным кон-

тролем иностранной компании и ее бенефициаров. Это позволит компенсировать недостатки каждого из предлагаемых вариантов: если по какой-либо причине управляющие лица редомицилируемой организации сократили ее текущие активы, необходимый размер обязательных инвестиций в российскую экономику будет исчислен благодаря величине активов контролируемых российских компаний. Если же редомицилируемая организация прекратила хозяйственную деятельность в РФ, то исчисление справедливого объема инвестиций будет обеспечено за счет величины ее активов.

Кроме того, представляется нецелесообразным полностью отказываться от действующего «штрафного» порядка определения минимального объема инвестиций. Существование некоторой фиксированной величины инвестиций, равнозначной для всех редомицилируемых иностранных компаний и выступающей в качестве санкции за перемещение активов из Российской Федерации за рубеж (в первую очередь в офшоры), выглядит вполне справедливо.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать следующие выводы:

1. В действующем виде обязательные инвестиции в российскую экономику, сопровождающие процедуру редомициляции в РФ, фактически носят характер юридической санкции. Их осуществление является эквивалентом наступления правовой ответственности за ранее совершенные действия по перемещению активов за пределы РФ. При этом равенство минимального объема инвестиций для всех иностранных организаций — 50 млн руб. — обеспечивает неравное «инвестиционное обременение» более крупных и менее крупных компаний, снижая привлекательность процедуры редомициляции для последних.

2. Порядок определения размера обязательных инвестиций необходимо усовершенствовать. Минимальная величина инвестиций должна исчисляться как сумма следующих компонентов:

а) недифференцированная (равная для всех редомицилируемых иностранных компаний) величина обязательных инвестиций, которая выполняет функцию «юридической санкции». Однако представляется, что дан-

¹⁷ Федеральный закон от 24.02.2021 № 17-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О международных компаниях и международных фондах” и о приостановлении действия отдельных положений Федерального закона “Об акционерных обществах” и Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» // СЗ РФ. 2021. № 9. Ст. 1464.

- ная часть инвестиций должна быть меньше ныне действующих 50 млн руб.;
- б) дифференцированная величина обязательных инвестиций, размер которой определяется в процентном отношении от суммы следующих величин:
- размер активов редомицилируемой иностранной компании;
 - размер активов российских организаций, находящихся под прямым или косвенным контролем редомицилируемой иностранной компании и ее бенефициаров.

В целях определения размера активов российских организаций, контролируемых иностранной компанией (ее бенефициарами), необходимо дополнить пп. 2 п. 1 ст. 24.2 НК РФ обязанностью по раскрытию информации о контролируемых российских организациях и установить в п. 2 ст. 24.2 НК РФ ответственность за неисполнение / ненадлежащее исполнение данной обязанности в виде утраты статуса международной холдинговой компании.

Предлагаемый порядок определения минимального размера обязательных инвестиций, с одной стороны, позволяет дифференцировать их величину для иностранных компаний, делая данный процесс более справедливым и обеспечивая пропорциональное (а значит — равноправное) инвестиционное обременение как для более крупных, так и для менее крупных редомицилируемых организаций. С другой стороны, метод определения объема обязательных инвестиций, основанный на комбинированном сочетании двух критериев, сводит к минимуму возможность злоупотреблений со стороны иностранных компаний и управляющих ими лиц. С третьей стороны, сохранение в структуре обязательных инвестиций штрафного компонента, выраженного в их фиксированной части, всё же обеспечивает соблюдение принципа неотвратимости наказания за ранее совершенные действия по перемещению активов за пределы РФ и в некотором роде принципа социальной справедливости¹⁸.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александрин Ю. Н.* Институты и инструментарий формирования эффективной системы государственного стимулирования малого бизнеса: опыт США // *Общество: политика, экономика, право.* — 2012. — № 1. — С. 101–109.
2. *Горлова Е. Н.* Сущность, цели и функции юридической ответственности за нарушение финансового законодательства // *Актуальные проблемы российского права.* — 2017. — № 8. — С. 43–51.
3. *Журавлева О. О.* Налоговые санкции: понятие, система и перспективы развития // *Журнал российского права.* — 2014. — № 10. — С. 112–124.
4. *Захарова Н. В.* Малое и среднее предпринимательство в развитых странах: основные особенности развития // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право».* — 2020. — № 4. — С. 88–102.
5. *Захарова Н. В., Лабудин А. В.* Малое и среднее предпринимательство в европейских странах: основные тенденции развития // *Управленческое консультирование.* — 2017. — № 12. — С. 64–77.
6. *Зыкова О. А.* Контролируемая иностранная компания — офшорная компания: тождественность или автономность? // *Актуальные проблемы российского права.* — 2020. — № 10. — С. 151–156.
7. *Кондукторов А. С.* Редомициляция иностранных организаций в Российскую Федерацию: оценка совокупного финансового результата // *Lex russica.* — 2021. — № 3. — С. 71–81.
8. *Крохина Ю. А.* Финансово-правовая ответственность — необходимый элемент правового государства // *Правовое государство: теория и практика.* — 2013. — № 2. — С. 69–76.
9. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права : учебник. — М. : Дело РАНХиГС, 2021. — 528 с.
10. *Торговченков В. И.* Правовая природа штрафа в защиту прав потребителя // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал.* — 2016. — № 6. — С. 300–302.

Материал поступил в редакцию 25 ноября 2021 г.

¹⁸ Определить конкретную минимальную величину обязательных инвестиций (их фиксированную часть и процент от суммы активов) можно было бы, проанализировав показатели уже редомицилированных в РФ компаний. Однако автор статьи не имеет доступа к подобным сведениям, поэтому оставим решение данной задачи уполномоченным должностным лицам Министерства экономического развития РФ, в распоряжении которых находится значительно больший объем необходимой информации.

REFERENCES

1. Aleksandrin YuN. Instituty i instrumentariy formirovaniya effektivnoy sistemy gosudarstvennogo stimulirovaniya malogo biznesa: opyt SshA [Institutions and tools for the formation of an effective system of state incentives for small businesses: the US experience]. *Society: Politics, Economics, Law*. 2012;1:101-109 (In Russ.).
2. Gorlova EN. Sushchnost, tseli i funktsii yuridicheskoy otvetstvennosti za narushenie finansovogo zakonodatelstva [The Essence, Purposes and Functions of Legal Liability for Financial Law Violations]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2017;8:43-51 (In Russ.).
3. Zhuravleva O. O. Nalogovye sanktsii: ponyatie, sistema i perspektivy razvitiya [Tax Sanctions: Notion, System and Prospects of Development]. *Journal of Russian Law*. 2014;10:112-124 (In Russ.).
4. Zakharova NV. Small and medium entrepreneurship in advanced economies: Main tendencies of development]. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Economics. Management. Law*. 2020;4:88-102 (In Russ.).
5. Zakharova NV, Labudin AV. Maloe i srednee predprinimatelstvo v evropeyskikh stranakh: osnovnye tendentsii razvitiya [Small and medium entrepreneurship in European countries: main development trends]. *Administrative Consulting*. 2017;12:64-77 (In Russ.).
6. Zyкова OA. Kontroliruemaya inostrannaya kompaniya — oshfornaya kompaniya: tozhdestvennost ili avtonomnost? [A Controlled Foreign Company — Offshore Company: Identity or Autonomy?]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;10:151-156 (In Russ.).
7. Konduktorov AS. Redomitsilyatsiya inostrannykh organizatsiy v Rossiyskuyu Federatsiyu: otsenka sovokupnogo finansovogo rezultata [Redomiciliation of Foreign Companies in the Russian Federation: Assessment of the Aggregate Financial Result]. *Lex russica*. 2021;3:71-81 (In Russ.).
8. Krokhina YuA . Finansovo-pravovaya otvetstvennost — neobkhodimyy element pravovogo gosudarstva [Financial and legal responsibility is a necessary element of the rule of law]. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*. 2013;2:69-76 (In Russ.).
9. Matuzov NI, Malko AV. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik [Theory of state and law : textbook]. Moscow: RANEP Publ.; 2021 (In Russ.).
10. Torgovchenkov VI. Pravovaya priroda shtrafa v zashchitu prav potrebitelya [The legal nature of a fine in behalf of consumer rights]. *Business in Law. Economic and Legal Journal*. 2016;6:300-302 (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.053-062

В. К. Михайлов*

Материальное обеспечение судей как гарантия или антигарантия их независимости

Аннотация. Реализуя свою позитивную обязанность по обеспечению эффективной защиты прав и свобод граждан, правовое государство стремится к созданию благоприятных условий для независимой деятельности судей. Именно этим преимущественно обуславливается их особый правовой статус в демократических обществах и различные гарантии такой независимости. Одной из таких гарантий является материальное и социальное обеспечение судей, соответствующее их высокому статусу. Помимо размеров и объемов такого обеспечения, которым, как правило, уделяется основное внимание международных и национальных институтов, немаловажную роль в достижении ожидаемого результата играет порядок их формирования и предоставления, поскольку именно шаткость положений, их регулирующих, способна не только обнулить рассматриваемую гарантию независимости, даже с учетом высокого объема материального обеспечения, но и превратить ее в инструмент давления на судей.

В статье рассматривается качество регулирования оснований и условий предоставления материального обеспечения судей. По итогам анализа выявляются противоречия в используемых законодателем терминах, недостатки в порядке формирования окончательного ежемесячного денежного содержания судей — структурного и субъектного состава, в формальности и широких пределах усмотрения оценок соответствия судьи отдельным выплатам, а также в сложившейся по причине этого негативной разницы между зарплатами судей разных уровней.

При этом работа содержит также весьма полезные выводы и рекомендации в конце каждого из разделов, способствующие разрешению выявленных в работе недостатков и проблем. Выводы автора в большинстве своем основываются как на международных рекомендациях, так и на сравнительном анализе зарубежного положительного опыта, что, несомненно, дополнительно усиливает представленную в статье аргументацию.

Ключевые слова: денежное содержание судей; оклад судьи; надбавки; вознаграждения; поощрения; материальное обеспечение судей; материальные гарантии; суд; судья; принцип независимости.

Для цитирования: Михайлов В. К. Материальное обеспечение судей как гарантия или антигарантия их независимости // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 53–62. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.053-062.

Financial Support of Judges as a Guarantee or Anti-Guarantee of their Independence

Viktor K. Mikhailov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Judicial Systems and Criminal Law, Faculty of Law of the National Research University «Higher School of Economics»; 1st Class Actual State Counselor of the Russian Federation
per. Bolshoy Trekhsvyatitskiy, d. 3, Moscow, Russia, 123022
vmikhaylov@hse.ru

Abstract. Exercising its positive obligation to ensure the effective protection of the rights and freedoms of citizens, the rule of law State strives to create favorable conditions for the independent activity of judges. This is what mainly determines their special legal status in democratic societies and various guarantees of such

© Михайлов В. К., 2022

* Михайлов Виктор Камоевич, кандидат юридических наук, доцент департамента систем судопроизводства и уголовного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», государственный советник РФ 1 класса
Большой Трёхсвятительский пер., д. 3, г. Москва, Россия, 123022
vmikhaylov@hse.ru

independence. One of such guarantees is the financial and social security of judges, corresponding to their high status. In addition to the size and volume of such security that, as a rule, is the main focus of international and national institutions, the order of their formation and provision plays an important role in achieving the expected result, since it is the precariousness of the provisions regulating them that can not only nullify the guarantee of independence in question, even taking into account the high volume of material security, but also turn it into an instrument of pressure on judges.

The paper examines the quality of regulation of the grounds and conditions for providing financial support to judges. Based on the results of the analysis, the author reveals contradictions in the terms used by the legislator, shortcomings in the order of formation of the final monthly remuneration of judges — in terms of structural and subject composition, in the formality and wide discretion of assessments of the compliance of judges with individual payments, as well as in the negative difference between the salaries of judges of different levels that has developed because of this.

At the same time, the paper also contains very useful conclusions and recommendations at the end of each of the sections, contributing to the resolution of the shortcomings and problems identified in the paper. The author's conclusions are mostly based on both international recommendations and a comparative analysis of foreign positive experience, which undoubtedly strengthens the argumentation presented in the paper.

Keywords: monetary maintenance of judges; salary of a judge; allowances; remuneration; incentives; material support of judges; material guarantees; court; judge; the principle of independence.

Cite as: Mikhailov VK. Materialnoe obespechenie sudey kak garantiya ili antigarantiya ikh nezavisimosti [Financial Support of Judges as a Guarantee or Anti-Guarantee of their Independence]. *Lex russica*. 2022;75(3):53-62. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.053-062. (In Russ., abstract in Eng.).

С целью универсализации значения независимости судебной власти (судей) и гарантий ее обеспечения международные институты в лице ООН и Совета Европы предложили своим членам общие стандарты, соблюдение которых по замыслу разработчиков будет содействовать развитию внутригосударственного правового механизма обеспечения независимого правосудия (к числу таких можно отнести Основные принципы независимости судебных органов¹; Рекомендацию № R (94) 12 по вопросам независимости, эффективности и роли судей²; Европейскую хартию о статусе судей³). Они являются для государств, стремящихся обеспечить высокий уровень внутригосударственной правовой защиты, важными ориентирами. При этом, несмотря на их рекомендательный характер, во многих государствах — участниках Совета

Европы, в том числе и в Российской Федерации, они декларированы на законодательном уровне, но их действенность нельзя признать у всех идеальной. Причины этого многообразны, но в большей части связаны с установленными дефективными внутринациональными механизмами обеспечения реализации общепризнанных гарантий независимости⁴.

Как известно, одной из гарантий независимости судей при осуществлении правосудия является предоставление им за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего их высокому статусу. Пункт 6.1 Европейской хартии о статусе судей определяет, что «осуществление на профессиональной основе судебных обязанностей предполагает получение судьей материального вознаграждения, размер которого устанавливается таким

¹ Приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 г., и одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29.11.1985.

² Принята 13.10.1994 Комитетом министров государств — членов Совета Европы на 518-м заседании заместителей министров.

³ Принята Советом Европы 8–10 июля 1998 г. в Страсбурге.

⁴ Отдельным аспектам данной проблемы посвящен цикл статей автора: Михайлов В. К. Кодексы этики профессиональных сообществ: гарантия независимости или инструмент давления? // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 2. С. 160–170; Он же. Независимость российских судей в условиях их несменяемости // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 12. С. 67–78; Он же. Проблемы в процедуре наделения полномочиями судей, угрожающие их независимости // Закон. 2019. № 4. С. 83–91; Он же. Отдельные требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи, как угроза независимости судебной власти // Администратор суда. 2019. № 1. С. 3–7.

образом, чтобы оградить судей от возможного давления с целью повлиять на их решения и на их поведение в суде в целом, ущемляя их независимость и беспристрастность»⁵.

Хрестоматийно, что недостаточно высокая зарплата у лиц с властными полномочиями напрямую коррелируется с уровнем коррупции, которая, по мнению экспертов, является одной из основных экономических причин, обуславливающих ее распространение.

Как можно заметить, в данном документе Совет Европы ориентирует своих участников на необходимость обеспечения должного размера вознаграждения, не уделяя внимания порядку его формирования и предоставления. А между тем это направление является не менее важным и влияющим на институт независимости, чем сам размер выплаты.

Наглядным свидетельством этого является действующая в Российской Федерации система социально-материального обеспечения судей.

Согласно ч. 1 ст. 19 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее — Закон о статусе судей) ежемесячное денежное вознаграждение судьи состоит из месячного оклада в соответствии с замещаемой им должностью судьи (далее — должностной оклад), месячного оклада судьи в соответствии с присвоенным ему квалификационным классом (далее — оклад за квалификационный класс), ежемесячного денежного поощрения, ежемесячной доплаты за выслугу лет, ежемесячных доплат за ученую степень кандидата юридических наук, доктора юридических наук, за ученое звание доцента, профессора, за почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», а также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, ежемесячной доплаты за знание иностранных языков и их использование при исполнении должностных обязанностей. Соответственно, зарплата российского судьи складывается из суммы следующих ее составляющих:

- должностной оклад;
- денежное поощрение;
- оклад за квалификационный класс;
- доплата за выслугу лет;
- доплата за ученую степень;
- доплата за ученое звание;
- доплата за почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации»;

— доплата за знание иностранных языков и их использование в работе.

Этот перечень фактически представляет собой оклады двух типов, премии и доплаты за различные достижения и наличие навыков.

Для целей настоящего исследования очень важно рассмотреть каждую из них в отдельности, определив их природу, основания и субъектов, по воле которых они предоставляются.

Должностной оклад судьи

По общему правилу оклад — это всегда фиксированный размер оплаты труда работника за исполнение трудовых (должностных) обязанностей определенной сложности за календарный месяц. В оклад не включаются компенсационные, стимулирующие и иные выплаты — это переменная часть заработной платы, ее выплачивают за достижение определенных результатов либо за соответствие каким-то критериям (ст. 129 ТК РФ). Такая схема позволяет заплатить сотруднику только оклад, если работодателя по каким-то причинам не устроит результат работы подчиненного в конкретном месяце. Из этого можно вывести, что премии можно выплачивать не каждый месяц — всё будет зависеть от результатов работы и договоренности с работодателем, а надбавки выплачиваются при соответствии работника установленным формальным требованиям.

Из приведенного определения и соотношения его со статусом судей (более подробно будет рассмотрен ниже) становится очевидным, что формирование их заработных плат на базе должностных окладов представляется несостоятельным. Судьи являются специальными субъектами, к ним неприменимы нормы трудового законодательства, они не имеют работодателя, ежемесячно оценивающего их деятельность, их квалификация и соответствие по всем иным высоким стандартам подтверждены сложным механизмом отбора. Даже само по себе допущение с чьей бы то ни было стороны принятия персонального решения о денежном вознаграждении судьи создавало бы угрозу его независимости и осуществляемому им правосудию.

Согласно действующему законодательству размер должностного оклада Председателя Конституционного Суда Российской Федерации

⁵ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901927869> (дата обращения: 25.05.2021).

устанавливается указом Президента Российской Федерации, вначале он составлял 32 752 руб.⁶ Сегодня же его размер по итогам периодических индексаций равен 38 605,14 руб. Все расчеты по должностным окладам остальных судей ведутся от первоначально установленного оклада председателя Конституционного Суда и индексируются уже от этой базовой части. В приложении № 6 к Закону о статусе судей установлены должностные оклады судей Конституционного Суда РФ в процентном отношении к его окладу (98 % — для заместителя председателя КС РФ, 90 % — для судей КС РФ), а в приложении № 7 определены должностные оклады остальных судей в процентном отношении к должностному окладу Председателя Верховного Суда РФ, который, в свою очередь, законом закреплён в размере 98 % от оклада того же Председателя Конституционного Суда РФ (например, 85 % — для судей ВС РФ, 72 % — для судей районных судов, 60 % — для мировых судей).

Примечательно также то, что все остальные выплаты, составляющие ежемесячное денежное содержание судьи, исчисляются исходя из установленного Президентом того же должностного оклада.

С учетом правового статуса Президента РФ, который оказывает превосходящее влияние на порядок формирования и деятельность всей системы государственной власти в стране, включая и назначение судей, право единоличного установления должностного оклада, являющегося базовым и определяющим в целом размер вознаграждения каждого судьи, создает реальную брешь в независимости судебной власти. В то время как недопущение возможности оказания влияния на судей со стороны административной власти является залогом их независимости.

Неслучайно положения основных вышеприведенных международных рекомендаций по

независимости судей специально обозначают необходимость установления вознаграждения судьи законодателем⁷.

Из 18⁸ рассматриваемых нами государств в 10⁹ — зарплаты судей определяются законом, в 2¹⁰ они приравнены к зарплатам высших должностных лиц, в 4¹¹ — определяются с участием независимых органов, только в 2 из них (во Франции и Ирландии) — актами исполнительных органов власти, но и то это в результате устоявшихся веками традиций независимости судей, чего нельзя сказать об отечественной системе.

В этой связи представляется правильным установить на уровне закона для каждого из уровней судей твердую сумму денежного содержания, подлежащую изменению лишь при общей индексации с учетом уровня инфляции (потребительских цен), вне зависимости от воли органов исполнительной власти.

Денежное поощрение судьи

В тех же приложениях 6 и 7 к Закону (в третьих столбцах) приведены размеры ежемесячного денежного поощрения судей согласно уровню суда, в котором они работают, в количестве, кратном должностным окладам. Для наглядности: Председателю КС РФ ежемесячно полагается 11,4 окладов; судьям КС РФ — 10,1; Председателю ВС РФ — 7,9; судьям ВС РФ — по 5,9; судьям кассационных судов общей юрисдикции и ниже до мировых судей — по 2,2, а их председателям и заместителям председателей — по 2,3 окладов.

К этой же категории можно отнести «ежеквартальное денежное поощрение», которое носит самостоятельный характер и не входит в состав ежемесячного денежного вознаграждения судьи. Он, согласно абз. 34 и 35 п. 1 ст. 19 Закона о статусе судей, выплачивается в раз-

⁶ Первоначально он был закреплён Указом Президента РФ от 19.03.2013 № 207 в размере 32 752 руб. в месяц и периодически индексировался (в 1,055 раза — Указом Президента РФ от 29.10.2013 № 810 ; в 1,04 раза — Указом Президента РФ от 26.12.2017 № 630 ; в 1,043 раза — Указом Президента РФ от 13.06.2019 № 279 ; в 1,03 раза — Указом Президента РФ от 21.09.2020 № 569).

⁷ П. 11 Основных принципов независимости судебных органов ООН; пп. «ii» п. «а» ч. 2 Принципа I (общие принципы независимости судей) Рекомендаций № R (94) 12 Комитета министров государствам-членам о независимости, эффективности и роли судей.

⁸ URL: https://www.encj.eu/images/stories/pdf/GA/Warsaw/encj_report_funding_annex_ii_replies_final.pdf (дата обращения: 25.05.2021).

⁹ Бельгия, Болгария, Германия, Испания, Италия, Литва, Польша, Португалия, Сербия, Словакия, Эстония.

¹⁰ Албания и Дания.

¹¹ Англия и Уэльс (единая юрисдикция в составе Великобритании), Нидерланды, Норвегия, Северная Ирландия.

мере ежемесячного денежного поощрения по замещаемой должности (т.е. в расчете на месяц — 1/3 установленного ежемесячного денежного содержания) и так же, как ежемесячное денежное поощрение, не может быть уменьшен.

В соответствии с трудовым законодательством «поощрение» представляет собой вознаграждение за добросовестное исполнение своих обязанностей работником и может выражаться как в материальной, так и в моральной форме. Например, сотруднику может объявляться благодарность, выдаваться премия, он может награждаться ценным подарком, почетной грамотой, представляться к званию лучшего по профессии. При этом поощрение в любом виде работника является правом, но не обязанностью работодателя (ст. 22 ТК РФ).

Однако в данном случае закон рассматривает исключительно материальное поощрение судей, предназначенное к выплате ежемесячно или ежеквартально и в строго установленных размерах, не подлежащих уменьшению в течение всего времени пребывания его в должности.

Следовательно, несмотря на обозначение термином «поощрение», эти выплаты всё же носят обязательный периодический и твердый характер, они, по сути, возведены в ранг основной выплаты — оклада, но завуалированы под поощрение. Мотивы такого несоответствия едва ли кроются в неосведомленности законодателя.

В связи с этим возникает вопрос, возможно ли вообще применение поощрения к судьям и за какие-либо достижения в правосудии?

Для ответа обратимся к Кодексу судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012), преамбула которого гласит: «Судебная защита прав и свобод человека может быть обеспечена только компетентным и независимым правосудием, осуществляемым на началах справедливости и беспристрастности. Такое правосудие предполагает соблюдение каждым судьей правил профессиональной этики, честное и добросовестное исполнение своих обязанностей, проявление должной заботы о сохранении как своих личных чести и достоинства, так и достоинства и авторитета судебной власти.

Государственные гарантии независимости, неприкосновенности, несменяемости судей, недопустимости вмешательства в их деятельность, высокий уровень материального и социального обеспечения являются не личной привилегией судей, а средством обеспечения целей правосудия — вынесения законных, обоснованных и справедливых судебных решений».

Из этого можно сделать вывод, что осуществление правосудия на самом высоком уровне и поддержание своими действиями авторитета судебной власти — это обязанность каждого судьи, вне зависимости от инстанции и ветви, в которой он трудится. Любые факты несоответствия заданной высокой «планке» (по качеству и срокам работы, поведению и т.д.) неотвратимо влекут для судьи дисциплинарное разбирательство¹² и ответственность при их подтверждении, вплоть до лишения полномочий. Одновременно с этим судья не может быть привлечен к ответственности за выносимые им решения.

Такое положение дел обуславливается спецификой деятельности судей, связанной с правосудием, и особым их статусом, обеспечиваемым специальными гарантиями. Именно поэтому безусловный и относительно высокий уровень материального обеспечения судьи — важнейший элемент его статуса. Общепринятое понимание поощрения (премирования) не может быть применено к судейской деятельности, поскольку осуществление правосудия с соблюдением высокого стандарта качества и сроков является обязанностью судьи, возлагаемой на него законодательством. То же касается и обратной стороны вопроса — размер вознаграждения судей не может зависеть и от их производительности, это также чревато проблемами с точки зрения беспристрастности и независимости судей.

Близкая позиция изложена и в рекомендациях европейского экспертного сообщества, согласно которой зарплаты судей должны быть основаны на четких, прозрачных и объективных критериях. Различия в вознаграждении судей может быть оправдано, как правило, разницей в судейском опыте и уровне суда, в котором служит судья¹³. Комитет министров Совета

¹² Михайлов В. К. Кодексы этики профессиональных сообществ: гарантия независимости или инструмент давления? // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 2. С. 160–170.

¹³ Доклад «Органы судейского самоуправления. Карьера судей» Рабочей группы Восточное партнерство — Содействие правовой реформе в странах Восточного партнерства: «Независимые судебные системы» (г. Страсбург, сентябрь 2011 г.) — С. 78 // URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opensslpdf.pdf?reldoc=y&docid=4ee9d8db2> (дата обращения: 19.03.2021).

Европы особо подчеркивал, что «необходимо избегать ситуаций, когда оплата труда ставится в зависимость от того, как судья исполняет свои обязанности, поскольку это входит в противоречие с принципом независимости судей»¹⁴.

Помимо этого, любые необязательные выплаты за какие-либо заслуги предполагают их субъективную оценку, а именно возможность применения по ним поощрения и определения их денежного выражения, что создает условия зависимости со стороны оцениваемого.

В этой связи особое внимание привлекает предусмотренная законом возможность выплачивать судьям премии и оказывать им материальную помощь в пределах установленного фонда оплаты труда. При этом закон делегирует определение порядка и условий выплаты премии и помощи для судей Конституционного и Верховного Судов этим же судам, а по остальным судьям — Судебному департаменту при Верховном Суде РФ по согласованию с Советом судей РФ.

Во исполнение данной нормы Судебный департамент при Верховном Суде приказом от 05.06.2013 № 116¹⁵ утвердил соответствующее положение, регулирующее порядок этих выплат. Согласно данному документу судьи в зависимости от уровня суда и занимаемой ими должности премируются на основании либо приказа председателя своего же суда, либо по представлению председателя вышестоящего суда (п. 2.7), а также по поручениям председателя ВС РФ и органов судебного сообщества.

Иными словами, это отдано на откуп председателям. С учетом предусмотренных многочисленных оснований премирования и того, что размеры, в том числе максимальные (п. 2.5), выплачиваемых судьям премий ничем не ограничиваются, у председателей возникают чрезмерные пределы усмотрения и возможность оказывать воздействие на судей.

Оклад за квалификационный класс

Закон о статусе судей обусловил необходимость установления квалификационных классов: согласно таблице соответствия каждой судейской должности и в зависимости от класса устанавли-

вается оплата в процентном соотношении опять-таки к установленному должностному окладу.

Итак, судьям устанавливается 10 квалификационных классов. Они присваиваются в следующем порядке: высший и первый классы — Председателю Верховного Суда РФ, его заместителям и судьям ВС РФ; первый, второй, третий, четвертый и пятый — председателям, заместителям председателей, судьям кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, верховных судов субъектов РФ, окружных (флотских) военных судов, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации и Суда по интеллектуальным правам; пятый, шестой и седьмой — председателям, заместителям председателей, судьям районных, городских, межрайонных и гарнизонных военных судов; седьмой, восьмой и девятый — мировым судьям. Девятый квалификационный класс получает надбавку в 30 % от оклада судей соответствующей инстанции; восьмой — 40 %; седьмой — 50 %; шестой — 60 %; пятый — 75 %; четвертый — 90 %; третий — 105 %; второй — 120 %; первый — 135 %; высший — 150 % (ч. 3 ст. 20.2 Закона о статусе судей).

Таким образом, даже при наличии самой высокой профессиональной квалификации мировой судья будет иметь в лучшем случае восьмой квалификационный класс и, соответственно, плюс 40 % от своего оклада.

Пожалуй, такой подход нельзя признать справедливым, поскольку он носит чисто формальный характер: получается, что действительная квалификация судьи не имеет значения для определения надбавки, ведь обязательным условием повышения квалификационного класса судьи является привязка к судейской должности.

Итак, оклад за квалификационный класс представляет собой обязательную ежемесячную выплату, сходную по своим характеристикам с рассмотренным выше должностным окладом и денежным поощрением, устанавливаемыми в зависимости от занимаемой судьей должности. Фактически подобная усложненно дифференцированная система, состоящая из коэффициентов и процентов, не имеет обос-

¹⁴ См.: § 55 Рекомендаций CM/Rec (2010)12 государствам-членам о судьях: независимость, эффективность и ответственность (принята 17.11.2010 на 1098-м заседании Комитета Министров).

¹⁵ Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 1, январь.

нования, излишне усложняет восприятие их реальных итоговых значений для обывателя. Фактически объединение трех основных составляющих денежного содержания судьи в одну общую сумму, исходя из их природы, не изменило бы сути, но сделало бы их более открытыми и понятными, не оставляя места для возможных манипуляций.

По-своему небесполезно это будет и для исправления той неприемлемой, на наш взгляд, несбалансированности зарплат судей разных уровней, которая складывается в результате применения действующей неоднозначной системы формирования денежного их содержания.

Пример максимальной разницы в зарплатах российских судей

Денежное содержание	Председатель КС РФ	Мировой судья
Оклад	38 605,14	23 163,09
Поощрение ежемесячное	440 098,60	50 958,80
Поощрение ежеквартальное	146 699,53	16 986,27
Квалификационный класс	57 907,71	9 265,24
Выслуга лет (15)	15 442,06	9 265,24
Степень и звание	3 860,51	2 316,30
Знание языка	7 721,03	
Премии и матпомощь ¹⁶	На основании локального акта КС РФ	По представлению председателя районного суда соответствующего судебного района
ИТОГО	710 334,58	111 954,94

Как можно убедиться, разница денежных содержаний судьи самого высокого и самого низкого уровней составляет более 6 раз, а с учетом премий и дополнительных выплат эта разница зачастую еще больше.

Сразу скажем, что это беспрецедентная разница как для европейских стран, в которых этот показатель не превышает 2,5 раза¹⁷, так и для США, где такая разница составляет лишь 22 %¹⁸.

Подобная существенная разница между оплатой труда судей основного и высших судебных звеньев в пользу последних не может считаться обоснованной ни с точки зрения справедливости (по причине колоссальной загруженности судей основного звена); ни с точки зрения сужения границ независимости судей среднего и высшего звена: значимые дела,

вытекающие из публично-правовых отношений (где могут затрагиваться интересы тех, кто определяет размер выплат), согласно правилам судопроизводства, рассматриваются именно высшими судами.

Доплата за выслугу лет

Под выслугой лет принято понимать количество лет трудовой деятельности, дающее право на получение пенсии, повышение заработной платы, предоставление льгот и т.д.¹⁹ В отличие от обязательного ежегодного индексирования фонда оплаты труда, эти начисления имеют стимулирующий характер и направлены на удержание в штате более опытных специалистов.

¹⁶ В пределах установленного фонда оплаты труда судьям могут выплачиваться премии и может оказываться материальная помощь, которые также существенно отличаются у судьи КС РФ и мирового судьи: например, за квалификационный класс разница финансирования составляет 3,5 раза в год; за ежемесячное денежное поощрение разница более чем 4,5 раза; за выслугу лет разница 2 раза; за ежеквартальное денежное поощрение разница почти 5 раз; за другие выплаты, предусмотренные иными нормативными правовыми актами, разница 90 раз.

¹⁷ European judicial systems. Efficiency and quality of justice CEPEJ Studies № 26 2018 Edition (2016 data) P. 123 // URL: <https://rm.coe.int/rapport-avec-couv-18-09-2018-en/16808def9c> (дата обращения: 21.06.2021).

¹⁸ URL: <https://zarplata-es.com/zarplaty-sudej-v-ssha/> (дата обращения: 21.06.2021).

¹⁹ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2011. 495 с.

Как правило, надбавка за выслугу лет применяется в отношении государственных и военных служащих, имеет прогрессивную шкалу и устанавливается в процентном соотношении от оклада. Не является исключением и судейская надбавка.

Законом предусмотрено, что порядок и условия определения выслуги лет судей утверждаются постановлением Совета судей РФ. Согласно соответствующему Положению, утвержденному постановлением Совета судей РФ от 23.05.2013 № 305, в выслугу лет судей включаются периоды работы на любой должности, требующей высшего юридического образования, судьей в международных судах, а также период прохождения военной службы. В данном акте приведен подробный список таких должностей и работ. При этом в силу абз. 10 ч. 1 ст. 19 Закона о статусе судей ежемесячная доплата за выслугу лет судьям устанавливается в процентном отношении к их должностным окладам в следующем размере: от 2 до 5 лет — 15 %; от 5 до 10 лет — 25 %; от 10 до 15 лет — 30 %; от 15 до 20 лет — 40 %; свыше 20 лет — 50 %.

Если вспомнить про минимальные требования, предъявляемые к кандидатам на должность судей, в которых содержится и обязательное наличие стажа работы в области юриспруденции не менее 5 лет, и сверить их с должностями из упомянутого постановления Совета судей РФ от 23.05.2013 № 305, то получится, что любой судья основного звена уже имеет необходимый 5-летний стаж для 25-процентной надбавки. Впрочем, это в равной степени относится и к судьям уровня судов субъектов, апелляционных и кассационных судов, которым для замещения этих должностей требуется от 7 лет такого стажа; судьи Верховного Суда РФ уже на старте карьеры (с обязательным наличием 10-летнего стажа) получают 30 % надбавки, а судьи КС РФ (с 15-летним стажем) — 40 %. Несложно заметить, что судьи, которые претендовали бы на 15-процентную надбавку, в российском судебном корпусе в силу закона попросту отсутствуют.

Помимо этого «недоразумения», очевидно и то, что предусмотренная процентная шкала на фоне размеров иных надбавок не может обеспечить достижения обозначенных в начале данного раздела целей по борьбе с текучкой судейских кадров.

Иными словами, рассматриваемая надбавка в данном виде не служит своей цели и носит исключительно формальный характер.

Доплаты за наличие научных степеней и различных званий

Как уже было отмечено, судья получает доплату за наличие ученой степени кандидата юридических наук или ученого звания доцента в размере 5 % от должностного оклада; имеющим ученую степень доктора юридических наук или ученое звание профессора, а также почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации» положено 10 % должностного оклада.

Принято считать, что указанные доплаты направлены на стимулирование работника к повышению качества труда, они устанавливаются работникам за более высокую квалификацию.

Ученая степень и (или) научное звание присваиваются лицу, осуществляющему профессиональную научную или научно-техническую деятельность с целью проведения научных исследований и опытно-экспериментальных разработок, получившему признанные научным сообществом научные и (или) научно-технические результаты в определенной области знаний, науки и техники.

В соответствии с пп. 5 п. 3 ст. 3 Закона о статусе судей судья не вправе заниматься иной оплачиваемой деятельностью, кроме педагогической, научной и иной творческой. Аналогичное положение содержится и в п. 4 ст. 5 Кодекса судейской этики.

Значит ли это, что законодатель стимулирует судей заниматься наукой, приобретая ученые степени и научные звания, или же пытается привлечь научные кадры в судейство?

Как бы то ни было, подобный дифференцированный подход к судьям одного уровня (статуса) не представляется оправданным, в том числе и потому, что в его основу закладывается формальный критерий наличия того или иного звания или научной степени, независимо от применения судьей их результатов в своей основной деятельности по осуществлению правосудия и от оценки качества рассматриваемых им дел. Тем более что на фоне размеров иных надбавок предположительная цель едва ли достигается 5–10 процентами данной надбавки.

Более эффективным представляется закрепление преференций на стадии наделения полномочиями кандидатов на должность судьи. Подобный подход отчасти реализован в действующем законодательстве, но весьма неоднозначно. Согласно абз. 3 п. 8 ст. 5 Закона о статусе судей при принятии решения о рекомендации кандидата на должность судьи квалификаци-

онная коллегия судей учитывает стаж работы кандидата в должности судьи в прошлом, опыт работы в правоохранительных органах, наличие государственных и ведомственных наград, почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации», ученой степени кандидата юридических наук или доктора юридических наук. При этом не совсем понятно, насколько для квалификационной коллегии судей это носит обязательный характер, поскольку термин «учитывать» предполагает усмотрение, и как решается вопрос в случае возникновения конкуренции этих условий у различных кандидатов.

Так или иначе, при необходимости привлечь в судейский корпус представителей каких-либо сообществ, в том числе научного, действеннее надбавок было бы наделить последних дополнительными преимуществами перед другими кандидатами, упростив тем самым их назначение. А отмеченные преференции должны иметь иерархический характер в зависимости от их значимости.

Доплата за знание иностранных языков и их использование в работе

За знание иностранных языков и их использование при исполнении должностных обязанностей ежемесячные доплаты предусмотрены лишь для судей Конституционного Суда Российской Федерации — в размере 20 % от должностного оклада.

Из содержания данного положения следует, что, в отличие от остальных судей, у судей Конституционного Суда есть особые должностные обязанности, при исполнении которых необходимо использовать иностранные языки. Однако это не совсем так: должностные обязанности всех судей носят аналогичный характер, отличия касаются лишь подведомственности и подсудности дел, входящих в их компетенцию. В любом случае это деятельность по осуществлению правосудия, у Конституционного Суда — соответственно конституционного правосудия, на что указывает статья 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», определяющая его полномочия.

Нормы данного Закона, определяющие процессуальные действия судей Конституционного Суда в области применения лингвистических навыков, не создают необходимости применения иностранного языка:

1. Производство в Конституционном Суде РФ ведется на русском языке. Участникам процесса, не владеющим русским языком, обеспечивается право давать объяснения на другом языке и пользоваться услугами переводчика. Гражданам, не владеющим русским языком, в случае обращения с жалобой на нарушение их прав нормативным актом, примененным при рассмотрении уголовного дела без представителя, должно быть обеспечено право при подготовке жалобы бесплатно пользоваться услугами переводчика (ст. 33).

2. К направляемому в Конституционный Суд обращению прилагаются (помимо предусмотренных законом иных документов) также перевод на русский язык всех документов и иных материалов, изложенных на другом языке (п. 4 абз. 1 ст. 38).

3. К запросу о возможности исполнения решения межгосударственного органа прилагаются официальный текст соответствующего решения межгосударственного органа и его перевод на русский язык, если решение вынесено на другом языке (абз. 3 ст. 104.1).

4. К запросу о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда прилагаются соответствующее решение иностранного или международного (межгосударственного) суда либо его надлежащим образом заверенная копия и перевод решения на русский язык, если оно вынесено на другом языке (абз. 2 ст. 104.5).

Кроме того, в законодательстве отсутствуют ответы на вопросы: кто определяет необходимость выплаты данной надбавки конкретному судье; знание какого иностранного языка предполагает данную доплату; на каком уровне судья должен владеть иностранным языком, чтобы получать надбавку; чем должен подтверждаться этот уровень и его использование при исполнении обязанностей; на какой период назначается надбавка и требуется ли периодическое подтверждение знаний? Отсутствие ответов создает правовую неопределенность, чрезмерно расширяющую пределы усмотрения лица, принимающего решение, — как правило, это председатель суда.

Заключение

По итогам детального рассмотрения каждой из частей, которые формируют денежное содержание судей, непосредственно привязаны

к должностному окладу, назначаемому Президентом РФ, и в совокупности своей не подлежат снижению, приходится отмечать, что подобная система не имеет достаточного и разумного обоснования. Она обладает крайне усложненной с точки зрения контроля структурой, содержит внутренние противоречия и неточности различного характера. Можем только предположить, что примененный подход позволяет скрыть от общества реальные размеры зарплат судей под ширмой поощрительных выплат, которые в действительности в большинстве своем являются обязательными, а в остальном отданы на откуп председателям судов. Это, в свою очередь, позволяет также избежать излишнего для власти общественного раздражения, связанного со стойким недоверием к российским судьям и с низкой оценкой их деятельности (более 40 % россиян²⁰) на фоне существенных различий между размерами их денежного содержания и средней заработной платой по стране.

В интересах обеспечения независимости судей, конечно же, необходим достаточно высокий уровень их материального обеспечения, во всяком случае — превышающий среднестатистический уровень заработных плат в регионе и стране в целом.

При этом заработная плата судей должна быть установлена в твердом выражении на уровне закона, с разумной дифференциацией в зависимости от уровня судьи, не перерастая в личную привилегию, она должна соответствовать рамкам общего социально-экономического развития общества, что, к сожалению, не достигнуто в российском случае.

При этом согласно позиции Венецианской комиссии, выраженной еще в 2013 г., систем, в которых размер вознаграждения судей зависит от их производительности (в нашем случае это можно соотнести с отдельными видами судебных надбавок и поощрений), следует также избегать, так как они являются проблематичными с точки зрения независимости судей²¹.

Подводя итог, скажем, что ежемесячное вознаграждение судьи за осуществляемую им деятельность должно быть установлено на уровне закона в твердом и понятном для всех размере, который определяется законодателем (при принятии бюджета) с учетом мнения судейского и независимого экспертного сообщества (например, адвокатского), которое будет весьма полезным для законодателя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранова М. А., Григорьева Е. А., Исаенкова О. В., Манова Н. С., Соловьева Т. В., Францифоров Ю. В., Царев Ю. Н. Научно-практический комментарий к Закону РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. О. В. Исаенковой, Н. С. Мановой // СПС «КонсультантПлюс», 2013.
2. Правосудие в современном мире : монография / В. И. Анишина, В. Ю. Артемов, А. К. Большова [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. — М. : Норма, Инфра-М, 2012. — 704 с.

Материал поступил в редакцию 7 ноября 2021 г.

REFERENCES

1. Baranova MA, Grigorieva EA., Isaenkova OV, Manova NS., Solovyova TV, Franciforov YuV, Tsarev YuN. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Zakonu RF ot 26 iyunya 1992 g. № 3132-1 «O statute sudehy v Rossiyskoy Federatsii» (postateynyy) [Scientific and practical commentary to the Law of the Russian Federation of June 26, 1992 No. 3132-1 «On the Status of Judges in the Russian Federation» (article-by-article)]. SPS «ConsultantPlus»; 2013 (In Russ).
2. Anishina VI, Artemov VYu, Bolshova AK, et al. Pravosudie v sovremennom mire : monografiya [Justice in the modern world: monograph]. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2012 (In Russ.).

²⁰ URL: https://old.wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (дата обращения: 15.09.2021).

²¹ Доклад «Стандарты Венецианской комиссии по независимости судебной системы» (Страсбург, 16 января 2013 г.). С. 5 // URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL\(2012\)084-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL(2012)084-rus) (дата обращения: 15.09.2021).

Сущность и характеристика административно-процессуальных решений

Аннотация. Предметом исследования являются административно-процессуальные решения, выносимые при возбуждении, рассмотрении административных дел, обжаловании решений по делу. Цель исследования заключается в анализе сущности административно-процессуального решения и порядка его принятия. Констатируется, что в административной науке выделяются несколько смежных категорий: управленческое решение, административное решение и административно-процессуальное решение, где административно-процессуальное решение есть разновидность административного решения, принимаемая в административно-процессуальном порядке по административному делу. Таким образом, данные категории связаны между собой как общее с частным. Особенности административно-процессуальных решений в рамках познавательной деятельности в административном процессе обусловлены целями и задачами, которые необходимо достичь при производстве по административному делу, сферой общественных отношений, по поводу которых возбуждено административное дело, видом административного производства, стадией административного процесса. Следует также иметь в виду, что административно-процессуальные решения облекаются в форму процессуальных актов и имеют индивидуальный или нормативный характер, т.е. административно-процессуальное решение и административно-процессуальный акт соотносятся друг с другом как содержание и форма. Обращается внимание на роль административного усмотрения в принятии административно-процессуального решения. Административно-процессуальные решения являются не только конечным элементом всякого этапа административно-процессуальной деятельности, но и средством получения определенного вида информации. Такая информация имеет доказательственное значение, а при определенных условиях будет доказательством по административному делу. Для административно-процессуального решения также важны: а) правильная юридическая квалификация фактов и правильный выбор, учет соответствующего нормативного правового акта, т.к. в таком случае можно вести речь об обоснованности принятого административно-процессуального решения; б) установленный административно-процессуальный порядок принятия решения, особенности которого обусловлены конкретным видом административного производства. Автором сделана попытка не только выделить признаки административно-процессуального решения, но и классифицировать его по различным основаниям.

Ключевые слова: публичное управление; органы публичной власти и управления; административно-процессуальная деятельность; административное производство; административное дело; административное решение; административное усмотрение; административно-процессуальное решение; стадии административного процесса; административно-процессуальные действия.

Для цитирования: Спиридонов П. Е. Сущность и характеристика административно-процессуальных решений // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 63–75. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.063-075.

© Спиридонов П. Е., 2022

* Спиридонов Павел Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
Московский пр., д. 149, г. Санкт-Петербург, Россия, 196105
pavelspiridonov@rambler.ru

The Essence and Characteristics of Administrative Procedural Decisions

Pavel E. Spiridonov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of the State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia
pr. Moskovskiy, d. 149, Saint Petersburg, Russia, 196105
pavelspiridonov@rambler.ru

Abstract. The subject of the study covers administrative procedural decisions made during the initiation and consideration of administrative cases, while appealing decisions on the case. The purpose of the study is to analyze the essence of the administrative-procedural decision and the procedure for its adoption. It is stated that in administrative science there are several related categories: managerial decision, administrative decision and administrative procedural decision, where an administrative procedural decision is a kind of administrative decision taken in an administrative procedural order in an administrative case. Thus, these categories are related to each other as the general with the specific. The features of administrative procedural decisions within the framework of cognitive activity in the administrative process are determined by the goals and objectives that must be achieved in the administrative case, the sphere of public relations, about which an administrative case has been initiated, the type of administrative proceedings, the stage of the administrative procedure. It should also be borne in mind that administrative procedural decisions are expressed in the form of procedural acts and have an individual or normative nature, i.e. an administrative procedural decision and an administrative procedural act relate to each other as the content and the form. Attention is drawn to the role of administrative discretion in making an administrative procedural decision. Administrative procedural decisions are not only the final element of any stage of administrative procedural activity, but also a means of obtaining a certain type of information. Such information has evidentiary value, and under certain conditions it will serve as an evidence in an administrative case. For an administrative procedural decision, it is also important that: a) legal qualification of the facts is correct and the choice with due regard to the relevant regulatory legal act is right, because in this case it is possible to talk about the validity of the administrative procedural decision; b) administrative procedure for making a decision the features of which are preconditioned by a specific type of administrative proceedings are established. The author makes an attempt not only to identify the signs of an administrative procedural decision, but also to classify it on various grounds.

Keywords: public administration; public authorities and administration; administrative-procedural activity; administrative proceedings; administrative case; administrative decision; administrative discretion; administrative-procedural decision; stages of administrative process; administrative-procedural actions.

Cite as: Spiridonov PE. Sushchnost i kharakteristika administrativno-protsessualnykh resheniy [The Essence and Characteristics of Administrative Procedural Decisions]. *Lex russica*. 2022;75(3):63-75. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.063-075. (In Russ., abstract in Eng.).

В теории государственного управления, административного права и административного процесса¹ много внимания уделяется совершенствованию механизмов публичного управления, его правового регулирования. Одним из важных элементов публичного управления являются качественные решения, принимаемые его субъектами.

В процессе административной деятельности органов публичной власти и управления² возникают различные жизненные ситуации, которые не только нуждаются в юридическом рассмотрении, но и становятся предметом юридических действий со стороны соответствующих органов (организаций). Такие жизненные ситуации в публично-управленческой деятель-

¹ Автор под административным процессом понимает деятельность соответствующих участников административно-процессуальных правоотношений по возбуждению, расследованию, рассмотрению и обжалованию административных дел. Такие правоотношения могут возникать как в процессе административно-юрисдикционных производств, так и при осуществлении государственного контроля и оказании государственных услуг.

² К органам публичной власти и управления автор относит: Президента Российской Федерации как главу государства; государственные органы, осуществляющие организацию, координацию в установленных сферах деятельности (например, Государственный Совет Российской Федерации, Совет безопасности Российской Федерации, Национальный антитеррористический комитет, различные межведомствен-

ности можно определить как административное дело. В процессе его возбуждения, рассмотрения совершаются процессуальные действия, для чего принимаются определенные решения.

В целом что понимается под любым решением?

В Большом универсальном словаре русского языка под решением понимается:

- вывод, заключение о необходимости что-либо сделать, что-либо предпринять, которые принимаются в результате обдумывания, взвешивания всех за и против;
- постановление, распоряжение, выработанное каким-либо коллективным органом в результате рассмотрения, обсуждения, а также лист с текстом такого постановления, распоряжения;
- обнаружение в результате умственного поиска правильного выхода из какого-либо затруднения, сложной ситуации;
- мыслительный процесс, в результате которого находят ответ, правильно устанавливают что-либо заданное условиями; последовательность действий, приводящая к нахождению неизвестного элемента математического выражения, правильного ответа; сам такой ответ;
- оказание определяющего влияния на что-либо, на дальнейшее существование, состояние и т.п.³

Все эти значения можно отнести и к административно-процессуальному решению. Как справедливо отмечал С. С. Алексеев, решение любого юридического дела может быть охарактеризовано как управленческое решение. Таким образом, оно будет представлять собой главное, определяющее звено любой правоприменительной деятельности⁴.

Публичное управление в разных отраслях и сферах находит свое выражение в процессе принятия и реализации административных решений, в том числе и административно-процессуальных. Как утверждает Ю. А. Тихомиров, в механизме государственного управления (теперь и в публичном управлении. — Прим. П. Е.) принятие решений в форме административных актов всегда считалось основным звеном. На наш взгляд, в современных условиях наблюдается усложнение механизма принятия и выполнения решений. Административный акт — это не только формализованные решения, которые обязан принимать управомоченный субъект, в нем также должен отражаться познавательный аспект управления⁵. В административном процессе особенно проявляется познавательный аспект правоприменительной деятельности субъектов публичного управления. Познавательный аспект такой деятельности выражается в том, что он направлен на познание явлений действительности, связанных в основном с разрешением соответствующих административных дел, поэтому в результате осуществления административно-процессуальных действий субъект, принимающий процессуальное решение, получает знание об обстоятельствах административного дела, познает факты окружающей действительности.

Особенности административно-процессуальных решений в рамках познавательной деятельности в административном процессе обусловлены целями и задачами, которые необходимо достичь при производстве по административному делу, сферой общественных отношений, по поводу которых возбуждено административное дело, видом административного производства, стадией административ-

ные, правительственные и т.п. комиссии); органы законодательной власти, органы исполнительной власти; органы судебной власти; государственные органы, наделенные правоприменительными, властными полномочиями (например, Генеральная прокуратура Российской Федерации и ее органы, Следственный комитет Российской Федерации и его органы, Центральный банк Российской Федерации и его органы); органы публичной власти на федеральных территориях; органы местного самоуправления; организации, которым делегированы публично-властные полномочия. При этом современная система органов публичной власти и управления в Российской Федерации является децентрализованной иерархической системой, согласованную деятельность которой обеспечивает Президент Российской Федерации.

³ См.: Морковник В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. имени А. С. Пушкина. М. : Словари XXI века; АСТ-Пресс Школа, 2016. С. 1016–1017.

⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. М. : Проспект, 2009. С. 548.

⁵ См.: Тихомиров Ю. А. Многоуровневое регулирование и качество административно-правовых решений. Риски // Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления) : монография. М. : ИЗиСП при Правительстве России: Инфра-М, 2019. С. 27.

ного процесса. Следует также иметь в виду, что административно-процессуальные решения облекаются в форму процессуальных актов и имеют индивидуальный или нормативный характер, т.е. административно-процессуальное решение и административно-процессуальный акт соотносятся друг с другом как содержание и форма.

В таком случае принятие административно-процессуального решения в форме процессуального акта будет необходимым условием возникновения, изменения и прекращения процессуальных правоотношений⁶.

При этом необходимо учитывать, что административно-процессуальная деятельность есть разновидность административной деятельности⁷ субъектов публичной власти и управления.

Таким образом, можно констатировать, что административно-процессуальное решение должно занимать одно из ключевых мест в теории административного процесса, поскольку именно качество таких решений влияет на то, насколько всесторонне и объективно разрешено административное дело. Всё это обуславливает актуальность исследования.

Административно-процессуальная деятельность органов публичной власти и управления процессуально обеспечивает их правоприменительную деятельность. Представляется, что в этом случае административно-процессуальную деятельность необходимо рассматривать как своего рода непрерывный цикл, имеющий определенные этапы, которые ограничиваются друг от друга решениями, имеющими административно-процессуальный характер.

В связи с ее «циклическим» характером административно-процессуальная деятельность проходит ряд стадий, особенность которых заключается в принятии промежуточного административно-процессуального решения, служащего основанием для «перехода» в другую стадию административного процесса. Следует отметить, что деятельность по возбуждению, рассмотрению, разрешению административ-

ного дела относится к так называемым многошаговым процессам принятия решений, т.е. это такая урегулированная административно-процессуальная деятельность, в результате которой принимаются различные последовательные административно-процессуальные решения, направленные на разрешение административного дела. Решения, принимаемые в рамках любого вида процессуальной деятельности, как справедливо отмечала П. А. Лупинская, не только содержат ответы на вопросы о наличии или об отсутствии юридически значимых обстоятельств, при наличии которых могут быть приняты решения о совершении определенных правовых действий, но и предписывают, какое действие должно последовать⁸. Значит, административно-процессуальные решения будут определять в том числе то, какие последствия могут вызывать установленные или неустановленные обстоятельства. К таким административно-процессуальным решениям будут относиться решения о производстве мер административно-процессуального обеспечения, переходе административного дела из одной стадии в другую и т.п.

В то же время необходимо учитывать, что, с одной стороны, в теории принятия решений выделяются такие этапы принятия решения, как:

- 1) определение альтернативных способов действия;
- 2) описание вероятностей возможных исходов;
- 3) ранжирование предпочтений возможных исходов;
- 4) рациональный синтез информации, полученной на первых трех этапах⁹.

С другой стороны, особенность принятия административно-процессуальных решений по административному делу заключается в том, что эти этапы либо определены в административно-процессуальном акте, либо не учитываются. Так, должностные лица, рассматривая, расследуя административное дело, могут совершать только те действия, которые установлены соответствующим нормативным правовым

⁶ См.: Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М. : Норма, 2003. С. 196.

⁷ В данной работе под административной деятельностью мы будем понимать целенаправленную, организующую, исполнительно-распорядительную деятельность субъектов публичной власти и управления, заключающуюся в непосредственном, повседневном, практическом осуществлении задач и функций государства в соответствующих отраслях и сферах публичного управления.

⁸ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика : монография. М. : Норма: Инфра-М, 2020. С. 16–17.

⁹ См.: Кини Р. Теория принятия решений // Исследование операций : в 2 т. М. : Мир, 1981. Т. 1. С. 481–482.

актом (например, меры обеспечения, закрепленные в КоАП РФ¹⁰). Таким образом, действует принцип «что не разрешено, то запрещено». Описание вероятностей возможных исходов и ранжирование предпочтений возможных исходов может не происходить, но может учитываться (например, при вынесении решения о наказании в виде административного штрафа в отношении индивидуального предпринимателя суд может учесть, что сумма административного штрафа может привести к банкротству индивидуального предпринимателя). С учетом этого встает вопрос о роли административного усмотрения в принятии административно-процессуального решения, поскольку динамика сфер государственной и общественной жизни, оперативность реагирования на происходящие общественные процессы предполагают необходимость управленческого усмотрения, а его субъективная природа делает такое усмотрение одним из наиболее значимых факторов административно-процессуальной деятельности¹¹. Значимость административного усмотрения иногда связывают с тем, что оно представляет собой выбор публичной администрацией в пределах, установленных нормативными правовыми актами, оптимального, по ее мнению, варианта решения конкретного управленческого вопроса в ситуации, когда правовые нормы не определяют исчерпывающим образом основания, условия, содержание, форму, порядок (процедуру), сроки и (или) субъектов принятия такого решения¹². Правда, вряд ли следует согласиться с указанием на такое условие административного усмотрения, как неопределенность порядка (процедуры) принятия решения. Например, одним из решений

по делу об административном правонарушении может быть прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с малозначительностью и объявление в связи с этим устного замечания. Однако четкие критерии малозначительности административного правонарушения отсутствуют, несмотря на ряд позиций Пленума Верховного Суда РФ¹³, а порядок вынесения урегулирован КоАП РФ. Другим примером административного усмотрения административных дел может быть вынесение решения в результате служебной проверки (разбирательства) по делу о дисциплинарном проступке. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 28.5 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»¹⁴ при малозначительности совершенного дисциплинарного проступка командир, рассматривающий материалы о дисциплинарном проступке, может освободить военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, совершившего дисциплинарный проступок, от дисциплинарной ответственности и ограничиться устным замечанием. В этом случае мы также имеем дело с административным усмотрением командира (начальника), а порядок вынесения соответствующего итогового административно-процессуального решения урегулирован Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил РФ¹⁵.

Полагаем, в основе принятия административно-процессуального решения лежат следующие факторы:

- представление соответствующего должностного лица об обстоятельствах административного дела;

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.

¹¹ См.: Михеева И. В. Административное усмотрение в ведомственном нормотворчестве России // Ежегодник публичного права — 2017 : Усмотрение и оценочные понятия в административном праве. М. : Инфотропик Медиа, 2017. С. 246.

¹² Соловей Ю. П. Некоторые вопросы судебного контроля за дискреционными административными актами в Российской Федерации // Ежегодник публичного права — 2017 : Усмотрение и оценочные понятия в административном праве. С. 153 ; Он же. Дискреционный характер административного акта как обстоятельство, исключающее судебную проверку его законности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 73.

¹³ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень ВС РФ. 2005. № 6.

¹⁴ СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

¹⁵ Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 47. Ч. 1. Ст. 5749

- знание видов административно-процессуальных решений, установленных административно-процессуальными нормами, которые могут быть вынесены при производстве по административному делу;
- понимание возможных юридических последствий таких решений.

В связи с этим соответствующее должностное лицо должно по возможности осуществлять анализ качества административно-процессуального решения, который может идти по двум направлениям: 1) анализ содержания решения на предмет соответствия нормам материального права; 2) анализ соблюдения административно-процессуального порядка вынесения решения.

Как было отмечено выше, в административном процессе обычно варианты решений заранее определены административно-процессуальной нормой, поэтому должностное лицо всегда ограничено в своих решениях и действиях нормой права. Это отличает административный процесс от управления как такового, так как в процессе управленческой деятельности решения могут носить субъективный характер, а лица, принимающие их, могут выбирать разные понравившиеся именно им способы решения проблем.

Административно-процессуальные решения являются не только конечным элементом всякого этапа административно-процессуальной деятельности, но и средством получения определенного вида информации. Информация или сведения о фактах в административном процессе имеют доказательственное значение, а при определенных условиях будут доказательствами по административному делу. Такая информация играет важную роль при принятии итогового административно-процессуального решения. Ключевое значение в преобразовании простых сведений об обстоятельствах административного дела в доказательства по административному делу принадлежит именно административно-процессуальным решениям.

Здесь следует учитывать, что любое административно-процессуальное решение в административном деле можно рассматривать в трех качествах: а) как формально-логический процесс; б) как творческий процесс; в) как государственно-властную деятельность компетент-

ных органов¹⁶. В связи с этим можно предположить, что:

- 1) с формально-логической стороны административно-процессуальное решение представляет собой соответствующее умозаключение субъекта, его принимающего, в котором конкретным обстоятельствам дела дается юридическая оценка или они квалифицируются в соответствии с материальной или административно-процессуальной нормой;
- 2) решение административного дела как творческий процесс означает прежде всего то, что здесь происходит распространение общих правил на своеобразные жизненные обстоятельства, привязка норм к этим обстоятельствам. При применении права общие правила (законы, которые всеобщие) раскрываются лишь в связи со своеобразными, подчас неповторимыми, жизненными обстоятельствами. При этом компетентный орган на основании, в пределах юридических норм и в направлениях, предусмотренных ими, осуществляет индивидуальное регулирование общественных отношений;
- 3) результат решения административного дела выражается в принятии индивидуального или нормативного правового акта.

В данной работе мы ограничимся рассмотрением третьего качества административно-процессуального решения, а именно принятия индивидуального или нормативного правового акта.

Любое административно-процессуальное решение необходимо отнести к актам применения права, в которых формально закрепляются решения компетентного органа по административному делу. Акт применения права выступает как нераздельное единство содержания и формы, в нем существенное значение приобретают формальные моменты. Понятие «акт применения» в этом смысле в известной степени отлично от понятия самого решения юридического дела и его результата — индивидуального веления. Иначе говоря, перед нами не само по себе действие по применению юридических норм, не сам по себе его результат, а действие и результат действия, выраженные в обязательной, как правило, письменной форме, т.е. единый акт-документ¹⁷, который принимается при осуществлении государственно-управ-

¹⁶ См.: Алексеев С. С. Указ. соч. С. 548–549.

¹⁷ См.: Алексеев С. С. Указ. соч. С. 551.

ленческой деятельности и имеет административно-процессуальный характер, так как связан с рассмотрением и разрешением административных дел. Основанием принятия таких решений является, с одной стороны, возникновение конкретной проблемы в какой-либо отрасли или сфере государственного управления, с другой — возникновение обстоятельств в какой-либо сфере государственного управления, которые требуют от государства принятия решений в процессуальной форме, отличной от существующих конституционно-, гражданско-, арбитражно-, уголовно-процессуальной форм. В этом случае административно-процессуальное решение принимается в форме индивидуального или нормативного акта.

В случае если проблемная ситуация связана с неурегулированными или недостаточно урегулированными общественными отношениями, уполномоченный орган исполнительной власти или его должностное лицо может в установленном порядке принять нормативный правовой акт, который устранил существующий пробел, а если, например, осуществляется посягательство на правоотношения в соответствующей сфере государственного управления, то должностные лица принимают индивидуальный акт.

Административные решения, выносимые по конкретному административному делу, носят именно административно-процессуальный характер. Особенностью таких решений является то, что они принимаются официальным органом (должностным лицом) в процессе возбуждения, расследования, установления фактических обстоятельств, рассмотрения административного дела и, конечно, его обжалования¹⁸.

На основании вышесказанного следует констатировать, что административно-процессуальное решение, как уже отмечалось, соотносится с административным актом как содер-

жание и форма, где административный акт есть форма. Однако правовая форма является не заключительной стадией принятия административно-процессуального решения, а его элементом, который определяет границы самостоятельности должностного лица, принимающего решение, содержание и последствия принятого решения. По мнению А. Ф. Ноздрачева, административные акты издаются для решения тех вопросов, которые определены в законе, положении об органе и в других актах. По содержанию административный акт — это управленческое решение, реализующее задачи и функции исполнительной и распорядительной деятельности органа исполнительной власти. Управленческое решение может содержаться только в административных актах, так как лишь в этом случае оно может вызывать юридические последствия в виде:

- установления (изменения, отмены) правовых норм;
- установления (изменения, прекращения) конкретных правоотношений в сфере исполнительной власти¹⁹.

В то же время, как справедливо отмечала П. А. Лупинская, решения по процессуальным вопросам, с одной стороны, являются юридическими фактами, вызывающими возникновение, изменение или прекращение правоотношений, в которых субъекты процессуальной деятельности реализуют свои права и обязанности²⁰, а с другой — обеспечивают реализацию как административно-правовых предписаний, так и предписаний других материальных отраслей права. В связи с этим может возникнуть вопрос: насколько административно-процессуальные решения повышают или понижают степень определенности в условиях всей системы публичного управления?²¹

Ряд авторов высказывают мнение, что в юридической деятельности сравнительно

¹⁸ Под принятием административно-процессуального решения можно понимать такой вид административно-процессуальной деятельности, в результате которого выбирается установленный административно-процессуальными нормами вид вывода, соответствующий обстоятельствам дела и требованиям, предъявляемым к административно-процессуальным решениям.

¹⁹ См.: Ноздрачев А. Ф. Административные акты: понятие, признаки, динамика // Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта. М.: Статут, 2011. С. 142.

²⁰ См.: Лупинская П. А. Указ. соч. С. 23.

²¹ Административная практика по рассмотрению разных категорий административных дел может оказывать сильное влияние на развитие отраслей (сфер) государственного управления, поэтому оценка влияния административно-процессуальных решений на степень определенности развития общественных отношений, возникающих в этих отраслях и сферах, связана с возможностью прогнозирования их развития на определенном историческом этапе.

мало решений принимается в условиях определенности, когда субъект может с точностью определить результат каждого альтернативного решения, возможного в данной ситуации. Уровень определенности при принятии решений зависит от внешней среды, он увеличивается при наличии твердой правовой базы, ограничивающей количество альтернатив и снижающей уровень риска. При этом понятие «правовая неопределенность» характеризует качество правовой реальности, необходимой для принятия решения, и выражается в неполноте, недостаточности, неадекватности и искаженности, допустимости, своевременности этой информации, что является одним из обстоятельств, порождающих риск²².

По нашему мнению, административно-процессуальная деятельность, в отличие от других видов процессуальной деятельности (например, уголовно-процессуальной или гражданско-процессуальной), может осуществляться в условиях как большой определенности, так и наоборот. В частности, на степень определенности существенное влияние может оказывать вид административного производства, а степень определенности влияет на условия принятия административно-процессуального решения.

Одновременно следует учитывать, что независимо от вида административного производства правоприменительный орган (организация) должен стремиться к снижению степени неопределенности в административном деле. Таким образом, субъект, выносящий административно-процессуальное решение, должен располагать определенной совокупностью информации об обстоятельствах, имеющих значение для вынесения процессуального решения, поэтому следует согласиться с мнением П. А. Лупинской, которая утверждала, что конкретные обстоятельства имеют правовое значение в ходе производства по делу в тех случаях, когда с их наличием закон связывает возмож-

ность выбора одного из указанных в законе процессуальных решений²³.

Каждый тип решений, в зависимости от субъектно-объектных отношений, содержания, формы, времени действия, имеет свою информационную базу, где информация представляет собой исходный материал для подготовки и принятия решений²⁴. В свою очередь, решения могут быть направлены не только на разрешение административного дела, но и на совершение административно-процессуальных действий, связанных с установлением обстоятельств по делу.

Так, для установления обстоятельств по делу могут иметь значение следующие административно-процессуальные решения: о проведении контрольной закупки (ст. 16.1 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»²⁵; ст. 56, 64, 67 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»²⁶); выбор меры обеспечения по материалам о дисциплинарных проступках (ст. 28.7 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»²⁷) и по делам об административных правонарушениях (гл. 27 КоАП РФ). Установленные обстоятельства по административному делу могут иметь значение для вынесения, например, решения о приостановлении и прекращении действия лицензии (ст. 20 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»²⁸), об определении подведомственности и подсудности по административным делам (гл. 2 КАС РФ²⁹, ст. 29 АПК РФ³⁰).

Конечно, принятие административно-процессуального решения базируется на оценке доказательств, особенно их свойств (относимость, достоверность, допустимость и достаточ-

²² См.: Боруленков Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 192–193.

²³ Лупинская П. А. Указ. соч. С. 140.

²⁴ См.: Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М., 1972. С. 98.

²⁵ СЗ РФ. 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6249.

²⁶ СЗ РФ. 2020. № 31. Ч. 1. Ст. 5007.

²⁷ СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

²⁸ СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

²⁹ СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

³⁰ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

ность), потому следует обратить внимание, что на степень определенности также оказывает существенное влияние такое свойство доказательств, как достаточность, которое указывает на соответствие и полноту всей совокупности доказательств для вынесения административно-процессуального решения.

При принятии решений «публичный субъект правовой деятельности» должен сосредоточить свое внимание на обнаружении зоны повышенного риска, оценке его степени, разработке и принятии заблаговременных мер, т.е. ему приходится фокусироваться на наиболее существенных мерах и определять их приоритетность, на что оказывает влияние дефицит времени, неполные и непроверенные, в некоторых случаях ложные данные³¹.

Вряд ли в полной мере можно согласиться с такой позицией, так как, с одной стороны, в рамках уголовного процесса то, что описывает Ю. П. Боруленков, соответствует действительности, но в других видах юридического процесса приведенные факторы не могут оказывать такое воздействие, так как субъекты, принимающие административно-процессуальное решение, руководствуются той совокупностью доказательств, которая у них имеется. Даже если субъект принятия процессуального решения понимает, что могут реализоваться какие-то управленческие риски, он не может не принять такого решения, если отсутствуют нормативные и фактические основания (например, если отсутствуют нормативные и фактические основания для отказа в выдаче лицензии, лицензирующий орган не может отказать в выдаче лицензии только на субъективном понимании того, что предприниматель нанесет вред при осуществлении лицензируемого вида деятельности). Этот риск «передается» уже в сферу государственного контроля или государственного надзора. В качестве другого примера можно привести привлечение к дисциплинарной ответственности. Начальник государственного служащего может понимать, что в дисциплинарном проступке виновато фактически другое лицо, но если в его действиях нет элементов состава дисциплинарного проступка, то он не может привлечь его к дисциплинарной ответственности.

Административно-процессуальному решению как разновидности административного решения присущи общие признаки админи-

стративного решения, но также необходимо выделить и частные признаки административно-процессуального решения.

Обычно выделяют общие и дополнительные признаки управленческого решения. К общим относятся: организующий характер; волевой характер; официальный характер; наличие выбора из нескольких вариантов возможного поведения, направленного на достижение одной или нескольких целей. Дополнительными признаками являются: влияние на решение социально-политических факторов и основных социальных решений; директивность и общеобязательность; многоцелевой характер; наличие системы правил, определяющих порядок разработки, обсуждения, принятия, вступления в силу, внесения изменений и отмены³².

Административно-процессуальные решения, являясь разновидностью административного (управленческого) решения, обладают несколькими другими признаками. На наш взгляд, такими признаками являются:

- определенная форма и процессуальный порядок вынесения;
- вынесение уполномоченным органом (организацией) или их должностными лицами;
- официальный характер и наличие реквизитов документа;
- юридически властный характер;
- обязательность;
- обусловленность стадией административного процесса;
- обоснованность.

Рассмотрим признаки административно-процессуального решения.

Определенная форма. Вид административного производства определяет применяемую форму при вынесении административно-процессуального решения. Такая форма определяется административно-процессуальной нормой, регламентирующей осуществление административно-процессуальной деятельности (например, в соответствии с ч. 3 ст. 14 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» решение о выдаче лицензии оформляется приказом или распоряжением; согласно ч. 1 ст. 29.9 КоАП РФ по результатам рассмотрения дела об административных правонарушениях выносится постановление).

Вынесение уполномоченным органом (организацией) или их должностными лицами. Для

³¹ См.: Боруленков Ю. П. Указ. соч. С. 194.

³² См.: Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. С. 18–32.

того, чтобы административно-процессуальное решение имело законный характер, его должен вынести орган публичной власти и управления, уполномоченный на это административно-процессуальными нормами. При этом следует понимать, что и должностное лицо, выносящее административно-процессуальное решение, должно иметь право на это, которое устанавливается также административно-процессуальными нормами. В иных случаях такое решение будет признано незаконным.

Необходимо также учитывать, что административно-процессуальные решения могут приниматься не только органами исполнительной власти, но и другими органами публичной власти и управления, в том числе государственными органами, не относящимися к органам исполнительной власти, некоммерческими организациями. Так, согласно п. 11 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ должностные лица Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» могут составлять протоколы об административных правонарушениях; в соответствии с Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности», Положением о лицензировании космической деятельности³³ должностные лица Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» принимают решение о предоставлении лицензии на осуществление космической деятельности; согласно ст. 39 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»³⁴ брокерская, дилерская деятельность, деятельность по управлению ценными бумагами и т.п. осуществляются на основе лицензии, выдаваемой должностными лицами Банка России.

Официальный характер и наличие реквизитов документа. Документ является *официальным*, если создан организацией, должностным лицом и оформлен в установленном порядке³⁵. Административно-процессуальное решение должно быть надлежащим образом оформ-

лено и должно обладать всей совокупностью признаков административного акта. Данное решение органа исполнительной власти получает правовую оценку в результате юридического оформления в виде административного акта нормативного или индивидуального характера, издаваемого в пределах компетенции соответствующего субъекта принятия процессуального решения³⁶.

Согласно п. 4 Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти³⁷ реквизитом документа является элемент документа, необходимый для его оформления и организации работы с ним. Такими элементами, в частности, в соответствии с п. 9 указанных Правил, будут:

- а) Государственный герб Российской Федерации;
- б) наименование федерального органа исполнительной власти;
- в) наименование структурного подразделения федерального органа исполнительной власти;
- г) наименование должности;
- д) справочные данные о федеральном органе исполнительной власти;
- е) наименование вида документа и др.

Юридически властный и обязательный характер. Сущность любого процессуального документа сводится прежде всего к тому, что в нем оформляется властное волеизъявление субъектов юридического процесса³⁸. Административно-процессуальные решения должны неукоснительно исполняться всеми, кому они адресованы.

Юридически властный и обязательный характер административно-процессуальных решений характерен для решений, вынесенных не только государственными органами, но и государственными и негосударственными организациями. Связано это с тем, что таким организациям могут передаваться некоторые публичные полномочия государства.

³³ Утверждено постановлением Правительства РФ от 18.03.2020 «О лицензировании космической деятельности» (СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1791).

³⁴ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

³⁵ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроеизводство и архивное дело. Термины и определения», утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17.10.2013 № 1185-ст. 36. См.: Ноздрачев А. Ф. Указ. соч. С. 143.

³⁷ Постановление Правительства РФ от 15.06.2009 № 477 «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» // СЗ РФ. 2009. № 25. Ст. 3060.

³⁸ См.: Лукьянова Е. Г. Указ. соч. С. 197.

Обусловленность административно-процессуальных решений стадией административного процесса означает, что особенности принятия конкретных решений определяются стадией, в которой принимается решение; назначением стадии в системе всех стадий административного процесса; процессуальным порядком производства, установленным для данной стадии; значением принятого в данной стадии решения для дальнейшего движения дела и разрешения его по существу. Поэтому, обращаясь непосредственно к правовой природе и значению конкретного решения, надо рассматривать его место в процедуре данной стадии и влияние принятого решения на достижение назначения этой стадии и на решения, которые будут приняты в последующих стадиях³⁹. Автор уже отмечал, что «...любая стадия представляет собой замкнутую совокупность административно-процессуальных действий и решений, т.е. начало стадии начинается с принятия административно-процессуального решения и заканчивается принятием соответствующего процессуального решения»⁴⁰. Например, предоставление государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, начинается с подачи заявителем заявления и документов на получение паспорта, по результатам рассмотрения могут быть приняты решения об оформлении и о выдаче паспорта или об отказе в выдаче паспорта. Исполнение решения осуществляется в виде непосредственной выдачи документа с обязательным проставлением заявителем своей подписи в паспорте и в заявлении о выдаче паспорта. Способом фиксации результата административной процедуры является внесение сведений о дате выдачи паспорта в базу данных ведомственного сегмента МВД России системы «Мир»⁴¹.

Обоснованность административно-процессуальных решений предполагает их законность и заключается в обязательности фактического

(доказательственного) и юридического (нормативно-правового) мотивированного обоснования соответствующими официальными органами и их должностными лицами. Об обоснованности административно-процессуального решения свидетельствует его аргументация, которая может быть представлена в виде логического вывода, где на основании нормативных и описывающих фактов выводится заключение о том, что определенные правовые последствия применимы в данном конкретном случае⁴².

Таким образом, существуют два главных основания принятия административно-процессуального решения: юридическое и фактическое. Фактическим основанием будет определенная совокупность сведений о событиях и действиях, требующих принятия такого решения. Юридическими основаниями являются конкретные нормы права, содержащие нормативные условия для принятия административно-процессуального решения. Следовательно, для административно-процессуального решения важны:

- а) правильная юридическая квалификация юридических фактов и правильный выбор, учет соответствующего нормативного правового акта, т.е. можно вести речь об обоснованности принятого административно-процессуального решения;
- б) установленный административно-процессуальный порядок принятия решения, особенности которого обусловлены конкретным видом административного производства.

В заключение следует отметить, что развитие теории административного процесса в основном ведется вокруг особенностей и видов административно-процессуальных правоотношений, видов административных производств, входящих в систему административного процесса. Однако, полагаем, исследования в административном процессе не должны ограничиваться только этим. Существует достаточно много институтов, которые требуют научной проработки и развития в рамках административного процесса. К таким институтам относятся: доказа-

³⁹ См.: Лупинская П. А. Указ. соч. С. 31.

⁴⁰ Спиридонов П. Е. Административно-процессуальная форма и стадии как элементы характеристики административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 3. С. 307.

⁴¹ См.: приказ МВД России от 16.11.2020 № 773 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 31 декабря 2020 г.

⁴² См.: Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. СПб. : Алеф-Пресс, 2016. С. 154.

тельства и доказывание, субъекты (участники) административного процесса, стадии и, конечно, административно-процессуальные решения. Исходя из особенностей проведенного исследования административно-процессуальных решений, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в административной науке выделяются несколько смежных категорий: управленческое решение, административное решение и административно-процессуальное решение.

Управленческое решение можно понимать как социальный акт, подготовленный на основе вариантного анализа и оценки, принятый в установленном порядке, имеющий директивное общеобязательное значение, содержащий постановку целей и обоснование средств их осуществления, организующий практическую деятельность субъектов и объектов управления⁴³. Административное решение, на наш взгляд, является видом управленческого решения, но облеченным в правовую форму. В свою очередь, административно-процессуальное решение есть разновидность административного решения, принимаемого в административно-процессуальном порядке по административному делу. Таким образом, данные категории связаны между собой как общее и частное.

Во-вторых, субъектами вынесения административно-процессуальных решений могут выступать не только должностные лица государственных органов (например, органов исполнительной и судебной власти, органов прокуратуры, Центрального банка России и т.п.), но

и государственных и негосударственных организаций (например, Государственная корпорация «Росатом» или саморегулируемая организация).

В-третьих, на степень определенности при вынесении решений в административном процессе оказывают влияние, с одной стороны, виды административных производств, а с другой — такое свойство доказательств по административному делу, как их достаточность. Правоприменительный же орган должен стремиться к снижению степени неопределенности в административном деле.

В-четвертых, в основе принятия административно-процессуального решения лежат такие факторы, как:

- представление соответствующего должностного лица об обстоятельствах административного дела;
- знание видов административно-процессуальных решений, установленных административно-процессуальными нормами, которые могут быть вынесены при производстве по административному делу;
- понимание возможных юридических последствий таких решений.

В-пятых, основными признаками административно-процессуальных решений будут: определенная форма и процессуальный порядок вынесения; вынесение уполномоченным органом (организацией) или их должностными лицами; официальный характер и наличие реквизитов документа; юридически властный характер; обязательность; стадийность; обоснованность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права : учебник. — М. : Проспект, 2009. — 576 с.
2. *Боруленков Ю. П.* Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) : монография. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 392 с.
3. *Булыгин Е. В.* Избранные работы по теории и философии права. — СПб. : Алеф-Пресс, 2016. — 476 с.
4. *Кини Р.* Теория принятия решений // Исследование операций : в 2 т. — М. : Мир, 1981. — Т. 1. — С. 481–512.
5. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика : монография. — М. : Норма: Инфра-М, 2020. — 240 с.
6. *Лукьянова Е. Г.* Теория процессуального права. — М. : Норма, 2003. — 240 с.
7. *Михеева И. В.* Административное усмотрение в ведомственном нормотворчестве России // Ежегодник публичного права — 2017 : Усмотрение и оценочные понятия в административном праве. — М. : Инфотропик Медиа, 2017. — С. 234–246.
8. *Морковник В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М.* Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. имени А. С. Пушкина. — М. : Словари XXI века ; АСТ-Пресс школа, 2016. — 1456 с.

⁴³ См.: *Тихомиров Ю. А.* Управленческое решение. С. 33.

9. Ноздрачев А. Ф. Административные акты: понятие, признаки, динамика // Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта. — М. : Статут, 2011. — С. 134–164.
10. Соловей Ю. П. Дискреционный характер административного акта как обстоятельство, исключающее судебную проверку его законности // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 4. — С. 72–99.
11. Соловей Ю. П. Некоторые вопросы судебного контроля за дискреционными административными актами в Российской Федерации // Ежегодник публичного права — 2017 : Усмотрение и оценочные понятия в административном праве. — М. : Инфотропик Медиа, 2017. — С. 152–171.
12. Тихомиров Ю. А. Многоуровневое регулирование и качество административно-правовых решений. Риски // Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления) : монография. — М. : ИЗиСП при Правительстве России : Инфра-М, 2019. — С. 27–30.
13. Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. — М., 1972. — 288 с.

Материал поступил в редакцию 10 ноября 2021 г.

REFERENCES

1. Alekseev SS. Obshchaya teoriya prava : uchebnik [General theory of law : textbook]. Moscow: Prospekt Publ.; 2009 (In Russ.).
2. Borulenkova YuP. Yuridicheskoe poznanie (nekotorye metodologicheskie, teoreticheskie i prakseologicheskie aspekty): monografiya [Legal cognition (some methodological, theoretical and praxeological aspects): monograph]. Moscow: YurLitinform Publ.; 2014 (In Russ.).
3. Bulygin EV. Izbrannyye raboty po teorii i filosofii prava [Selected works on the theory and philosophy of law]. St. Petersburg: Alef-Press; 2016 (In Russ.).
4. Kini R. Teoriya prinyatiya resheniy [Decision theory]. In: Operations research: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Mir Publ.; 1981 (In Russ.).
5. Lupinskaya PA. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatelstvo, praktika : monografiya [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice : monograph]. Moscow: Norm: Infra-M Publ.; 2020 (In Russ.).
6. Lukyanova EG. Teoriya protsessualnogo prava [Theory of procedural law]. Moscow: Norma Publ.; 2003 (In Russ.).
7. Mikheeva IV. Administrativnoye usmotreniye v vedomstvennom normotvorchestve Rossii [Administrative Discretion in Russia's Departmental Rulemaking]. Yearbook of Public Law – 2017: Discretion and evaluation concepts in administrative law. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2017 (In Russ.).
8. Morkovnik VV, Bogacheva GF, Lutskeya NM. Bolshoy universalnyy slovar russkogo yazyka [The Great Universal Dictionary of the Russian Language]. State Institute of Russian Language named after A. S. Pushkin. Moscow: Dictionaries of the 21st century; AST-Press shkola Publ.; 2016 (In Russ.).
9. Nozdrachev AF. Administrativnye akty: ponyatie, priznaki, dinamika [Administrative acts: concept, signs, dynamics], In: Administrative Procedures and Control in the Light of the European Experience]. Moscow: Statute Publ.; 2011 (In Russ.).
10. Solovey YuP. Diskreitsionnyy kharakter administrativnogo akta kak obstoyatelstvo, isklyuchayushchee sudebnuyu proverku ego zakonnosti [Discretionary Nature of Administrative Act as a Circumstance Precluding Judicial Review of its Legality]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;4:72-99 (In Russ.).
11. Solovey YuP. Nekotorye voprosy sudebnogo kontrolya za diskreitsionnymi administrativnymi aktami v Rossiyskoy Federatsii [Some issues of judicial control over discretionary administrative acts in the Russian Federation]. Yearbook of Public Law. 2017 : Discretion and evaluation concepts in administrative law. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2017 (In Russ.).
12. Tikhomirov YuA. Mnogourovnevoe regulirovaniye i kachestvo administrativno-pravovykh resheniy. Riski [Multilevel regulation and the quality of administrative and legal decisions. Risks]. Modernization of Administrative Legislation (Goals, Objectives, Principles and Current Directions): Monograph. Moscow: IZiSP Publ. Infra-M Publ.; 2019 (In Russ.).
13. Tikhomirov YuA. Upravlencheskoe resheniye [Administrative Decision]. Moscow; 1972 (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.076-087

Ф. О. Сулейманова*

Дистрибутивная справедливость и правовое регулирование социального обеспечения¹

Аннотация. Выстраивание моделей социального обеспечения должно основываться на заранее определенных и признаваемых обществом принципах справедливости. Хаотичные реформы без общего видения системы в соответствии с принципами справедливости приводят к усложнению, закрытости систем и чувству незащищенности. Поскольку социальное обеспечение — это в первую очередь вопрос доступа к благам, государством должны быть четко определены критерии дистрибутивной (распределительной) справедливости: кому, в каком объеме, за чей счет. Опросы общественного мнения порой демонстрируют несоответствие действующих механизмов перераспределения представлению о справедливости в обществе. Весь XX век системы выстраивались и совершенствовались на основе принципа солидарности поколений, застрахованных, больных и здоровых... В настоящее время ввиду кризиса существующих моделей по многим причинам происходит переосмысление старых и апробация новых вариантов построения. Обсуждаются от крайне либеральных, с минимизацией социальных гарантий, до введения всеобщего базового дохода. В Российской Федерации после экспериментов в пенсионном обеспечении и введения накопительного элемента, который не показал своей эффективности и вызвал отторжение социума, государство закрепило в 2020 г. в Основном законе страны принцип солидарности поколений как основу построения пенсионных систем. Не менее важно обеспечить дистрибутивную справедливость в такой ресурсоемкой и индивидуально не прогнозируемой сфере, как медицинская помощь. Необходимо обеспечить соответствие системы ожиданиям граждан в области, где не всегда работает принцип предоставления по заслугам (меритократический принцип). При этом ключевым моментом является выбор организационно-правовой формы социального обеспечения. Несмотря на высказанное мнение о большем соответствии принципам справедливости бюджетной модели медицинского обеспечения, сделан вывод о необходимости широкого обсуждения реформирования системы здравоохранения с привлечением экспертов, профессионального сообщества врачей, пациентских организаций и др.

Ключевые слова: дистрибутивная справедливость; социальная политика; социальное обеспечение; медицинское обеспечение; организационно-правовая форма социального обеспечения; обязательное медицинское страхование; социальная поддержка населения; принцип солидарности; общественные обсуждения.

Для цитирования: Сулейманова Ф. О. Дистрибутивная справедливость и правовое регулирование социального обеспечения // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 76–87. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.076-087.

¹ Статья представлена в рамках работы проектной группы факультета права НИУ «ВШЭ» «Дистрибутивная справедливость (distributive justice) как ценностное основание правового регулирования общественного здоровья».

© Сулейманова Ф. О., 2022

* Сулейманова Фатима Олеговна, кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и междотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Большой Трёхсвятительский пер., д. 3, г. Москва, Россия, 123022

fsuleymanova@hse.ru

Distributive Justice and Legal Regulation of Social Security²

Fatima O. Suleymanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of Law and Intersectoral Legal Disciplines, Faculty of Law, National Research University «Higher School of Economics»

Bolshoy Trekhsvyatitskiy per., d. 3, Moscow, Russia, 123022

fsuleymanova@hse.ru

Abstract. The building of social security models should be based on the principles of justice that are predetermined and recognized by society. Chaotic reforms without a common vision of the system in accordance with the principles of justice lead to complication, closeness of systems and a sense of insecurity. Since social security is primarily a matter of access to benefits, the state should clearly define the criteria of distributive justice: to whom, to what extent, at whose expense. Public opinion polls sometimes demonstrate that the existing mechanisms of redistribution do not correspond to the idea of justice in society. Throughout the 20th century, the systems were built and improved on the basis of the principle of solidarity of generations, insured, sick and healthy... Currently, due to the crisis of existing models, for many reasons, the old ones are being rethought and new construction options are being tested. They range from extremely liberal, with minimization of social guarantees, to the introduction of a universal basic income. In the Russian Federation, after experiments in pension provision and the introduction of a funded element, which did not show its effectiveness and caused the rejection of society, in 2020 the state fixed the principle of generational solidarity in the Basic Law of the country as the basis for building pension systems. It is equally important to ensure distributive justice in such a resource-intensive and individually unpredictable area as medical care. It is necessary to ensure that the system meets the expectations of citizens in an area where the principle of merit-based provision (meritocratic principle) does not always work. At the same time, the key point is the choice of the organizational and legal form of social security. Despite the opinion expressed about greater compliance with the principles of fairness of the budget model of medical care, it is concluded that there is a need for a broad discussion of reforming the healthcare system with the involvement of experts, the professional community of doctors, patient organizations, etc.

Keywords: distributive justice; social policy; social security; medical support; organizational and legal form of social security; compulsory medical insurance; social support of the population; principle of solidarity; public discussions.

Cite as: Suleymanova FO. Distributivnaya spravedlivost i pravovoe regulirovanie sotsialnogo obespecheniya [Distributive Justice and Legal Regulation of Social Security]. *Lex russica*. 2022;75(3):76-87. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.076-087. (In Russ., abstract in Eng.).

Идеи справедливости всегда в центре философских и правовых учений: от «Политики» Аристотеля³ до «Справедливости» Майкла Сэндела⁴. Понятие справедливости выступает в качестве одной из центральных составляющих в большинстве политических идеологий. О ней в той или иной форме говорится в программах большинства политических партий и движений⁵. Особую актуальность она приобретает в

социальной политике государства при перераспределении общего блага, определении круга нуждающихся в социальной защите и доли каждого.

Проблемам социальной справедливости был посвящен доклад ООН⁶, в котором она была признана «основополагающим принципом мирного и процветающего сосуществования внутри стран и между ними»⁷.

² The paper is prepared within the project conducted at the HSE Faculty of Law «Distributive justice as a value basis for the legal regulation of public health».

³ Аристотель. Политика. СПб. : Азбука, 2015. 352 с.

⁴ Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.

⁵ Пашкова Г. Г. Формы и принципы социальной справедливости // Социальное и пенсионное право. 2018. № 1. С. 18–23.

⁶ Доклад о мировом развитии. 2006. Справедливость и развитие // URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/650941468314074496/pdf/3220415777035500WDR020060Russian.pdf> (дата обращения: 08.08.2021).

⁷ Жильцова Ю. В., Новикова С. В., Козина Е. В. Принцип справедливости в трудовом праве и его соблюдение в условиях пандемии COVID-19 и ее последствий // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 19–22.

Несмотря на то, что «справедливость» — достаточно абстрактное понятие, оно все же закрепляется в конституциях и законодательстве многих стран и отражает представления о ней в обществе. При этом понимание справедливости не перестает меняться, адаптироваться к доминирующим в социуме этико-нравственным представлениям.

В отечественных правовых науках не наблюдается единого представления о справедливости, рассмотрение происходит с разных ракурсов — в соответствии с предметом регулирования конкретной отрасли. В. А. Вайпаном в монографии «Теория справедливости: право и экономика» предпринята попытка систематизировать научные представления о справедливости и ее соотношении с правом⁸. Он также приходит к выводу о некоем научном хаосе в понимании данной категории⁹.

Поскольку в социальной сфере справедливость — это главным образом равный доступ к благам, социальные отрасли права традиционно соотносят понятие справедливости с проблемами равенства и распределения дохода. Причем чаще всего справедливость рассматривается применительно к институту заработной платы в трудовом праве¹⁰, где провозглашается обеспечение справедливых условий труда и справедливой заработной платы каждому работнику. Несмотря на закрепление этого принципа на международном уровне (в ст. 23 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и во многих международных документах), определить конкретные суммы невозможно. Данный вопрос государства решают, используя различные механизмы и исходя из различных представлений о справедливости, а также из текущих экономических возможностей.

При этом очевидно, что критерии нужны. Особенно остро потребность в них стоит в праве социального обеспечения, где право имеет

дело со средствами общественных фондов потребления, которые исчерпаемы и требуют жесткого регулирования.

Именно на вопросах распределения и сконцентрировался Джон Роулз, изучая проблемы социальной справедливости¹¹. В работе «Теория справедливости» он подробно рассмотрел справедливость распределения благ: каким образом люди должны делить между собой богатство? И ответить на этот вопрос, по его мнению, мы должны в рамках гипотетического общественного договора, несмотря на крайнюю сложность выработки общих принципов ввиду наших различий (богатые и бедные, молодые и старые, больные и здоровые). При этом Роулз принимает за данность, во-первых, ограниченность распределяемых ресурсов; во-вторых, пребывание в первоначальном состоянии равенства, так как мы не знаем, какие между нами различия будут в будущем и какова наша судьба. Именно в этом Роулз видит залог справедливости разрабатываемых принципов. Каждый будет допускать возможный наихудший вариант для себя и тем самым сводить риск к минимуму. Попадая в конкретные жизненные ситуации, мы должны иметь выработанные ранее с максимальной беспристрастностью законы перераспределения. Д. Финнис указывал, что «теория справедливости должна установить, что положено человеку в тех обстоятельствах, в которых он находится, а не в условиях какого-то другого, идеального мира»¹².

Однако то, что должно быть распределено, необходимо сначала создать (или собрать), немаловажен вопрос справедливого формирования раздаваемого блага и установления правил обмена (вложенное и полученное, пусть даже разнесенное во времени).

Определенные общие рамки справедливости позволяют выстроить согласованную си-

⁸ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика : монография. М. : Юстицинформ, 2017. С. 28.

⁹ Куренной А. М. Право и справедливость в российской системе регулирования трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 5–9.

¹⁰ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и правовые основы распределения по труду // Общественные науки. 1985. № 1. С. 27–41 ; Никитинский В. И., Вайпан В. А. Социальная справедливость и трудовое право // Советское государство и право. 1987. № 10. С. 64–71 ; Хныкин Г. В. О соотношении справедливой заработной платы и минимального размера оплаты труда по трудовому законодательству России // Законодательство. 2017. № 7. С. 60–65 ; Вайпан В. А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании заработной платы рабочих и служащих : дис. ... канд. юрид. наук. М. : ВНИИ СГСИЗ, 1989.

¹¹ Роулз Д. Теория справедливости. Изд-е 3-е. М. : УРСС: Ленанд, 2017. С. 254.

¹² Финнис Д. Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 331, 441–442.

стему социального обеспечения, отвечающую общественным представлениям и ожиданиям, модернизировать и совершенствовать ее по понятным схемам, а не латать дыры ситуативно, решая сиюминутные проблемы дефицита средств. Справедливость должна учитываться в определении источника финансирования, в конкретных механизмах расчета объема предоставляемых благ, в определении категорий граждан, требующих материальной поддержки. Безусловно, это невозможно без активного вмешательства государства, которое устанавливает правила перераспределения на всех стадиях. Такое вмешательство предсказуемо вызывает возражения у сторонников неолберальной экономики и расценивается как ограничение свободы.

Еще Хайек писал, что «социальная справедливость» может иметь смысл только в направляемой или «командной» экономике (подобной армии), в которой людям приказывают, что делать; любая концепция «социальной справедливости» может быть реализована только в системе централизованного управления¹³.

Пройдя большой путь в выстраивании моделей социального обеспечения, общество вновь стоит перед выбором схемы, адекватной новым условиям и потребностям современного мира. В 1993 г. Международная организация труда (МОТ), подводя итоги XX столетия, говорила об эволюции в принципах перераспределения и социальной солидарности на Международной конференции труда: «В начале двадцатого века практически все промышленно развитые страны создали системы социального страхования, в рамках которых работники застраховали себя от многих социальных рисков... К середине столетия системы были усовершенствованы и стали основываться на солидарности молодых и пожилых, работающих и безработных, больных и здоровых, а государство, в свою очередь, взяло на себя расходы по финансированию

(полностью или частично) отошедших от строгого учета индивидуальных взносов систем. Следующим этапом было расширение концепции социального обеспечения, и оно стало предполагать всеобщую социальную минимальную поддержку гражданам независимо от таких критериев, как уплата взносов или продолжительность трудовой деятельности. «Благодаря развитию систем социальной защиты взаимная поддержка и солидарность получили широкое, почти универсальное распространение, охватывая все слои населения развитых стран»¹⁴.

Данные выводы были сделаны МОТ в 1993 г. Что мы имеем в XXI в.? Неолиберальная повестка вновь отодвигает государство от регулирования.

В настоящее время становятся всё более популярными идеи экономической эффективности права¹⁵, при которой российская юридическая литература в значительной степени ориентирована на экономический детерминизм права. «...Право должно служить эффективным средством распределения ограниченных ресурсов, максимизации выгоды от их использования при минимальных транзакционных издержках»¹⁶.

Данный вопрос поднимался и авторами статьи «К вопросу о выработке нового общественного договора» (Ю. В. Воронин, А. В. Столяров, Э. Г. Тучкова): «...есть весьма серьезные основания утверждать, что все проявляющиеся сегодня тенденции имеют совершенно рациональную экономическую подоплеку, хотя и представляются в форме моральных и правовых дискуссий. <...> Собственно, именно эти господствующие в экономической политике большинства стран тенденции вызывают наибольшее сопротивление со стороны социума и провоцируют вопрос о формулировании нового социального контракта»¹⁷.

Несмотря на дискуссию относительно степени участия государства в социальной сфере,

¹³ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода : Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М. : ИРИСЭН, 2006. С. 233.

¹⁴ См.: Социальное страхование и социальная защита : доклад генерального директора МБТ на Международной конференции труда. Женева, 1993. С. 16.

¹⁵ См. подробнее: Богданов Е. В. Проблема выравнивания (сглаживания) фактического неравенства в гражданско-правовой сфере с позиции социальной справедливости // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 28–38.

¹⁶ См.: Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект : монография. М. : Проспект, 2015. С. 12.

¹⁷ Воронин Ю. В., Столяров А. В., Тучкова Э. Г. К вопросу о выработке нового общественного договора // Социальное и пенсионное право. 2019. № 4. С. 3–8 ; 2020. № 1. С. 3–8.

международные акты, в частности акты Международной организации труда, дают ориентиры по ключевым понятиям дистрибутивной справедливости в социальном обеспечении, в которых превалирует принцип солидарности.

В Докладе Глобальной комиссии по вопросам будущего труда МОТ говорится, что «государствам необходимо гарантировать всеобщую социальную защиту от рождения до старости. Она должна включать минимальный уровень социальной защиты, т.е. базовую защиту всех нуждающихся, дополненную основанными на взносах программами социального страхования, которые повышают уровень защищенности»¹⁸. В документе также указано, что даже при чрезмерной нагрузке у государственного бюджета остаются возможности для расширения бюджетного пространства: увеличение налоговых поступлений, перераспределение расходов, расширение охвата социальным страхованием и увеличение доходов за счет взносов. Устойчивая система социальной защиты не может обойтись без взносов работодателей (социальное страхование).

«В основу правового регулирования распределения должны быть положены общие основополагающие идеи (отраслевые принципы), призванные отражать представления общества о социальной справедливости»¹⁹.

Еще В. С. Андреев выделял такой принцип права социального обеспечения, как «предоставление социального обеспечения в высоких размерах, соответствующих сложившемуся уровню удовлетворения потребностей граждан на данном этапе развития государства»²⁰.

При выстраивании системы социального обеспечения государство должно четко определить: из каких источников, кому и в каком размере будут перераспределяться блага.

В теории права социального обеспечения на сегодняшний день выделяют следующие принципы правового регулирования:

— осуществление за счет как страховых платежей, так и средств бюджетов различных уровней;

- дифференциация видов, условий и уровня обеспечения в зависимости от трудового вклада, причин нуждаемости и других социально значимых обстоятельств;
- обязанность государства гарантировать определенный уровень социального обеспечения (не ниже прожиточного минимума);
- гарантированность социальной помощи в случаях, признаваемых государством социально значимыми;
- многообразие видов социального обеспечения;
- участие общественных объединений, представляющих интересы граждан, в разработке, принятии и осуществлении решений по вопросам социального обеспечения²¹.

Почти все эти принципы характеризуют дистрибутивную справедливость (кому, когда, в каком объеме и за чей счет). Особое значение имеет последний из указанных принципов, так как соответствие порядка перераспределения устоявшимся в обществе представлениям о справедливости должно гарантироваться участием общественных объединений в разработке и принятии решений по принципиальным вопросам системы.

Важным моментом в выстраивании системы социального обеспечения является выбор организационно-правовой формы социального обеспечения. Система должна быть организована таким образом, чтобы итоговое распределение было справедливым, независимо от того, как сложатся дела²².

Можно утверждать, что принцип солидарности больше соответствует российским традициям, основанным во многом на советском опыте социальной защиты, задававшем планку в социальной поддержке западным странам, и в меньшей степени на индивидуалистических, либеральных моделях социальной защиты. Это подтверждают и недавние поправки к Конституции РФ, которые отдельно обозначили вектор на солидарность применительно к построению пенсионной системы: «В Российской Федерации формируется система пенсионного обес-

¹⁸ Работать ради лучшего будущего / Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда. Международное бюро труда. Женева : МБТ, 2019. С. 39–41. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_662472.pdf (дата обращения: 20.08.2021).

¹⁹ Право социального обеспечения России : учебник для бакалавров / отв. ред. Э. Г. Тучкова. М., 2016. С. 30.

²⁰ Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР : учебник для вузов. М., 1987. С. 68.

²¹ Право социального обеспечения России : учебник для бакалавров. С. 48.

²² Роулз Д. Указ. соч. С. 245.

печения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений...»²³. Следует отметить, что понятия справедливости и социальной солидарности не случайно упоминаются рядом.

Идея солидарности в большей степени реализуется в системе обязательного социального страхования. Е. В. Астраханцева справедливо указала, что эти отношения не могут рассматриваться в качестве алиментарных, так как финансирование осуществляется в основном за счет средств страхователей и самих застрахованных. При этом не имеет значения разрыв во времени между уплатой взносов и получением конкретного вида социального обеспечения застрахованным, поскольку в основу системы положен принцип солидарности самих застрахованных и солидарности поколений²⁴.

Как писал Отфрид Хеффе, «если смотреть на вещи достаточно широко, то обмен выступает не в качестве матерналистской или патерналистской, а скорее в качестве братско-сестринской и в этом смысле демократической формы совместного труда»²⁵.

Однако бюджетное финансирование также не лишено элемента солидарности: формирование бюджета происходит главным образом за счет налоговых поступлений, хотя солидарность эта и менее очевидна. Уплачивая налоги, мы не задаемся вопросом об их судьбе, они, как правило, не являются целевыми. В связи с этим примечательно учреждение в 2021 г. Благотворительного фонда поддержки детей с тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями «Круг добра», который предполагает уплату части налога на доходы физических лиц в данный Фонд. Таким образом, налог (часть налога) становится целевым, что позволяет говорить об элементах солидарности и в данном случае.

Альтернативой солидарности может являться индивидуализация социального обеспечения и введение обязательного накопительного компонента.

Выбор государством организационно-правовой формы социального обеспечения уже в рамках основанных на солидарном подходе

вариантов (страхование или бюджетное финансирование) — принципиальный вопрос для распределения благ.

Если мы будем исходить из того, что основной целью социального обеспечения является выравнивание доходов населения, борьба с обнищанием и поддержание социального статуса граждан, то выбор должен основываться в том числе и на целях того или иного вида обеспечения.

Поддержанию социального статуса больше соответствует система страхования, нежели бюджетное обеспечение. Эта система основана на корреляции уплаченных взносов и причитающихся выплат, хотя механизм зависимости может быть разный. Так, уже всем очевиден пример с падением эффективности и уровня социального обеспечения по безработице после упразднения соответствующего вида страхования в 2001 г. По мнению специалистов, система обеспечения пособием по безработице деградировала и стала финансироваться по остаточному принципу²⁶.

И здесь мы сталкиваемся с еще одним аспектом справедливости, который предполагает, что вложившие больше должны получать больше. Данный принцип довольно понятно воплощается в системах пенсионного страхования, страхования на случай временной нетрудоспособности и т.д., имеющих своей целью частичную компенсацию утраченного дохода. В этом случае происходит обеспечение, соизмеряемое с уплаченными взносами либо получаемым в прошлом доходом, с которого производились отчисления.

Сложнее ситуация, когда мы имеем дело с выплатами, размер которых никак не соотносится ни с доходом, ни с уплаченными взносами и которые являются фиксированной суммой и не имеют цели компенсировать утраченный доход. Речь идет, например, о материальной поддержке в связи с рождением ребенка. Должны ли эти выплаты быть страховыми в принципе, если никакой связи с получаемым доходом и корреляцией с уплаченными взносами не происходит? Солидарность родителей и бездетных объяснима и понятна, но должны

²³ П. 6 ст. 75 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

²⁴ Проблемы Общей части права социального обеспечения : монография. М., 2017. С. 71.

²⁵ Хеффе О. Справедливость. Философское видение. М., 2007. С. 100–101.

²⁶ Захаров М. Л. Социальное страхование в России: прошлое, настоящее и перспективы развития : монография. М., 2013. С. 13.

ли эти выплаты быть одного размера у застрахованных и незастрахованных? Совершенно справедливо дифференцировать работающих и неработающих, так как именно за счет труда первых создается национальное богатство страны, а часть их заработка уходит на социальные цели. В противном случае можем столкнуться с отсутствием стимулов для оформления участия в трудовой деятельности и уплаты взносов.

И здесь уместно вспомнить об идее коммунитарной справедливости, связанной с участием в различных общностях (*communitas*), группах, объединениях, организациях — от семьи и до государства²⁷.

В данном случае мы можем говорить об общности застрахованных в системе обязательного социального страхования (в широком смысле). Коммунитарная справедливость будет применима при сопоставлении ценности отдаваемых частных благ к ценности получаемых публичных благ; пропорциональности взносов и получаемых от них выгод (принцип выгодного участия).

Рассуждая о применимости коммунитарной справедливости, П. Штомпка указывает на необходимость некоторых корректировок. Например, льготы и освобождения от взносов для определенных групп. Другая корректировка — нарушение пропорции при увеличении повинностей граждан (повышение налогов) и ограничении обязанностей государства (снижение социальных выплат) в период экономического кризиса и чрезвычайных ситуаций²⁸.

На следующем этапе перераспределения, при определении объема предоставляемых благ применим принцип предоставления по заслугам, то есть меритократический подход. Причем заслуги могут быть индивидуальные или коллективные. Коллективными можно назвать статус, например, государственных гражданских служащих, военнослужащих, заслуги перед обществом и государством. Личные заслуги изменяются через трудовой стаж, выслугу лет и др.

Но и этот принцип имеет исключения: некоторые меры поддержки должны предоставляться как члену общества, в силу неотъемлемого

достоинства каждого человека, независимо от каких-либо заслуг. Государство обязано обеспечить прожиточный минимум каждому.

Представляется, что для материальной поддержки граждан как членов общества без каких-либо заслуг больше соответствует бюджетное финансирование, поскольку помощь предоставляется как членам общества, без всякой связи с прошлой или настоящей трудовой деятельностью.

Довольно сложно встраивается в существующее представление о справедливости обеспечения, где объем предоставляемых благ не только не связан с уплаченными взносами, но и индивидуально непредсказуем. Речь идет о медицинском обеспечении.

В сфере медицинского обеспечения неприменим меритократический подход к справедливости, никакие прежние заслуги не могут влиять на объем предоставляемой помощи; она определяется потребностью, исходя из диагноза и врачебного заключения. Дополнительными бонусами могут быть лишь условия предоставления медицинской помощи.

На сегодняшний день в России система строится по смешанной бюджетно-страховой модели с преобладанием сложной страховой составляющей. Медицинское страхование — особый вид обеспечения, который не укладывается в традиционное представление о социальном страховании, понимаемом как «система ослабления и компенсации последствий социального риска от определенной опасности, связанной с утратой заработной платы наемных работников»²⁹.

Россия выбрала страховую модель в 1990-е гг. скорее по соображениям политическим и идеологическим, отдавая дань переходу к рыночной экономике на фоне распада СССР. Но, как отмечается в Докладе «Современные тенденции в системе здравоохранения Российской Федерации», такой переход был противоречивым и разноректорным и не способствовал выработке единой логики политических решений в дальнейшем³⁰. Так, в 2010 г. был принят

²⁷ Теорию коммунитаризма развивали А. Макинтайр, М. Сэгдел, М. Уолцер, Ч. Тейлор.

²⁸ Штомпка П. Справедливость [Гл.] / пер. с пол. А. А. Зотова // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 6. — С. 381–399. — Гл. из кн.: *Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej*. Kraków: Znak, 2015. P. 232–250. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.21. P. 232–250.

²⁹ Роиц В. Д. Социальный бюджет : монография. М., 2016. С. 65.

³⁰ Современные тенденции в системе здравоохранения Российской Федерации. М. : Издательство Государственной Думы. 2019. С. 65.

Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и только через год — Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Другими словами, сначала разрабатывался механизм, а потом были определены цели и задачи, по которым этот механизм и должен работать, — по принципу «телега стоит впереди лошади»³¹.

Выстроить адекватную общественным ожиданиям систему медицинского обеспечения необходимо, учитывая представления о социальной справедливости в обществе.

Так, отвечая на вопрос «сталкивались ли вы с социальной несправедливостью», 46 % россиян ответили положительно. Причем самыми частыми примерами несправедливости были невозможность получить медицинскую и социальную помощь³².

Не вызывает сомнения необходимость изменить действующую систему гарантированного медицинского обеспечения, сделать ее более понятной, прозрачной, менее сложной и запутанной.

В экспертном сообществе высказывается много мнений на этот счет. Рассмотрим две наиболее популярные идеи.

Первый вариант реформирования — восстановление бюджетного финансирования системы здравоохранения. С этой целью предлагается средства обязательного медицинского страхования (ОМС), федерального и региональных бюджетов объединить у единого плательщика с последующим перераспределением по регионам. Для упрощения сложной цепочки доведения государственных средств до медицинских организаций предполагается исключить из нее частные страховые медицинские организации как ненужное звено и распределить их функции³³.

Данная схема предусматривает изменение функций территориальных отделений ФОМС и их превращение в финансовые подразделения региональных органов управления здравоохранением.

Рыночный принцип «деньги следуют за пациентом», по которому происходит компенсация затрат медицинских организаций, предполагается перевести на компенсацию расходов по смете, покрывающей базовые расходы. Ведь «на настоящий момент самый выгодный пациент тот, за которого платят больше, а расходов по оказанию помощи для него меньше»³⁴.

По задумке авторов, это также поможет решить вопрос доступности медицинской помощи, сохранить медицинские организации в сельской местности, небольших городах, восстановить инфекционную службу и скорую медицинскую помощь.

Второе предложение — оставить смешанную бюджетно-страховую схему, но ввести два уровня медицинского обслуживания в рамках обязательного медицинского страхования (ОМС), покрывающих расходы на полный набор медицинских услуг и расходы на оказание экстренной медицинской помощи.

Полный уровень предполагается для граждан трудоспособного возраста, за которых производятся страховые взносы (работодатели, самостоятельно), либо которые не осуществляют трудовую деятельность по уважительной причине (находящиеся на учете в службе занятости как безработные, имеющие степень утраты трудоспособности, осуществляющие уход за членами семьи и др.).

Неработающим гражданам трудоспособного возраста, которые не отнесены к первой группе, предоставляется страховой полис только на оказание бесплатных медицинских услуг экстренного порядка. Логику авторы определяют

³¹ Современные тенденции в системе здравоохранения Российской Федерации. С. 28.

³² Опрос ФОМ «Справедливость и несправедливость: Справедливо ли устроено наше общество? Как часто люди сталкиваются с несправедливостью?» // URL: <https://fom.ru/TSennosti/14469> (дата обращения: 20.08.2021).

³³ См.: Реформа системы охраны здоровья граждан РФ: основные положения // Оргздрав: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2020. Т. 6, № 3. С. 4–29. URL: https://www.vshouz.ru/upload/iblock/ceb/aij01uv0sew06r67bnp6dc0n4eum7rry/Blok_NMO_ORGZDRAV_3_2020_final.pdf (дата обращения: 20.08.2021); Предложения по развитию (реформы) российской системы здравоохранения до 2024 г. и на период до 2030 г. (подготовлено экспертным и профессиональным медицинским сообществом РФ). URL: https://www.vshouz.ru/orgzdrav2020/Reforma_ohrany_zdorovya.pdf (дата обращения: 20.08.2021).

³⁴ Реформа системы охраны здоровья граждан РФ: основные положения.

так: раз у тебя есть на что жить, значит, должен сам оплатить и медицинскую помощь³⁵.

Сходную систему предлагал В. З. Роик, высказываясь о введении для всех граждан страны гарантированного (бесплатного) оказания медицинской помощи в рамках базовой программы государственного здравоохранения, которое бы дополнялось обязательным медицинским страхованием для работающих³⁶.

Одним из объяснений вышеизложенных предложений является дискуссия относительно несправедливости оказания медицинской помощи в равном объеме как застрахованным, за которых уплачиваются страховые взносы с фонда оплаты труда, и «псевдозастрахованным», за которых такие взносы производит региональный бюджет (неработающие).

Но является ли это несправедливым в представлении современного российского общества? Вспоминается риторический вопрос из фильма известного документалиста Майкла Мура «Здравозахоронение» (Sikko), посвященного американской системе здравоохранения. В фильме режиссер задается вопросом: «Почему нам, американцам, непонятно, зачем здоровый человек должен платить взносы на решение чужих проблем со здоровьем?»

Что по этому поводу думает российское общество?

О. А. Кислицына приводит данные социологического опроса, в соответствии с которым значительная часть россиян (67,7 %) полагает несправедливым то, что лица с более высокими доходами могут позволить себе более качественное медицинское обслуживание, чем люди с более низкими доходами³⁷.

В другом исследовании, которое проводилось в двух российских регионах (в республи-

ках Татарстан и Марий Эл) результаты ответов на вопрос «Объем доступа к здравоохранению должен зависеть от уровня заработной платы и объема налоговых отчислений — чем больше гражданин перечисляет налогов, тем больше получает услуг», абсолютное несогласие выразили 54,8 % всех опрошенных, «скорее не согласны» — 15,8 %.

Примечательно, что подобное отношение характерно не только для российского общества. Из нескольких проведенных в разных странах исследований следует, что около 2/3 граждан называют неравенство в доступе к услугам здравоохранения несправедливым и поддерживают эгалитарную политику в области здравоохранения³⁸.

На современном этапе развития общества человек не чувствует себя комфортно, если рядом есть люди, которые не могут себе позволить полноценного лечения, даже если они не уплачивали взносы. Это стандарт, определенный самим обществом. Данная идея была окончательно осознана государствами в период пандемии.

Как сказано в Докладе о социальной защите в мире за 2020–2022 гг. Международной организации труда, «обеспечение универсальности охвата имеет важное значение в условиях пандемии, когда здоровье одного человека влияет на здоровье всех. Правительства во всем мире оперативно отреагировали на распространение заболевания, обеспечив доступ к медицинским услугам и пособиям по болезни, расширив их охват... Сейчас необходимо использовать уроки, извлеченные из этих временных мер, для перехода к более устойчивым, всеобъемлющим и универсальным системам социальной защиты, которые обеспечивают эффективный доступ к медицинским услугам... для всех»³⁹.

³⁵ Новые организационно-правовые формы социального страхования : сборник статей по материалам научно-практической конференции (Москва, 25 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю. В. Воронин, Н. А. Поветкина. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2018. С. 52–53.

³⁶ Роик В. Д. Указ. соч. С. 252.

³⁷ Кислицына О. А. Восприятие россиянами несправедливости неравенства в доступе к услугам здравоохранения и детерминирующие его факторы. Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». 2018. № 3 (61).

³⁸ Караева О. С. Представления о справедливости и эффективности в системах здравоохранения различных стран (по данным ISSP) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 1–2(117). С. 50–65.

³⁹ World Social Protection Report 2020–22: Social protection at the crossroads — in pursuit of a better future International Labour Office. Geneva : ILO, 2021. URL: https://ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_817572.pdf (дата обращения: 08.08.2021).

Выводы

В настоящее время состояние здравоохранения и здоровье нации диктуют необходимость совершенствования здравоохранительной политики России. И как указано в Докладе, представленном в Государственной Думе Федерального собрания РФ в 2019 г. по проблемам реформирования системы здравоохранения, в рамках существующих экономических и организационных структур и решений проблема обеспечения здоровья россиян принципиально не решается⁴⁰.

При этом международные стандарты социального обеспечения признают разнообразие механизмов, которые могут сосуществовать для финансирования, приобретения и предоставления медицинских услуг, при условии соблюдения ключевых принципов.

Несмотря на бесспорность основной цели здравоохранения в современном мире — всеобщность охвата и явные симпатии населения к эгалитарной системе, представляется, что наличие модели, не предусматривающей взаимосвязи вложенных средств и полученного блага

(страхования), может периодически ставить вопросы о дистрибутивной справедливости системы. В частности, о справедливости в распределении доступа к медицинским услугам:

- граждан с разным уровнем дохода (соответственно разным уровнем произведенных взносов);
- «реально» застрахованных (работающих) и тех, за кого взносы производит региональный бюджет;
- в сельской малонаселенной местности и городах при наличии принципа «деньги следуют за пациентом» и др.

Бюджетная модель в состоянии снять эти вопросы. Однако все предлагаемые изменения, включая возможные модели медицинского обеспечения, должны проходить полноценное общественное обсуждение. Только такой процесс позволит выверить вводимый механизм с представлением о справедливости в данном конкретном обществе. И решая вопрос, государство должно открыто вести дискуссию, привлекая экспертов, профессиональное сообщество, пациентские организации и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР : учебник для вузов. — М., 1987.
2. Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект : монография. — М. : Проспект, 2015. — 304 с.
3. Богданов Е. В. Проблема выравнивания (сглаживания) фактического неравенства в гражданско-правовой сфере с позиции социальной справедливости // Журнал российского права. — 2018. — № 3. — С. 28–38.
4. Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика : монография. — М. : Юстицинформ, 2017. — 260 с.
5. Воронин Ю. В., Столяров А. В., Тучкова Э. Г. К вопросу о выработке нового общественного договора // Социальное и пенсионное право. — 2019. — № 4. — С. 3–8; 2020. — № 1. — С. 3–8.
6. Жильцова Ю. В., Новикова С. В., Козина Е. В. Принцип справедливости в трудовом праве и его соблюдение в условиях пандемии COVID-19 и ее последствий // Трудовое право в России и за рубежом. — 2020. — № 4. — С. 19–22.
7. Захаров М. Л. Социальное страхование в России: прошлое, настоящее и перспективы развития : монография. — М., 2013. — 312 с.
8. Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России. — М., 2004. — 608 с.
9. Караева О. С. Представления о справедливости и эффективности в системах здравоохранения различных стран (по данным ISSP) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2014. — № 1-2 (117). — С. 50–65.
10. Кислицына О. А. Восприятие россиянами несправедливости неравенства в доступе к услугам здравоохранения и детерминирующие его факторы // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». — 2018. — № 3 (61).

⁴⁰ Современные тенденции в системе здравоохранения Российской Федерации. М. : Издательство Государственной Думы, 2019. С. 38. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/otTeY7Kh7jQrYiz92JbKmbymxb6971x/F.pdf> (дата обращения: 08.08.2021).

11. Куренной А. М. Право и справедливость в российской системе регулирования трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. — 2018. — № 4. — С. 5–9.
12. Мальцев Г. В. Социальная справедливость и правовые основы распределения по труду // Общественные науки. — 1985. — № 1. — С. 27–41.
13. Новые организационно-правовые формы социального страхования : сборник статей по материалам научно-практической конференции (Москва, 25 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю. В. Воронин, Н. А. Поветкина. — М. : ИЗСП при Правительстве РФ, 2018. — 224 с.
14. Пашкова Г. Г. Формы и принципы социальной справедливости // Социальное и пенсионное право. — 2018. — № 1. — С. 18–23.
15. Право социального обеспечения России : учебник для бакалавров / отв. ред. Э. Г. Тучкова. — М., 2016. — 456 с.
16. Проблемы Общей части права социального обеспечения : монография / под ред. Э. Г. Тучковой. — М., 2017. — 416 с.
17. Роик В. Д. Социальный бюджет : монография. — М., 2016. — 288 с.
18. Роулз Д. Теория справедливости. — Изд-е 3-е. — М. : УРСС: Ленанд, 2017. — 536 с.
19. Финнис Д. Естественное право и естественные права. — М., 2012. — 554 с.
20. Хайек Ф. А фон. Право, законодательство и свобода : Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. — М. : ИРИСЭН, 2006. — 642 с.
21. Хефффе О. Справедливость. Философское видение. — М., Праксис, 2007. — 192 с.
22. Хныкин Г. В. О соотношении справедливой заработной платы и минимального размера оплаты труда по трудовому законодательству России // Законодательство. — 2017. — № 7. — С. 60–65.
23. Штомпка П. Справедливость [Гл.] / пер. с пол. А. А. Зотова // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 6. — С. 381–399. — Гл. из кн.: *Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości* / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej. Kraków: Znak, 2015. P. 232–250. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.21.

Материал поступил в редакцию 14 декабря 2021 г.

REFERENCES

1. Andreev VS. Pravo sotsialnogo obespecheniya v SSSR: uchebnik dlya vuzov [The law of social security in the USSR. A textbook for universities]. Moscow; 1987. (In Russ.)
2. Bogdanov DV. Evolyutsiya grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti s pozitsii spravedlivosti: sravnitelno-pravovoy aspekt: monografiya [Evolution of civil liability from the standpoint of justice: Comparative legal aspect. A monograph]. Moscow: Prospekt; 2015. (In Russ.)
3. Bogdanov EV. Problema vyravnivaniya (sglazhivaniya) fakticheskogo neravenstva v grazhdansko-pravovoy sfere s pozitsii sotsialnoy spravedlivosti [The problem of leveling (smoothing) the actual inequality in the civil law sphere from the perspective of social justice]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2018;3:28-38. (In Russ.)
4. Vaypan VA. Teoriya spravedlivosti: pravo i ekonomika: monografiya [Theory of Justice: Law and Economics. A monograph]. Moscow: Yusticinform; 2017. (In Russ.)
5. Voronin YuV, Stolyarov AV, Tuchkova EG. K voprosu o vyработке novogo obshchestvennogo dogovora [On the issue of developing a new social contract]. *Sotsialnoe i pensionnoe pravo [Social and pension law]*. 2019;4:3-8. 2020;1:3-8. (In Russ.)
6. Zhiltsova YuV, Novikova SV, Kozina EV. Printsip spravedlivosti v trudovom prave i ego soblyudenie v usloviyakh pandemii COVID-19 i ee posledstviy [The principle of fairness in labor law and its observance in the context of the COVID-19 pandemic and its consequences]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom [Labour Law in Russia and Abroad]*. 2020;4:19-22. (In Russ.)
7. Zakharov ML. Sotsialnoe strakhovanie v Rossii: proshloe, nastoyashchee i perspektivy razvitiya : monografiya [Social insurance in Russia: Past, Present and Development prospects. A monograph]. Moscow; 2013. (In Russ.)
8. Zakharov ML, Tuchkova EG. Pravo sotsialnogo obespecheniya Rossii [Social Ssecurity Law in Russia]. Moscow; 2004. (In Russ.)

9. Karaeva OS. Predstavleniya o spravedlivosti i effektivnosti v sistemakh zdravookhraneniya razlichnykh stran (po dannym ISSP) [Perceptions of equity and efficiency in health systems in different countries (according to ISSP)]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. 2014;1-2(117):50-65. (In Russ.)
10. Kislytsyna OA. Vospriyatie rossiyanami nespravedlivosti neravenstva v dostupe k uslugam zdravookhraneniya i determiniruyushchie ego faktory [Russians' perception of the injustice of inequality in access to health services and its determining factors]. *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya* [Social Aspects of Population Health]. 2018;3(61). (In Russ.)
11. Kurennoy AM. Pravo i spravedlivost v rossiyskoy sisteme regulirovaniya trudovykh otnosheniy [Law and justice in the Russian system of regulation of labor relations]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labour Law in Russia and Abroad]. 2018;4:5-9. (In Russ.)
12. Maltsev GV. Sotsialnaya spravedlivost i pravovye osnovy raspredeleniya po trudu [Social justice and the legal basis for the distribution of labor]. *Obshchestvennye nauki* [Social sciences]. 1985;1:27-41. (In Russ.)
13. Voronin YuV, Povetkina NA., editors. Novye organizatsionno-pravovye formy sotsialnogo strakhovaniya : sbornik statey po materialam nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 25 oktyabrya 2018 g.) [New organizational and legal forms of social insurance. Proceedings of the scientific and practical conference (Moscow, October 25, 2018)]. Moscow: IZiSP under the Government of the Russian Federation; 2018. (In Russ.)
14. Pashkova GG. Formy i printsipy sotsialnoy spravedlivosti [Forms and principles of social justice]. *Sotsialnoe i pensionnoe pravo* [Social and Pension Law]. 2018;1:18-23. (In Russ.)
15. Tuchkova EG, editor. Pravo sotsialnogo obespecheniya Rossii: uchebnik dlya bakalavrov [Social security law in Russia. A textbook for bachelor degree programmes]. Moscow; 2016. (In Russ.)
16. Tuchkova EG, editor. Problemy Obshchey chasti prava sotsialnogo obespecheniya: monografiya [Problems of the General part of social security law. A monograph]. Moscow; 2017. (In Russ.)
17. Roik VD. Sotsialnyy byudzhel: monografiya [Social budget: A monograph]. Moscow; 2016. (In Russ.)
18. Raulz D. Teoriya spravedlivosti [The theory of justice]. 3d ed. Moscow: URSS: Lenand; 2017. (In Russ.)
19. Finnis D. Estestvennoe pravo i estestvennye prava [Natural law and natural rights]. Moscow; 2012. (In Russ.)
20. Hayek FA von. Pravo, zakonodatelstvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberalnykh printsipov spravedlivosti i politiki [Law, Legislation and Freedom: Modern Understanding of Liberal Principles of Justice and Politics]. Moscow: IRISEN; 2006. (In Russ.)
21. Heffe O. Spravedlivost. Filosofskoe videnie [Justice: Philosophical vision]. Moscow: Praxis; 2007. (In Russ.)
22. Khnykin GV. O sootnoshenii spravedlivoi zarabotnoy platy i minimalnogo razmera oplaty truda po trudovomu zakonodatelstvu Rossii [On the ratio of fair wages and minimum wages under the labor legislation of Russia]. *Zakonodatelstvo* [Legislation]. 2017;7:60-65. (In Russ.)
23. Shtompka P. Spravedlivost [Justice]. Transl. from Polish by Zotov AA. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring public opinion: Economic and social changes]. 2017;6:381-399. Chapter from the book: Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej. Kraków: Znak, 2015. P. 232–250. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.21. (In Russ.)

Право военного времени как подотрасль военного права

Аннотация. В статье на основе правовых позиций, изложенных в научной литературе, определен нормативный комплекс «права мирного времени», а также выделено «право кризисных ситуаций», действующее в условиях экстраординарных правовых режимов (чрезвычайного положения, контртеррористической операции, миротворческой операции). Сформулирована авторская позиция относительно «права военного времени» как совокупности норм военного законодательства, регулирующих отношения в период военного времени в условиях режима военного положения, проведен анализ действия указанных норм во времени (*ratione temporis*), в пространстве (*ratione loci*) и по кругу лиц (*ratione personae*). На основе исследования понятий «международное гуманитарное право» и «право вооруженных конфликтов» в доктрине международного права и сложившейся договорной практике отвергнуты предложения о наименовании подотрасли военного права как «международное гуманитарное право», «право вооруженных конфликтов» или «оперативное право». Установлено, что применение Вооруженных Сил РФ не по предназначению возможно в рамках договорных и внедоговорных режимов их использования. Отмечено, что «право военного времени» предназначено для регулирования отношений в период международных вооруженных конфликтов и может быть лишь частично основано на нормах международного гуманитарного права; оно включает в себя институты мобилизации, территориальной обороны, гражданской обороны, оккупации, интернирования, военного плена и др.; его нормы регулируют применение Вооруженных Сил РФ по предназначению. Подняты дискуссионные вопросы о включении в военное право ряда технических норм, а также о выработке на основе рекомендательных международно-правовых норм правил ведения боевых действий в определенных географических средах.

Ключевые слова: военное право; международное гуманитарное право; право вооруженных конфликтов; оперативное право; право мирного времени; право кризисных ситуаций; право военного времени; имплементация норм международного права; военная оккупация; театр военных действий; комбатанты и некомбатанты; гражданское население.

Для цитирования: Батырь В. А. Право военного времени как подотрасль военного права // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 88–104. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.088-104.

Wartime Law as a Sub-Branch of Military Law

Vyacheslav A. Batyr, Cand. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
batyr_62@mail.ru

Abstract. Based on the legal positions set out in the scientific literature, the paper defines the normative complex of «peacetime law», and highlights the «law of crisis situations» operating under extraordinary legal regimes (state of emergency, counter-terrorism operation, peacekeeping operation). The author's position on the «wartime

© Батырь В. А., 2022

* Батырь Вячеслав Анатольевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

batyr_62@mail.ru

law» as a set of norms of military legislation regulating relations during wartime under martial law is formulated, the analysis of the effect of these norms in time (*ratione temporis*), in space (*ratione loci*) and in the circle of persons (*ratione personae*) is carried out. The author opposes proposals to name a sub-branch of military law as «international humanitarian law», «law of armed conflict» or «operational law» following the study of the concepts of «international humanitarian law» and «law of armed conflict» found in the doctrine of international law and established contractual practice. It has been established that the use of the Armed Forces of the Russian Federation is not possible for its intended purpose within the framework of contractual and non-contractual regimes of their use. It is noted that the «wartime law» is intended to regulate relations during international armed conflicts and can only be partially based on the norms of international humanitarian law. It includes the institutions of mobilization, territorial defense, civil defense, occupation, internment, military captivity, etc.; its norms regulate the use of the Armed Forces of the Russian Federation for their intended purpose. The author raises debatable questions about the inclusion of a number of technical norms in military law, as well as the development of rules of engagement in certain geographical environments on the basis of recommendatory international legal norms.

Keywords: military law; international humanitarian law; law of armed conflicts; operational law; peacetime law; law of crisis situations; wartime law; implementation of international law; military occupation; theatre of operations; combatants and non-combatants; civilians.

Cite as: Batyr VA. Pravo voennogo vremeni kak podotrasl voennogo prava [Wartime Law as a Sub-Branch of Military Law]. *Lex russica*. 2022;75(3):88-104. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.088-104. (In Russ., abstract in Eng.).

В последнее время в ведущих отечественных юридических изданиях опубликован ряд статей, посвященных проблематике военного права¹. Отмеченные в публикациях нерешенные вопросы носят системный характер и действительно заслуживают пристального внимания и вдумчивого изучения, поскольку за ними стоят не столько осознанные интересы продвижения сформулированной концепции военного права как отрасли права и сферы научных знаний², сколько боль за растратившую научный потенциал знаковую школу советского/российского военного права, к сожалению, утратившую свои позиции в нулевые годы XXI в., и стремление исправить ситуацию.

Безусловно, восстановление позиций следует начать с формирования уважительного и доверительного отношения юридической общественности к достижениям военно-юридической науки.

Однако это невозможно без прямого и открытого диалога с «отраслевиками», представляющими научные школы отечественного конституционного, административного, уголовного права. Не менее важно сотрудничество с представителями отечественной школы международного права в части научного обоснования и развития военной проблематики этой самостоятельной правовой системы. С этой целью важно организовать диалог различных научных направлений в рамках дискуссионного клуба или постоянно действующего семинара.

В ранее опубликованных исследованиях также предлагались различные варианты позиционирования военного права как науки³, отрасли российского права и учебной дисциплины⁴. И если с изучением военного права в образовательных учреждениях издержки были минимальны, то развитие военно-правовой на-

¹ См.: Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право, 2021, № 4. С. 7–34; Кудашкин А. В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) // Военно-правовое обозрение, 2021, № 4. С. 2–12; Он же. Международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, оперативное право: вопрос в терминах или их содержании? // Военно-правовое обозрение, 2021. № 2. С. 81–89.

² Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. М. : Центр правовых коммуникаций, 2021. Т. 1 : История и теория военного права (с предисл.). 560 с.

³ Наука военного права рассматривается как система знаний о правовом содержании процессов и явлений, складывающихся в различных сферах военной деятельности государства (см.: Толкаченко А. А. Современное состояние военно-юридической (военно-правовой) науки и ее роль в укреплении безопасности России // Право и безопасность. № 3–4 (24–25), декабрь 2007. URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_21_7.htm (дата обращения: 31.08.2021)).

⁴ Дамаскин О. В., Корякин В. М., Холопова Е. Н. Современные проблемы военного права // Вестник военного права, № 4, 2016. С. 14–22; Корякин В. М. Эволюция диссертационных исследований по военно-

уки пробуксовывало из-за отсутствия четкого представления о военном праве как отрасли российского права и его системе.

Таким образом, на повестке дня стоит комплексная проблема систематизации военного права, институционализации комплексов норм, регулирующих однородные отношения, прогрессивного развития доктрины военного права, актуализации перспективных военно-правовых исследований, а в конечном итоге — речь идет о наведении порядка в храме военно-правовой науки.

1. Определяя «структурный скелет» отрасли военного права, А. В. Кудашкин⁵ вслед за В. М. Корякиным⁶ предлагает структурировать военное право на части: общую, специальную и особенную. Такой подход приемлем к структурированию учебной дисциплины, но не к отрасли, претендующей на кодификацию. При этом в *специальную часть* предлагается включить, с одной стороны, отдельные правовые образования, не достигшие уровня правовых институтов, а с другой стороны, совокупность норм, посредством которых осуществляется правовое регулирова-

ние международных военно-правовых отношений⁷. Вместе с тем при определении подотраслей военного права⁸ авторы демонстрируют сходство позиций, выделяя в качестве подотрасли военного права *право вооруженных конфликтов* (оперативное право)⁹. В постановочном плане вопрос был сформулирован более категорично: международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, оперативное право: вопрос в терминах или их содержании?

Отметим, что А. В. Кудашкин в одном исследовании попытался обозначить отношения, регулируемые *правом вооруженных конфликтов*¹⁰, хотя в другой работе он те же положения о группах обособленных отношений относит уже к предмету *оперативного права*¹¹. Та же ситуация и с перечислением норм, регулирующих вопросы (стадии боевой деятельности)¹²: в одном случае они отнесены к праву вооруженных конфликтов, а в другом — обозначены как институты *оперативного права*¹³. Мы полагаем, что эти казусы были связаны со сложностью и неоднозначностью сформулированной задачи исследования. А итоговый вывод автора

му праву // URL: <http://www.disus.ru/knigi/363819-1-evolyuciya-dissertacionnih-issledovaniy-voennomu-pravu-vmkoryakin-doktor-yuridicheskikh-nauk-korjakinmiit-statya-predstavlyaet.php> (дата обращения: 31.08.2021) ; Батырь В. А. Теоретические проблемы военного права как отрасли права, как науки и как учебной дисциплины // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 12, декабрь. URL: <http://base.garant.ru/5143610/> (дата обращения: 31.08.2021).

⁵ Кудашкин А. В. «Структурный скелет» отрасли военного права... С. 4–5.

⁶ Корякин В. М. Введение в теорию военного права: монография // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9.

⁷ К таковым отнесены международное военное и военно-техническое сотрудничество, участие в проведении миротворческих операций, соблюдение правил и обычаев ведения войн и вооруженных конфликтов, норм международного гуманитарного права.

⁸ Отметим, что сложился консенсус в отношении выделения ряда подотраслей военного права, к которым отнесены военно-административное право, военно-уголовное право и военно-социальное право.

⁹ В. М. Корякин особо выделяет вопросы соблюдения международного гуманитарного права, участие государств и военнослужащих в войнах и вооруженных конфликтах, порядок и формы боевого применения войск, ведения боевых действий («оперативное право»).

¹⁰ В частности, к ним автор отнес: 1) применение вооруженных сил, войск (сил), соединений и частей вооруженных сил в боевых действиях; 2) средства и методы ведения вооруженных конфликтов (боевых действий); 3) управление вооруженными силами, войсками (силами), частями (подразделениями) при подготовке их к боевым действиям (бою) и руководство ими при выполнении боевых задач; 4) применение соединений и частей вооруженных сил в бою и правила огневого поражения противника.

¹¹ Кудашкин А. В. Международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, оперативное право... С. 85–86.

¹² В частности, к ним отнесены нормы: по обороне и отходу войск (соединений и частей); по наступлению и преследованию противника; по встречному бою, бою в окружении и выходу из окружения; по режиму военного плена; по десантированию и ведению боевых действий; по комендантской службе и правовому режиму комендантского часа в период военного положения; по ведению боя в населенном пункте; по режиму передвижения войск; по режиму расположения войск и др.

¹³ Кудашкин А. В. Международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, оперативное право... С. 86.

сводился к тому, что нормы военного права, разработанные на основе норм международного гуманитарного права, и регулирующие конкретные правила планирования и ведения боевых действий, в совокупности составляют подотрасль российского военного права — право вооруженных конфликтов.

В целом же такой подход, обусловленный «переадресацией» норм международного права субъектам внутригосударственных отношений, действительно является продуктивным. Он основан на ранее сформулированной концепции имплементации норм международного права¹⁴. Однако категорично сформулированный вопрос остается открытым, поскольку проблема идентификации подотрасли военного права кроется как в терминах, так и в их содержании.

2. Определяя целевую задачу доктринального понимания военного права, исследователи¹⁵ справедливо указывают на систему *установленных государством* военно-правовых норм, в том числе регулирующих правила ведения вооруженной борьбы, т.е. таковыми не могут являться нормы международного права. Не менее справедливо выглядит указание на то, что только имплементация норм международного гуманитарного права (далее — МГП) в национальном законодательстве позволяет говорить о наличии действенного правового регулирования боевой деятельности вооруженных сил и любых воинских подразделений¹⁶.

Вместе с тем, предваряя изложение тезисов и их аргументацию, следует прямо указать, что сформулированный в названии работы А. В. Кудашкина вопрос о взаимоисключающих терминах (международное гуманитарное

право, право вооруженных конфликтов, оперативное право), которыми должна быть обозначена подотрасль военного права, не находит у нас удовлетворительного ответа ни по одному из предложенных терминов. Если более просто формулировать авторскую позицию, то ни одно, ни второе и ни третье понятие не подходит для наименования подотрасли военного права, нормы которой предназначены для регулирования отношений, связанных с применением вооруженного насилия и защитой жертв вооруженных конфликтов.

Основываясь на подходе «критикуя — предлагай», нами вносится предложение: совокупность норм, образующих данную подотрасль военного права, именовать как «*право военного времени*», поскольку соответствующие нормы предназначены для регулирования отношений в особый период военного времени, ограниченного началом и окончанием международных вооруженных конфликтов. Неудивительно, что это предложение основано на действующих нормах российского законодательства, прямо указывающих на «военное время»¹⁷, однако парадоксально, что такое предложение оказалось вне рамок развернувшейся научной дискуссии.

3. Начнем с констатации того факта, что международное право представляет собой самостоятельную правовую систему и военные проблемы международного права существуют. В доктрине международного права выделяют более 20 отраслей, во многих из них тематическая насыщенность регулирования идет за счет проблематики военной составляющей. Следует отметить, что при осуществлении образовательного процесса

¹⁴ См. подробнее: Батырь В. А. Имплементация норм международного гуманитарного права в законодательстве Российской Федерации : монография. М. : Гендальф, 2000. 72 с.

¹⁵ Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Указ. соч. С. 9.

¹⁶ Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Указ. соч. С. 21.

¹⁷ Например: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (с изм., ст. 2, 9, 18, п. 4 ст. 13) ; Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне» (с изм., ст. 2) ; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм., ч. 3 ст. 331) ; Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (с изм., ст. 39) ; Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (с изм., п. 2 ст. 1) ; Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (с изм., п. 2 ст. 1) ; Федеральный закон от 25.07.2002 № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» (с изм., ст. 9) ; Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (с изм. разд. VI) ; Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (с изм., пп. 9 п. 2 ст. 5) ; Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм., пп. 52 п. 2 ст. 26.3) ; Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (с изм., п. 2 ст. 11).

в военно-учебных заведениях в рамках одной учебной дисциплины «Военное право» невозможно охватить даже часть военных проблем международного права, следовательно, необходимо введение еще одной учебной дисциплины «Военные проблемы международного права», основанной на общем курсе международного права. Содержательно она должна быть наполнена дидактическими единицами, связанными с отраслями международного права¹⁸. В профильных вузах углубленно должны изучаться международное морское право, международное воздушное право и международное космическое право. Указанные обстоятельства имеют непреходящее значение при проведении научных исследований по отмеченным направлениям военных проблем международного права.

Однако военные проблемы международного права остаются элементом системы международного права и не входят в предмет военного права РФ. Это означает лишь то, что особую значимость приобретают вопросы имплементации норм международного права в российской правовой системе, результатом которой должна стать «переадресация» обязательств государства физическим и юридическим лицам, действующим в рамках национальной юрисдикции. А это, в свою очередь, означает, что нужно предпринимать усилия по развитию правотворчества в рамках военного законодатель-

ства, принятию норм, отчасти «дублирующих» нормы международного права, но направленных на его осуществление.

Отметим также, что, рассматривая особенности системы военного законодательства, исследователи ошибочно полагают, что военное законодательство включает международные договоры¹⁹. Это не так. Международные договоры являются частью российской правовой системы, но не входят в ее структурные элементы (отрасли).

4. Нами был услышан призыв к военно-юридическому сообществу об оперативной организации масштабных исследований комплекса вопросов, связанных с национальным правом вооруженных конфликтов²⁰. Однако здесь никакой спешки быть не должно, а исследования должны подвергаться четкому масштабированию и таргетированию.

Доктринальные дискуссии по поводу использования терминов «международное гуманитарное право», «право вооруженных конфликтов», «право войны», «правила ведения вооруженной борьбы», «законы и обычаи войны» ранее нами были подробно проанализированы²¹ и предложено авторское определение международного гуманитарного права²². Достаточно констатации того факта, что термин «международное гуманитарное право» широко признан доктриной, используется в текстах

¹⁸ Так, в праве международных договоров выделяются договоры в военной сфере (межведомственные), регулируются процедуры их заключения, исполнения, прекращения и контроля. В праве внешних сношений выделяется регулирование деятельности военных атташе, их привилегии и иммунитеты; деятельность пограничных представителей; вопросы военно-морского протокола и церемониала, дипломатической защиты и др. В праве международных организаций выделяются режимы институционального сотрудничества государств в рамках ООН (резолюции ГА и СБ ООН, решения и консультативные заключения МС, деятельность специализированных учреждений системы ООН), ОДКБ, СНГ, ШОС, ЕАЭС, НАТО и др. В праве международной безопасности выделяются следующие группы норм: запрещающие оружие массового поражения, регулирующие международное военное сотрудничество, а также размещение войск/сил в иностранном государстве (создание военных баз), право нейтралитета, устанавливающие зоны, свободные от ядерного оружия, и др. В международном экономическом праве находят отраслевую прописку нормы, регулирующие военно-техническое сотрудничество. В международном экологическом праве выделяется защита окружающей среды от военного воздействия. Международное уголовное право предусматривает ответственность лиц за совершение международных преступлений и преступлений международного характера. Право прав человека предусматривает охрану и защиту прав и свобод личности в мирное время, а «неизменное ядро» продолжает действовать в период вооруженных конфликтов.

¹⁹ Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Указ. соч. С. 26.

²⁰ Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Указ. соч. С. 29.

²¹ Батырь В. А. Международное гуманитарное право : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2011. 689 с.

²² Международное гуманитарное право — это совокупность конвенционных и обычных норм, регулирующих отношения между участвующими в вооруженном конфликте и затронутыми ими субъектами

международных договоров²³, резолюциях, декларациях и других актах международных организаций²⁴ и иных документах²⁵, а также в правоприменительной практике.

Однако в доктринальных докладах Комиссии международного права ООН прослеживается несколько иная картина, связанная с дифференциацией понятий «международное гуманитарное право» и «право вооруженных конфликтов»²⁶. При этом МГП рассматривается в узком смысле как обозначающее только ту часть «права вооруженных конфликтов», которая нацелена на защиту жертв вооруженного конфликта, тогда как «право вооруженных конфликтов» толкуется шире — как общий термин, охватывающий защиту жертв вооруженного конфликта, а также регулирующий средства и методы ведения войны.

Важно подчеркнуть, что указанные дискуссии идут на международных площадках и касаются положений самостоятельной международно-правовой системы. Задействование в системе российского военного права указанных терминов является контрпродуктивным,

поскольку может привести к путанице и неконструктивному взаимодействию норм различных правовых систем.

В отношении термина «оперативное право» мы придерживаемся весьма прагматичной точки зрения, в соответствии с которой этот термин эквивалентен термину «правила осуществления военных операций», под ним может пониматься лишь совокупность правил действий войск в определенных условиях, следовательно, не предполагается регулирование каких-либо иных отношений. Подчеркнем также, что перенесение на российскую почву небесспорного зарубежного опыта (в частности, США²⁷) не является целесообразным.

5. Для целей исследования проблематики регулирования нормами военного законодательства правомерного применения вооруженного насилия является целесообразным концептуальное рассмотрение проблемы *пределов действия* нормативных правовых актов. Она традиционно включает в себя вопросы действия во времени, в пространстве, по кругу лиц²⁸ и имеет для практики непреходящее значение.

международного права по поводу применения средств и методов ведения вооруженной борьбы, защиты раненых, больных, военнопленных и гражданского населения, а также устанавливающих ответственность государств и отдельных лиц за нарушение этих норм.

²³ Например, Соглашение СНГ о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов от 24.09.1993 содержит обязательство пресечения любых действий, нарушающих международное гуманитарное право (ст. 6). На сайте МО РФ размещен раздел «Международные договоры Российской Федерации, составляющие основу международного гуманитарного права» (URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/order_gov.htm).

²⁴ Так, подраздел сайта ООН поименован «Организация Объединенных Наций и международное гуманитарное право», где констатируется, что ООН взяла на себя ведущую роль в усилиях по развитию МГП (URL: <https://www.un.org/ru/humanitarian/law/> (дата обращения: 31.08.2021)). Международный комитет Красного Креста (МККК) как депозитарий Женевских конвенций и протоколов к ним оперирует исключительно понятием МГП.

²⁵ В Уставе Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» (п. 1.2) указано, что РКК осуществляет свою деятельность в соответствии с нормами международного гуманитарного права, закрепленных в Женевских конвенциях от 12.08.1949 и Дополнительных протоколах к ним.

²⁶ Так, в Докладе на 71-й сессии в 2019 г. (гл. VI. «Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами») дан комментарий Принципа 13 «Общая защита природной среды во время вооруженных конфликтов» и отмечено, что между терминами «право вооруженных конфликтов» и «международное гуманитарное право» проводится различие (URL: <https://undocs.org/ru/A/74/10>). В Докладе 63-й сессии Комиссии международного права ООН в 2011 г. (гл. VI «Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров») в приложении «Ориентировочный перечень договоров, о которых идет речь в статье 7» содержится указание на договоры о праве вооруженных конфликтов, включая договоры в области международного гуманитарного права (URL: <https://undocs.org/ru/A/66/10>).

²⁷ См.: Правовая энциклопедия военнослужащего // URL: <https://textarchive.ru/c-2838184.html> (дата обращения: 31.08.2021).

²⁸ См.: Сырых В. М. Теория государства и права : учебник для вузов. 4-е изд., стер. М. : Юстицинформ, 2005. С. 216–219 ; Проблемы теории государства и права : учебное пособие / под ред. М. Н. Марченко. М. : Юрист, 2001. С. 506–512.

5.1. Рассматривая действие норм военного законодательства во времени (*ratione temporis*), можно выделить «право мирного времени» и «право военного времени», проводя четкую дифференциацию между мирным и военным временем. Теоретические конструкции, связанные с особенностями вступления нормативных правовых актов в силу и прекращением их действия, имеют подчиненное значение. Основной посыл связан с тем, что нормы военного законодательства могут приниматься в мирное время, а вступать в силу с фактическим началом военных действий, т.е. ключевым фактором является наступление специфических условий военного времени. Указанная условность дифференциации связана и с наличием широкого спектра кризисных ситуаций, в которых может правомерно применяться вооруженное насилие. В свою очередь, обособление «права кризисных ситуаций» основано на специальных административно-правовых режимах, установленных российским законодательством. Вместе с тем такая дифференциация возможна и необходима для проведения отличия применимых норм в специфических условиях.

5.1.1. Все те нормы, которые образуют нормативный комплекс «права мирного времени», предназначены для регулирования мирных межгосударственных и внутригосударственных отношений, связанных с повседневной деятельностью военной организации государства, международного военного и военно-технического сотрудничества, и всецело отражают интересы государства в сфере обеспечения национальной безопасности, подготовки к обороне. Отметим, что указанный комплекс норм в док-

трине принято воспринимать как само собой разумеющееся положение дел и специально не именовать. В условиях мирного времени речь о применении Вооруженных Сил не идет вообще.

5.1.2. «Право кризисных ситуаций» должно занять свое должное место в доктрине военного права. Закон «Об обороне» (п. 6 ст. 4, п. 3 ст. 10) наделяет Президента РФ полномочием принятия решения о привлечении ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов к выполнению задач с использованием вооружения не по их предназначению в условиях кризисных ситуаций²⁹. Для урегулирования кризисных ситуаций в период мирного времени (поскольку оно не является «военным временем»³⁰) российским законодательством предусмотрены специальные режимы: чрезвычайного положения, контртеррористической операции.

В российской науке административного права разработана концепция специальных административно-правовых режимов³¹ (далее — САПР), которые действуют или могут быть введены в действие на территории РФ. Они несут функционально-целевую нагрузку³² — предупреждение и преодоление негативных явлений в соответствующей сфере государственного управления³³. В научной литературе предложены различные варианты классификации САПР³⁴. По юридическим свойствам САПР могут быть: а) ординарными/обычными³⁵; б) экстраординарными (вводятся в случаях наступления чрезвычайных обстоятельств). Экстраординарные³⁶ правовые режимы могут вводиться на территории государства в случаях наступления чрезвычайных обстоятельств³⁷ с уведомлением мирового сообщества об отступлении государ-

²⁹ Такие указы Президента РФ подлежат утверждению Советом Федерации (пп. 3 п. 1 ст. 5 Закона «Об обороне»).

³⁰ Режимы военного положения, военной оккупации и др. относятся к праву военного времени.

³¹ URL: <https://lawbook.online/administrativnoe-pravo-Rossii-kniga/spetsialnyie-administrativno-pravovyye-rejimyi-55261.html> (дата обращения: 31.08.2021).

³² См.: Бахрах Д. Н. Административное право : учебник для вузов. М. : Норма, 2002. С. 415.

³³ Административное право : учебник / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. М. : Юрист, 1999. С. 467–468.

³⁴ URL: https://xn--80ae7bem.xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site122/document_file/AP_l.14-15.pdf (дата обращения: 31.08.2021).

³⁵ Например, санитарной охраны территории РФ, особых экономических зон, специальных административных районов на территориях острова Русский (Приморский край) и острова Октябрьский (Калининградская область), закрытого административно-территориального образования (ЗАТО), особо охраняемых природных территорий.

³⁶ См.: Бахрах Д. Н. Указ. соч. С. 418, 428.

³⁷ См.: Зырянов С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4. URL: <https://>

ством от своих обязательств по международным договорам.

5.1.3. В статье 1 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (с изм.)³⁸ сформулировано понятие *чрезвычайного положения* как особого правового режима³⁹. Статья 3 указанного Закона обстоятельства введения чрезвычайного положения подразделяет на две группы: 1) политического и криминогенного характера⁴⁰; 2) природного и техногенного характера. ВС РФ могут привлекаться для: обеспечения режима чрезвычайного положения⁴¹; участия в ликвидации чрезвычайных ситуаций и спасении жизни людей в составе сил Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций⁴². При этом статья 346 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации⁴³ содержит прямой запрет подчинять воинские части (подразделения) представителям органов исполнительной власти субъектов РФ либо органам местного самоуправления.

Правовое регулирование отношений в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права и осуществляется Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (с изм.)⁴⁴, принимаемыми в соответствии с ним федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ. Указанный Закон в п. «г» ч. 1 ст. 8 предусматривает полномочие Президента РФ принимать решение о привлечении при необходимости к ликвидации чрезвычайных ситуаций ВС РФ, других войск и воинских формирований.

5.1.4. В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изм.)⁴⁵ в пределах территории проведения контртеррористической операции может вводиться *правовой режим контртеррористической операции* (на период ее проведения) для пресечения террористиче-

cyberleninka.ru/article/n/ekstraordinarnye-spetsialnye-administrativno-pravovye-rezhimy-ponyatie-i-obosnovanie-neobhodimosti-vvedeniya (дата обращения: 31.08.2021).

³⁸ URL: <https://fzrf.su/zakon/o-chrezvychajnom-polozenii-3-fkz/st-17.php> (дата обращения: 31.08.2021).

³⁹ О режиме чрезвычайного положения см. подробнее: *Старостин С. А.* Чрезвычайное положение : монография. М. : Проспект, 2019. 133 с.

⁴⁰ К такого рода обстоятельствам относятся: попытки насильственного изменения конституционного строя РФ, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

⁴¹ Так, в соответствии с пп. «а — г» ч. 2 ст. 17 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», ст. 332 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации возможно привлечение войск к обеспечению режима чрезвычайного положения. Ограничения и запреты применения силы во внутригосударственных вооруженных конфликтах установлены Дополнительным протоколом II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. как односторонние международно-правовые обязательства государства перед международным сообществом в отношении части населения государства, контролирующего часть территории государства (повстанцев), а в случае их признания иностранным государством — «восставшей стороны».

⁴² См.: п. «д» ч. 2 ст. 17 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», ст. 341 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации.

⁴³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/213f605255a51f4ca185016b0b541ee124274758/ (дата обращения: 31.08.2021).

⁴⁴ URL: <https://base.garant.ru/10107960/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 31.08.2021).

⁴⁵ URL: <https://base.garant.ru/12145408/9d78f2e21a0e8d6e5a75ac4e4a939832/> (дата обращения: 31.08.2021).

ского акта и преступлений террористической направленности⁴⁶. Ряд задач по пресечению международной террористической деятельности может решаться и за пределами территории РФ как путем применения оружия с территории РФ, так и проведения операций подразделениями ВС РФ на территории иностранного государства (п. 1 ст. 10 указанного Закона). В этой связи следует согласиться с предложенной моделью экстерриториального применения правовых актов в военной сфере⁴⁷. Это четко прослеживается в Федеральном законе «Об обороне» (например, в положениях об оперативном использовании формирований ВС РФ за пределами территории РФ). Сфера экстерриториальной юрисдикции государства, выходящей за пределы государственной территории, определяется правовой системой государства в соответствии с международным правом и должна быть признана иными национальными правовыми системами.

5.1.5. Следует подчеркнуть, что специальные режимы создаются также нормами международно-правового института размещения военных объектов (баз) одним государством на территории другого государства⁴⁸. Российская Федерация заключила с рядом государств соглашения о размещении на их территории российских военных объектов, под которыми понимаются формирования и объекты Вооруженных Сил РФ, расположенные за пределами территории России. Дислокация объединений, соединений и воинских частей РФ за пределами территории РФ допускается на основе международных договоров РФ (п. 3 ст. 16 Закона «Об обороне»). В международных договорах такого рода решаются вопросы юрисдикции

государств. Вместе с тем общие положения об условиях размещения российских военных объектов за рубежом и осуществлении российской юрисдикции должны быть отражены в военном законодательстве (специальном законе).

5.1.6. Также специальные правовые режимы создаются в случаях привлечения ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов для выполнения задач в соответствии с международными договорами РФ на условиях и в порядке, оговоренных в этих договорах и установленных законодательством РФ. Такие задачи могут быть связаны с использованием ВС РФ за пределами территории России. Следует отличать договорный и внедоговорный режимы использования ВС РФ.

Применение ВС РФ для выполнения задач в соответствии с международными договорами РФ осуществляется на условиях и в порядке, оговоренных в этих договорах и установленных законодательством РФ (п. 4 ст. 10 Закона «Об обороне»). В рамках *договорного режима использования ВС РФ* речь идет о выполнении *обязательств по коллективной обороне* на многосторонней (в рамках ОДКБ) либо двусторонней основе (Беларусь, Абхазия) до наступления военного времени по законодательству РФ. Решение об использовании ВС РФ, в том числе в составе объединенных группировок войск (сил), Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) за рубежом, принимается коллегиальным органом либо совместно верховными главнокомандующими.

Обладают определенными особенностями ситуации, связанные с *участием ВС РФ в миротворческой деятельности*⁴⁹. Подчеркнем, что в рамках ОДКБ функционируют Коллективные

⁴⁶ В соответствии со ст. 6 указанного Закона, ВС РФ могут применяться в борьбе с терроризмом для: 1) пресечения полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами; 2) пресечения террористических актов во внутренних водах и в территориальном море РФ, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе РФ, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства; 3) участия в проведении контртеррористической операции в порядке, предусмотренном Федеральным законом; 4) пресечения международной террористической деятельности за пределами территории РФ.

⁴⁷ Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Указ. соч. С. 27.

⁴⁸ Международно-правовой институт *размещения военных объектов (баз) одним государством на территории другого государства* представляет собой совокупность договорных норм, устанавливающих временную аренду территории иностранного государства со специальной целью — размещение объектов военной инфраструктуры и военного персонала, а также статус, условия пребывания военной базы и юрисдикцию иностранного государства на территории страны пребывания по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях.

⁴⁹ Воинские формирования ВС РФ могут направляться в распоряжение Совета Безопасности ООН на основе: а) предусмотренного Уставом ООН особого соглашения с Советом Безопасности ООН; б) реше-

миротворческие силы (Миротворческие силы ОДКБ). На протяжении длительного времени руководство ОДКБ пытается добиться от ООН получения мандата на проведение миротворческих операций за пределами стран — участниц Договора. РФ осуществляет меры по подготовке военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности⁵⁰.

В рамках же *внедоговорного режима* использования ВС РФ возникает принципиально иная ситуация, она связана с *оперативным использованием* ВС РФ за рубежом. В соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ решение вопроса о возможности использования ВС РФ за пределами территории РФ относится к исключительной компетенции Совета Федерации⁵¹. Собственно решение об оперативном использовании за пределами территории РФ формирований ВС РФ принимается Президентом РФ на основании соответствующего постановления Совета Федерации Федерального Собрания РФ (п. 1 ст. 10.1 Федерального закона «Об обороне»).

5.1.7. Важнейшей составной частью системы военного права и его подотраслью должно стать «*право военного времени*» как совокупность правовых норм и институтов, регулирующих отношения, связанные с правомерным применением государством вооруженного насилия, а также защиты жертв (гражданского населения, раненых, больных, военнопленных) в период международных вооруженных

конфликтов. Их действие имеет строго установленные временные интервалы (начало и окончание). Специфика указанной подотрасли состоит в том, что его нормы, безусловно, должны основываться на нормах *международного гуманитарного права*, т.е. международно-правовых обязательствах РФ, ограничивающих применение вооруженного насилия, и не могут противоречить им. Однако содержание и сущность таких норм российского военного законодательства будет иной, чем норм МГП, а адресатами будут физические и юридические лица. Начало применения таких норм должно соответствовать фактическому началу военных действий (т.е. моменту возникновения права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН), а окончание — *прекращению активных военных действий* (например, в форме местного/общего перемирия, капитуляции) либо *прекращению состояния войны* (например, в форме односторонней декларации, соглашения / совместной декларации о прекращении военных действий, мирного договора). То есть действие норм «*права военного времени*» во времени весьма специфично и обусловлено обстоятельствами международных вооруженных конфликтов. Именно в таких условиях ВС РФ, другие войска, воинские формирования и органы, выполняющие задачи в области обороны, будут применяться *по их предназначению*.

5.1.8. В случае вооруженного нападения на РФ другого государства или группы государств, а также в случае необходимости вы-

ния Совета Безопасности ООН; в) ратифицированного и вступившего в силу для РФ международного договора либо (если заключение международного договора не предполагается) в соответствии с федеральным законом; г) решения, принимаемого Президентом РФ на основании постановления Совета Федерации о возможности использования Вооруженных Сил РФ за пределами территории РФ.

⁵⁰ Федеральный закон от 23.06.1995 № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» (с изм.) определяет порядок предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала, организации его подготовки и обеспечения для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности (ст. 1) // URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-23061995-n-93-fz-o/> (дата обращения: 31.08.2021).

⁵¹ Так, с 1993 г. Совет Федерации неоднократно одобрял просьбы Президента о применении войск за рубежом: 1996 г. — в миротворческой операции многонациональных сил по выполнению Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине; 1999 г. — в Косово, Союзная Республика Югославия (две недели спустя после марш-броска сводного батальона Воздушно-десантных войск ВС России на Приштину); 2000 г. — в Сьерра-Леоне; 2003 г. — в Либерии; 2004 г. — в Бурунди; 2005 г. — в Судане; 2008 г. — в операции Евросоюза в поддержку присутствия ООН в Республике Чад и ЦАР; 2014 г. — на территории Украины; 2015 г. — в Сирии; 2020 г. — в Нагорном Карабахе. Во время конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. Совет Федерации решений об использовании войск не принимал, так как там уже действовал миротворческий контингент.

полнения международных договоров РФ федеральным законом объявляется *состояние войны* (п. 1 ст. 18 Закона «Об обороне»). Объявление войны, даже если оно не сопровождается военными действиями, всегда приводит к *состоянию войны*, влечет за собой определенные правовые последствия. С момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий наступает *военное время*, которое истекает с момента объявления о прекращении военных действий, но не ранее их фактического прекращения (п. 2 ст. 18 Закона «Об обороне»). В условиях военного времени осуществляется проведение *мобилизации* и осуществление *территориальной обороны*, т.е. указанные правовые институты входят в подотрасль права военного времени. Институт *гражданской обороны*⁵² действует также в условиях чрезвычайных ситуаций.

В целях создания условий для отражения или предотвращения агрессии на территории РФ или в отдельных ее местностях вводится особый правовой режим *военного положения*, вводимый на территории РФ или в отдельных ее местностях Президентом РФ в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии (ч. 2 ст. 87 Конституции РФ, п. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона «О военном положении»⁵³).

5.1.9. *Законы военного времени* представляют собой нормативные правовые акты, действие которых ограничено военным временем, они направлены на регламентацию гражданских, административных, уголовных и иных правовых отношений и возлагают на физических и юридических лиц новые обязанности в интересах обороны государства (исполнение законов военного времени, трудовая повинность, участие в мероприятиях гражданской обороны и др.); устанавливают повышенную ответственность за неподчинение приказам и распоряжениям военных органов и др. Так,

согласно ч. 1 ст. 331 Уголовного кодекса РФ уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется *законодательством России военного времени*.

В соответствии с п. 5 ст. 7 и п. 2 ст. 8 Федерального конституционного закона «О военном положении», федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ, регулирующие применение указанных в законе мер (правоограничений), могут быть приняты как в период действия военного положения, так и до его введения. Образно говоря, нормы этой подотрасли военного права должны содержаться в актах, напоминающих конверты/пакеты в сейфе начальника штаба, и «вскрываться» при наступлении времени «Ч» (с началом боевых действий).

Например, Конвенция о военнопленных 1949 г. должна быть интерпретирована в наставлениях/руководствах: для ВС РФ — в правилах, регулирующие порядок захвата военнопленного, его движения по установленным каналам эвакуации, а для Федеральной службы исполнения наказаний⁵⁴ — порядок создания лагерей военнопленных, их обозначения, режима (условий содержания), деятельности администрации лагеря и др.

Что же касается международно-правового *института военной оккупации*, создающего специальный международно-правовой режим, в военном законодательстве РФ он должен быть переформатирован и, в отличие от норм МГП, содержать четкие правила действий российских оккупационных войск на иностранной территории, а также деятельности органов управления оккупационным режимом. Именно этими обстоятельствами продиктована необходимость принятия российского акта экстерриториального действия об оккупации.

Отметим, что законодательство государств, объявивших себя «жертвами оккупации» (Грузия⁵⁵, Украина⁵⁶), вопреки логическим конструк-

⁵² См.: ст. 1 Федерального закона от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне» // URL: <https://fzrf.su/zakon/o-grazhdanskoj-oborone-28-fz/st-1.php> (дата обращения: 31.08.2021).

⁵³ Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // URL: <https://fzrf.su/zakon/o-voennom-polozhenii-1-fkz/st-1.php> (дата обращения: 31.08.2021).

⁵⁴ Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с изм.). URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-13102004-n-1314/> (дата обращения: 31.08.2021).

⁵⁵ Закон Грузии «Об оккупированных территориях» 2008 г. // URL: http://belarus.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=RUS&sec_id=1797 (дата обращения: 31.08.2021).

⁵⁶ Закон Украины «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины» 2014 г. (укр. «Про забезпечення прав і свобод громадян та правовий

циям, характеризующим временное осуществление власти оккупанта на оккупированной территории, устанавливает перечень оккупированных территорий и вводит на них особый правовой режим.

5.1.10. Следует иметь в виду, что у российского военного права присутствует «внешний» элемент. Его изучают военные атташе зарубежных государств, документы размещаются в базах данных, к которым имеет доступ неограниченное число пользователей, в том числе зарубежных. Так, сведения об актах, направленных на выполнение международно-правовых обязательств РФ в сфере МГП, размещены на сайте МККК⁵⁷. Картина грустная. Указаны далеко не все законы, подзаконные акты, фрагментарно приведены решения Конституционного суда и акты амнистии. Важно представить МККК полный перечень нормативных правовых актов РФ в их актуальной редакции, направленных на реализацию РФ международно-правовых обязательств в сфере МГП, тем самым улучшив имидж РФ.

Когда речь заходит об имплементации МГП на национальном уровне, государства сталкиваются с достаточно сложной задачей, связанной с реализацией конвенционных и обычных норм. По состоянию на 25 января 2021 г. в мире насчитывалось 116 национальных комитетов / государственных органов по МГП⁵⁸, что отражено в их наименовании и содержании деятельности. В этой связи хотелось бы вновь вернуться к нашему предложению почти 20-летней давности о создании комиссии по МГП при Правительстве РФ.

Серьезным подспорьем в законотворческой деятельности являются модельные законода-

тельные акты, принимаемые Межпарламентской Ассамблеей СНГ⁵⁹.

Вместе с тем следует достаточно осторожно относиться к новациям, предлагаемым зарубежной научной аудиторией в части введения правового регулирования в отношении автономных систем вооружений, кибервойн и кибероружия, частных военных компаний, а также продвижением концепций «гуманитарной интервенции» и «права на защиту». Очевидно, что эти новации вступают в противоречие с государственными интересами России.

Обратной стороной медали является фрагментарность в интеграции норм МГП в акты военного законодательства. С предложением, направленным на заполнение пробелов, обратилась Региональная делегация Международного комитета Красного Креста в России, Беларуси и Молдове, которая должна представить в 2021 г. в Комиссию по вопросам обороны и безопасности МПА СНГ «Рекомендации по интеграции норм международного гуманитарного права в руководящие документы вооруженных сил, системы военного профессионального образования и подготовки войск (сил) государств — участников СНГ»⁶⁰. Любопытный подход. С одной стороны, у МККК действительно наработан опыт анализа национального законодательства государств на предмет его соответствия МГП. С другой стороны, нам в конечном итоге как рекомендательный документ, принятый государствами СНГ, будет предложена некая усредненная модель, основанная на зарубежном опыте имплементации.

5.1.11. Военная организация государства должна иметь четкие инструкции и указания по соблюдению норм МГП в форме уставных

режим на тимчасово окупованій території України») // URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1207-18?test=4/UMfPEGznhhDe3.ZivU6EVeHI4iUs80msh8le6> (дата обращения: 31.08.2021).

⁵⁷ URL: https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl-nat.nsf/vwLawsByCategorySelected.xsp?xp_countrySelected=RU (дата обращения: 31.08.2021).

⁵⁸ URL: file: // /C:/Users/barce/Downloads/210361_table_of_national_ihl_committees_jan_2021_rus.pdf (дата обращения: 31.08.2021).

⁵⁹ URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/30 (дата обращения: 31.08.2021). Так, заслуживает внимания Закон «Об использовании и защите эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла и наименований «Красный Крест», «Красный Полумесяц», «Красный Кристалл», отличительных сигналов, служащих для опознавания медицинских формирований и санитарно-транспортных средств». Принят на четырнадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (постановление № 14-12 от 16.10.1999) с изм. от 03.12.2009 // URL: <http://base.garant.ru/2569217/> (дата обращения: 31.08.2021).

⁶⁰ URL: https://iacis.ru/deyatelnost/modelnoe_zakonotvorchestvo/ppz_v_sng_na_20202022gg/V_v_oblasti_voennogo_sotrudnichestva_i_bezопасnosti (дата обращения: 31.08.2021).

документов, руководств, инструкций и др., что в принципе и сделано. Именно этими соображениями руководствовались разработчики Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации 2001 г.⁶¹ Раздел VIII Наставления по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации⁶² регламентирует правовое обеспечение действий войск (сил) в вооруженных конфликтах⁶³, при этом используемая в контексте категория «обеспечить» означает «сделать возможной»⁶⁴ действия войск/сил в установленных правовых рамках, т.е. указывает на их правомерность. Огромная роль в обеспечении выполнения правовых предписаний принадлежит военным юристам⁶⁵.

5.1.12. При осуществлении правотворчества существует большой соблазн решить проблемы правового регулирования за счет использования *бланкетных норм*. Это проявилось в разработке Наставлений и уставов, в которых

содержатся ссылки на МГП (изучать, применять и т.д.). Равным образом подвергаются справедливой критике диспозиции ст. 355, 356 УК РФ, отсылающие к международным договорам, поскольку это создает проблемы при правоприменении.

5.1.13. Далее, неизбежна дискуссия о включении в военное право *технических норм*. Например, такие нормы содержатся в МГП (системы опознавания, обозначения зон и местностей и др.). Однако, например, невозможно развить законодательство о военнопленных, не включив в него нормы снабжения/обеспечения — те же, что и для военнослужащих того же звания, что и в ВС РФ. В этом плане достаточно продуктивным является опыт, накопленный в рамках развития отечественных стандартов⁶⁶. Он может быть перенесен собственно на военную составляющую (ее открытую часть). Отметим, что достаточно подробно стандартизирована безопасность в чрезвычайных ситуациях⁶⁷.

⁶¹ URL: <https://zakonbase.ru/content/part/47035> (дата обращения: 31.08.2021).

⁶² Приказ министра обороны РФ от 03.12.2015 № 717 «Об утверждении Наставления по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации» (с изм.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/420356181> (дата обращения: 31.08.2021).

⁶³ Оно осуществляется путем: изучения норм международного гуманитарного права личным составом; проведения правовой экспертизы проектов боевых и иных документов; консультирования командиров (начальников) по вопросам применения норм международного гуманитарного права с учетом выполнения конкретных боевых задач; оказания содействия командованию в организации взаимодействия с местными органами власти и гуманитарными организациями, осуществляющими деятельность в районах действия войск (сил).

⁶⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : ООО «ИТИ Технологии», 2007. С. 427.

⁶⁵ Решение о замене ряда офицерских должностей гражданским персоналом, в том числе военно-юридического профиля, было принято в 2008 г. И лишь в апреле 2021 г. министром обороны было принято решение о включении воинских должностей юридического профиля в войсковом звене «соединение — объединение», а также в главных командованиях видов и командованиях родов войск вооруженных сил, управлениях флотов и региональных управлениях правового обеспечения из-за возросшей необходимости юридического обеспечения войск в условиях боевых действий и миротворческих операций // URL: <https://rg.ru/2021/04/05/voennye-iuristy-poiaviatsia-v-komandovaniiah-vooruzhennyh-sil-rf.html> (дата обращения: 31.08.2021).

⁶⁶ Так, под российской национальной стандартизацией понимается деятельность, проводимая на национальном уровне в отношении объектов стандартизации и направленная на достижение целей и решение задач стандартизации (ГОСТ Р 1.12-2020 «Стандартизация в Российской Федерации. Термины и определения» // URL: https://allgosts.ru/01/040/gost_r_1.12-2020). Одной из целей стандартизации является обеспечение обороны страны и безопасности государства (пп. 4 п. 1 ст. 3 Федерального закона от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации»), а одна из задач определена как развитие систем жизнеобеспечения населения в чрезвычайных ситуациях (пп. 2 п. 2 ст. 3 указанного Закона) // URL: <https://fzrf.su/zakon/o-standartizacii-162-fz/> (дата обращения: 31.08.2021).

⁶⁷ ГОСТ Р 22.0.03-2020 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Природные чрезвычайные ситуации. Термины и определения»; ГОСТ Р 22.0.04-2020 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биологосоциальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения»; ГОСТ Р 22.0.05-2020 «Безопасность

Так, ГОСТ Р 22.3.17-2020 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Планирование мероприятий по эвакуации и рассредоточению населения при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций. Основные положения»⁶⁸, введенный 1 июня 2021 г., устанавливает основные положения по разработке документов планирования, содержащих мероприятия по эвакуации и рассредоточению населения при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций и предназначен для работников федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и работников организаций, осуществляющих планирование мероприятий по подготовке к эвакуации населения в безопасные районы, их размещению. Одновременно с указанным введен в действие еще ряд ГОСТов в сфере гражданской обороны⁶⁹. О том, что определенный стандарт не применяется к деятельности военной организации государства, должно содержаться прямое указание⁷⁰.

5.2. Пределы действия норм военного права в пространстве определяются территорией, на которую распространяются его предписания

(*ratione loci*). Действие нормативных правовых актов распространяется, как правило, на территорию, подведомственную органу, их издавшему. Статус (правовое положение) территорий определяется материальными нормами как международного права, так и законодательством отдельных государств⁷¹.

Ведение военных действий сторонами, принимающими участие в вооруженной борьбе, должно осуществляться в определенных пространственных пределах, где может происходить вооруженный конфликт. Территория, ограничиваемая ими, называется театром войны или театром военных действий. Соответственно, в случае агрессии против РФ нормы военного права будут приобретать экстерриториальный характер в силу правомерности не только оборонительных, но и наступательных действий, покрывая своим действием территорию государства-агрессора (группы государств).

Ряд ограничений и запретов при ведении боевых действий за пределами территории РФ создают нормы МГП, содержащие исключения из театра войны⁷², а также устанавливающие

в чрезвычайных ситуациях. Техногенные чрезвычайные ситуации. Термины и определения» ; ГОСТ Р 22.2.12-2020 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Повышение устойчивости функционирования организаций в чрезвычайных ситуациях. Основные положения» ; ГОСТ Р 22.9.34-2020 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Мототранспортные аварийно-спасательные средства. Классификация. Общие технические требования. Методы испытаний».

⁶⁸ Утвержден и введен в действие с 1 июня 2021 г. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27.10.2020 // URL: https://allgosts.ru/13/200/gost_r_22.3.17-2020 (дата обращения: 31.08.2021).

⁶⁹ В частности: ГОСТ Р 42.4.04-2020 «Гражданская оборона. Средства защиты коллективные. Средства регенерации воздуха. Общие технические требования. Методы испытаний» ; ГОСТ Р 42.4.05-2020 «Гражданская оборона. Инженерно-техническое оборудование защитных сооружений гражданской обороны. Общие технические требования» ; ГОСТ Р 42.4.06-2020 «Гражданская оборона. Средства коллективной защиты. Фильтровентиляционные системы. Общие технические требования. Методы испытаний» // URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational> (дата обращения: 31.08.2021).

⁷⁰ Так, стандарт ГОСТ Р 58464-2019 «Бронешлемы. Общие технические требования» распространяется на бронешлемы, предназначенные для защиты головы человека от поражающего действия пуль патронов стрелкового оружия, осколков, а также холодного оружия, однако не распространяется на бронешлемы, разрабатываемые по заказу Министерства обороны РФ.

⁷¹ В соответствии с установленным статусом различают три вида территорий: 1) *государственные территории* — территории, принадлежащие государствам, находящиеся под их суверенитетом; 2) *международные территории (пространства)* — пространства, изъятые из национальной юрисдикции, в пределах которых действуют нормы международного права, вместе с тем внутригосударственным законодательством могут устанавливаться особенности правового регулирования деятельности субъектов внутригосударственных отношений в международных пространствах; 3) *территории (пространства), в пределах которых государства осуществляют функционально ограниченные суверенные права в рамках, устанавливаемых международным правом*.

⁷² Так, не могут считаться театром войны, а следовательно, и объектом нападения и уничтожения: 1) территория (сухопутная, морская и воздушное пространство над ней) нейтральных и других невоюющих

порядок расположения *специальных зон*⁷³ как мест укрытия жертв вооруженных конфликтов от нападения. Они отвечают всем признакам гражданских объектов. Порядок их создания и обозначения должен быть четко определен нормами военного права, равно как и установлен порядок невраждебных контактов с противником, его информирование о создании таких зон и местностей.

Отметим, что в рамках МГП разработан ряд документов рекомендательного характера, в которых содержатся определенные правила применения вооруженного насилия *в определенной географической среде*⁷⁴. Такие правила (руководства) создают основу для их переосмысления, переработки и восприятия в актах военного права (боевых уставах, наставлениях и др.).

5.3. Действие правовых норм *по кругу лиц* (*ratione personae*) означает по общему правилу распространение нормативных требований на всех адресатов в рамках территориальной сферы действия того или иного акта⁷⁵. Рассмотрение вопроса о применимости норм «*права военного времени*» в отношении отдельных категорий лиц требует установления их круга,

связанного с причастностью к ведению боевых действий. В этой связи выделяют участников вооруженных конфликтов, некомбатантов и жертв вооруженных конфликтов, или, как еще их называют, покровительствуемых лиц.

Нормы военного права адресованы прежде всего лицам, входящим в военную организацию государства, как представителям государства, действующим от его имени. В этой части следует указать как на «профильные» законы (Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (с изм.)⁷⁶, Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»⁷⁷), так и Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (с изм.)⁷⁸, содержащий в приложении перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан РФ. Отметим, что пункт 3 ст. 17 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» и статья 337 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил РФ содержат важное указание о том, что в случае привлечения к обеспечению режима чрезвычайного положения на военнослужащих ВС РФ распространяются положения законодательства РФ

государств; 2) территории и пространства (например, внеатмосферное пространство, морское дно), объявленные одновременно нейтрализованными и демилитаризованными (объявленные международными соглашениями безъядерные зоны в целом не исключаются из сферы вооруженного конфликта, но они не могут быть театром ядерной войны); 3) международные проливы и каналы; 4) части Мирового океана, острова, архипелаги, на которые распространен режим нейтрализованных и демилитаризованных территорий; 5) санитарные зоны и местности, в том числе на оккупированной территории; 6) культурные ценности, здания и центры культурных ценностей, имеющие национальное и общемировое значение, внесенные в Международный реестр культурных ценностей; 7) районы расположения атомных электростанций, дамб и плотин, разрушение которых чревато катастрофическими и опасными последствиями для гражданского населения.

⁷³ В частности, нейтрализованных зон, санитарных зон и местностей, санитарных и безопасных зон и местностей, необороняемых местностей, демилитаризованных зон, безопасных зон.

⁷⁴ В частности: Правила ведения воздушной войны (приняты в г. Гааге в декабре 1922 г. — феврале 1923 г.) и Руководство Гарвардской программы по гуманитарной политике и исследованию конфликтов по международному праву, применимому к воздушной и ракетной войне 2009 г.; Руководство Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море (Ливорно, 1994 г.). Таллинское руководство по применению юридических норм международного права к военным действиям в киберпространстве 2013 г. закладывает основы юридического обеспечения применения средств ведения информационно-технического противоборства в компьютерных сетях. Особый научный и практический интерес вызывает Проект MILAMOS (Manual on International Law Applicable to Military Uses of Outer Space), который направлен на разработку документа в форме руководства, разъясняющего нормы международного права, применимые к военной деятельности и деятельности по обеспечению безопасности в космическом пространстве.

⁷⁵ См.: Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 128.

⁷⁶ URL: <http://kodeks.systems.ru/zakon/fz-76/> (дата обращения: 31.08.2021).

⁷⁷ URL: <http://kodeks.systems.ru/zakon/fz-53/> (дата обращения: 31.08.2021).

⁷⁸ URL: <https://legals.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-12011995-n-5-fz-o/> (дата обращения: 31.08.2021).

о войсках национальной гвардии РФ в части, касающейся условий, порядка и пределов применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники, гарантий личной безопасности, правовой и социальной защиты военнослужащих и членов их семей.

С наступлением военного времени военнослужащие ВС РФ становятся *комбатантами* при условии их непосредственного участия в военных действиях. Лишь в условиях международных вооруженных конфликтов задействуется институт военного плена⁷⁹. Особый статус возникает у лиц, относящихся к категории не-комбатантов (военно-медицинского персонала, священников, военных юристов, военных корреспондентов, интендантов). Эти статусы должны иметь законодательное закрепление.

Также отметим необходимость регламентации взаимодействия военного командования со СМИ (журналистами), духовенством, органами местного самоуправления, а также вопросы аккредитации представителей международных межправительственных, благотворительных и иных организаций.

Таким образом, на основе анализа норм международного права и российского военного законодательства представлена авторская концепция содержательного наполнения «*права военного времени*», определены пределы действия этого особого комплекса норм во времени, в пространстве и по кругу лиц. Сформулированные позиции могли бы стать основой дальнейшего развития российского военного законодательства, определенным вкладом в развитие российской доктрины военного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Административное право : учебник / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. — М. : Юристъ, 1999. — 728 с.
2. Бахрах Д. Н. Административное право : учебник для вузов. — М. : Норма, 2002.
3. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. — Т. 1 : История и теория военного права (с предисловием). — М. : Центр правовых коммуникаций, 2021. — 560 с.
4. Дамаскин О. В., Корякин В. М., Холопова Е. Н. Современные проблемы военного права // Вестник военного права. — 2016. — № 4. — С. 14–22.
5. Корякин В. М. Введение в теорию военного права: монография // Российский военно-правовой сборник. — 2007. — № 9.
6. Корякин В. М. Эволюция диссертационных исследований по военному праву // URL: <http://www.disus.ru/knigi/363819-1-evolyuciya-dissertacionnih-issledovaniy-voennomu-pravu-vmkoryakin-doktor-yuridicheskikh-nauk-korjakinmiit-statya-predstavlyaet.php>.
7. Кудашкин А. В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) // Военно-правовое обозрение. — 2021. — № 4. — С. 2–12.
8. Кудашкин А. В. Международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, оперативное право: вопрос в терминах или их содержании? // Военно-правовое обозрение. — 2021. — № 2. — С. 81–89.
9. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. — М., 1994.
10. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М. : ИТИ Технологии, 2007.
11. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Юристъ, 2001.
12. Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. — 2021. — № 4. — С. 7–34.
13. Старостин С. А. Чрезвычайное положение : монография. — М. : Проспект, 2019. — 133 с.
14. Сырых В. М. Теория государства и права : учебник для вузов. — 4-е изд., стер. — М. : Юстицинформ, 2005.

⁷⁹ Является важным указание п. 8 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» о том, что за военнослужащими, захваченными в плен или в качестве заложников, а также интернированными в нейтральных странах, сохраняется статус военнослужащих.

15. Толкаченко А. А. Современное состояние военно-юридической (военно-правовой) науки и ее роль в укреплении безопасности России // Право и безопасность. — 2007. — № 3–4 (24–25). — URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_21_7.htm.

Материал поступил в редакцию 31 августа 2021 г.

REFERENCES

1. Kozlov YuM, Popov LL. editors. *Administrativnoe pravo: uchebnik* [Administrative law. A textbook]. Moscow: Yurist; 1999. (In Russ.)
2. Bakhrakh DN. *Administrativnoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [Administrative law. A textbook for universities]. Moscow: Norma; 2002. (In Russ.)
3. Savenkov AN, Kudashkin AV, editors. *Voennoe pravo: monografiya. T. 1: Istoriya i teoriya voennogo prava (s predisloviem)* [Military law. A monograph. Vol. 1: History and Theory of Military Law (with a preface)]. Moscow: Tsentr pravovykh kommunikatsiy; 2021. (In Russ.)
4. Damaskin OV, Koryakin VM, Kholopova EN. *Sovremennye problemy voennogo prava*. [Modern problems of military law]. *Vestnik voennogo prava*. 2016;4:14-22. (In Russ.)
5. Koryakin VM. *Vvedenie v teoriyu voennogo prava: monografiya* [Introduction to the theory of military law. A monograph]. *Rossiyskiy voenno-pravovoy sbornik*. 2007;9. (In Russ.)
6. Koryakin VM. *Evolutsiya dissertatsionnykh issledovaniy po voennomu pravu* [Evolution of dissertation research on military law]. Available from: <http://www.disus.ru/knigi/363819-1-evolyuciya-dissertatsionnih-issledovaniy-voennomu-pravu-vmkoryakin-doktor-yuridicheskikh-nauk-korjakinmiit-statya-predstavlyaet.php>. (In Russ.)
7. Kudashkin AV. «Strukturnyy skelet» otrasli voennogo prava (k voprosu o podotraslyakh voennogo prava) [The «structural skeleton» of the branch of military law (on the question of sub-branches of military law)]. *Voenno-pravovoe obozrenie*. 2021;4:2-12. (In Russ.)
8. Kudashkin AV. *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo, pravo vooruzhennykh konfliktov, operativnoe pravo: vopros v terminakh ili ikh soderzhanii?* [International humanitarian law, law of armed conflict, operational law: Is the question in terms or their content?]. *Voenno-pravovoe obozrenie*. 2021;2:81-89. (In Russ.)
9. Lazarev VV, editor. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik* [General theory of law and state. A textbook]. Moscow: 1994. (In Russ.)
10. Ozhegov SI, Shvedova NYu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova [Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of the Russian Language]. 4th ed., suppl. Moscow: ITI Tekhnologii; 2007. (In Russ.)
11. Marchenko MN, editor. *Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnoe posobie* [Problems of the theory of state and law. A textbook]. Moscow: Yurist; 2001. (In Russ.)
12. Savenkov AN, Kudashkin AV. *Voennoe pravo: postanovka problemy i puti resheniya* [Military law: problem statement and solutions]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2021;4:7-34. (In Russ.)
13. Starostin SA. *Chrezvychaynoe polozhenie: monografiya* [State of emergency. A monograph]. Moscow: Prospekt, 2019. (In Russ.)
14. Syrykh VM. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of state and law. A textbook for universities]. 4th ed. Moscow: Yustitcinform; 2005. (In Russ.)
15. Tolkachenko AA. *Sovremennoe sostoyanie voenno-yuridicheskoy (voenno-pravovoy) nauki i ee rol v ukreplenii bezopasnosti Rossii* [The current state of military-legal (military-legal) science and its role in strengthening Russia's security]. *Pravo i bezopasnost* [Law and security]. 2007;3-4(24-25). Available from: https://dpr.ru/pravo/pravo_21_7.htm. (In Russ.)

Использование информационных технологий в суде по уголовным делам

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с информационными технологиями, ресурсами и базами данных, а также цифровизацией правосудия по уголовным делам путем использования соответствующих электронных массивов и электронных данных. Затрагивается ряд проблем, разрешение которых направлено на облегчение и ускорение работы судебной системы (судей, их помощников, секретарей судебных заседаний) в обозначенном аспекте. Анализируются последние изменения законодательства, регламентирующие данные вопросы. На примере конкретных судебных прецедентов (в том числе федеральных судов и мировых судей) демонстрируется необходимость предлагаемых нововведений. Акцентируется внимание на том, как указанные электронные сервисы и базы данных, а также доступ к ним позволяют не только упростить и ускорить работу суда, но и избежать судебных ошибок в плане квалификации содеянного. Обосновывается необходимость использования указанных в статье автоматических и полуавтоматических способов извещения участников уголовного судопроизводства для ускорения процесса извещения. Предлагается использовать программное обеспечение по распознаванию речи для преобразования ее в текст при подготовке протоколов судебных заседаний (либо отказаться от протоколов — при наличии аудиозаписи, приобщенной к уголовному делу). Аргументируется целесообразность предоставления доступа суду к базам данных системы МВД РФ для получения необходимой и полезной для рассмотрения уголовного дела в суде информации. Указанные нововведения предлагается реализовать с возможностью их применения в автоматическом режиме при регистрации уголовного дела в электронной картотеке суда, а именно: при его поступлении из прокуратуры с обвинительным заключением (актом, постановлением), без обязательного фактического участия судьи — для экономии его времени. Предлагаются конкретные пути решения рассматриваемых проблем, основанные на практических рекомендациях, которые также необходимо закрепить на законодательном уровне.

Ключевые слова: информационные технологии; цифровизация правосудия; электронное правосудие; электронные доказательства; правосудие онлайн; искусственный интеллект; криминалистика; уголовный процесс; базы данных; извещение участников уголовного судопроизводства.

Для цитирования: Сафронов А. Ю. Использование информационных технологий в суде по уголовным делам // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 105–118. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.105-118.

The Use of Information Technologies in Criminal Court

Aleksey Yu. Safronov, Cand. Sci. (Law), Federal Judge, Zmeinogorskiy City Court of the Altay Region
ul. Lenina, d. 41, Zmeinogorsk, Russia, 658481
safronov.au@gmail.com

Abstract. The paper deals with issues related to information technologies, resources and databases, as well as the digitalization of criminal justice using appropriate electronic arrays and electronic data. A number of problems

© Сафронов А. Ю., 2022

* Сафронов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, судья Змеиногорского городского суда Алтайского края

Ул. Ленина, д. 41, г. Змеиногорск, Россия, 658481
safronov.au@gmail.com

are touched upon, the resolution of which is aimed at facilitating and speeding up the work of the judicial system (judges, their assistants, clerks of court sessions) in this aspect. The latest changes in legislation regulating these issues are analyzed. The necessity of the proposed innovations is demonstrated through specific judicial precedents (including federal courts and magistrates). Attention is given to the way these electronic services and databases, as well as access to them, make it possible to not only simplify and speed up the work of the court, but also to avoid judicial errors in terms of the qualification of the deed. The necessity of using the automatic and semi-automatic methods of notifying participants in criminal proceedings specified in the paper to speed up the notification process is substantiated. It is proposed to use speech recognition software to convert it into text when preparing court records (or to abandon the protocols if there is an audio recording attached to the criminal case). The expediency of providing the court with access to the databases of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to obtain the necessary and useful information for the consideration of a criminal case in court is argued. These innovations are proposed to be implemented with the possibility of their application in automatic mode when registering a criminal case in the electronic file of the court, namely: when it arrives from the prosecutor's office with an indictment (act, resolution), without the mandatory actual participation of the judge, namely to save his time. Specific solutions to the problems under consideration are proposed, based on practical recommendations, which also need to be fixed at the legislative level.

Keywords: information technologies; digitalization of justice; electronic justice; electronic evidence; online justice; artificial intelligence; criminalistics; criminal procedure; databases; notification of participants in criminal proceedings.

Cite as: Safronov AYu. Ispolzovanie informatsionnykh tekhnologiy v sude po ugolovnym delam [The Use of Information Technologies in Criminal Court]. *Lex russica*. 2022;75(3):105-118. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.105-118. (In Russ., abstract in Eng.).

Современные условия (реалии) расширения круга сфер жизни общества, затронутых информационными технологиями, электронными сервисами, ресурсами и базами данных, убедительно свидетельствуют о тенденции все большего их использования даже там, где раньше они и не применялись вовсе, преимущественно в целях облегчения и упрощения повседневной человеческой жизни и избавления от рутинных задач, требующих различного рода вычислительных и иных манипуляций с разнородной, преимущественно цифровой информацией.

Не обошла стороной эта тенденция и криминальную среду, в том числе преступную деятельность, а также деятельность, противоположную и противоборствующую ей, — правоохранительную (правоприменительную). Другими словами, информационные (высокие) технологии, электронные сервисы и базы данных используются в современном мире практически везде, в том числе и, к сожалению, при подготовке, совершении, сокрытии преступлений, а также противодействии их расследованию, но и, что вызывает оптимизм, при выявлении, раскрытии, расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел обозначенной направленности.

О достаточно глубоком внедрении электронных технологий (сервисов и баз данных) в общественные отношения свидетельствует распространённость уголовно наказуемых деяний, закреплённых в соответствующем федеральном законе. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд составов преступлений, так или иначе затрагивающих указанную сферу общественных отношений, к примеру:

- ст. 159.3 — мошенничество с использованием электронных средств платежа;
- п. «г» ч. 3 ст. 158 — кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ);
- ст. 159.6 — мошенничество в сфере компьютерной информации;
- ст. 272 — неправомерный доступ к компьютерной информации;
- ст. 274.1 — неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации;
- ст. 187 — неправомерный оборот средств платежей;
- ст. 138.1 — незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации¹.

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

Это далеко не исчерпывающий перечень преступлений, где так или иначе могут использоваться и (или) используются информационные технологии, сервисы, базы данных и компьютерная техника либо современные электронные устройства, значительно расширяющие возможности преступников и зачастую усложняющие процессы выявления, раскрытия и расследования указанных преступлений.

В научных кругах в последнее время все более активно обсуждаются вопросы, связанные с цифровизацией правосудия (электронным правосудием) и соответствующими стандартами², а также электронными доказательствами³ (в том числе иностранными авторами, например N. H. Pham⁴). В самых последних публикациях известных ученых и практических работников, в том числе судей Верховного Суда Российской Федерации, рассматриваются перспективы развития цифрового правосудия через внедрение суперсервиса «Правосудие онлайн» и использование искусственного интеллекта⁵.

Таким образом, можно констатировать важность обсуждения вышеуказанных вопросов, касающихся информационных технологий, электронных сервисов, ресурсов и баз данных в суде по уголовным делам, для наук уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, а также для практической правоохранитель-

ной (правоприменительной) деятельности в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Вместе с тем стоит заметить, что возможности правоохранительных (правоприменительных) органов тоже не стоят на месте, активно развиваются, а внедрение в работу новых электронных технологий, сервисов, массивов и баз данных позволяет все более эффективно бороться с обозначенными видами преступлений, в том числе выявлять и пресекать их, а также расследовать и рассматривать в суде.

Законодатель, что важно отметить как положительное явление, тоже держит руку на пульсе последних изменений реальности в данных вопросах и вносит изменения (дополнения) в соответствующие федеральные законы РФ (кодексы), регламентирующие указанную сферу общественных отношений, время от времени дополняя различные пункты, части или статьи новыми со знаком «.1».

В частности, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации⁶ закреплены легальные определения понятий, содержащих в себе перспективу использования специальных электронных технических средств, оборудования и баз данных для успешного достижения целей и решения задач уголовного права, процесса и криминалистики в их взаимосвязи. В частности, это такие термины, которые за-

² См.: Шестернина Д. С. Вопросы реализации стандартов правосудия в условиях применения электронной процессуальной формы и развития системы «электронного правосудия» // Меридиан : научный электронный журнал. 2020. № 4 (38). С. 147–149 ; Денисов И. С. Электронное правосудие как элемент электронного государства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 3 (22). С. 186–190 ; Курячая М. М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 52–54 ; Гулемин А. Н. На пути к электронному государству: зарубежный и международный опыт электронного правосудия // Право и политика. 2015. № 12. С. 1714–1718. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.12.17059 ; Голубцов В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 170–188 ; Гильманов Р. Д. Электронное правосудие как элемент электронной демократии // Роль инновационных технологий в развитии науки и общества : сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (Смоленск, 10 мая 2019 г.). Смоленск : Научно-сфера, 2019. С. 39–40.

³ Поляков М. П., Смолин А. Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 135–145. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10222.

⁴ Pham N. H. Electronic data and electronic evidence in Vietnam's criminal procedure code 2015 // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. Р. 1146–1155.

⁵ Момотов В. В. Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность // Российская юстиция. 2021. № 7. С. 2–9. DOI: 10.52433/01316761_2021_7_2 ; Ковикова К. С. Искусственный интеллект как элемент электронного правосудия: смарт-решение и электронные весы правосудия // Образование и право. 2020. № 3. С. 240–244. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10340.

⁶ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

креплены в следующих пунктах ст. 5 УПК РФ со знаком «.1»:

- п. 14.1 — контроль телефонных и иных переговоров — прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм;
- п. 24.1 — получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами — получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций;
- п. 36.1 — результаты оперативно-розыскной деятельности — сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

В последнем случае подразумевается, что понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» включает в себя действия (мероприятия) определенного характера, в том числе с использованием специальных технических средств, а равно технологий.

Порядок работы с электронными носителями информации и (или) доказательствами также регламентирован в УПК РФ. В частности, понятие «электронные носители информации» упомянуто в ряде статей (в некоторых случа-

ях также со знаком «.1», что свидетельствует о реакции законодателя на современные условия путем своевременного изменения и дополнения федерального законодательства), в том числе в ч. 4 ст. 81, ч. 1 и 4 ст. 81.1, п. 5 ч. 2, ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ. Это свидетельствует о том, что указанные электронные носители и, следовательно, все, что с ними связано (соответствующее оборудование и технологии, позволяющие выявлять, закреплять и хранить их), вошли в современный понятийный аппарат наук уголовного процесса и криминалистики.

Кроме того, в указанных науках юридического цикла (о чем убедительно и однозначно свидетельствуют представленные выше ссылки (сноски) на работы ученых), а также в современном судопроизводстве — стоит заметить, что не только в уголовном, но и во всех остальных (что также свидетельствует об актуальности рассматриваемого вопроса) — все чаще фигурируют такие понятия, как «электронные доказательства», «цифровые доказательства», «электронное правосудие», «электронное судопроизводство» и т.п. Кроме того, все чаще используется подача документов в электронном виде, в том числе в суды. Это особенно актуально в условиях современной пандемии и распространяемых и все более востребованных средствах и методах работы не с материальными носителями информации, а с электронными.

На официальных сайтах судов и судебных участков Российской Федерации: мировых судей судебных участков⁷, федеральных судов районного⁸ (городского⁹) уровня (звена), судов субъектов РФ (краевых¹⁰, областных судов¹¹, верховных судов субъектов — республик¹²), в том числе специализированных и арбитражных судов (арбитражных судов субъектов¹³,

⁷ См., например: официальный сайт Судебного участка Змеиногорского района Алтайского края. URL: <http://zmrn.alt.msudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

⁸ См., например: официальный сайт Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края. URL: <http://oktiabrsky.nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

⁹ См., например: официальный сайт Змеиногорского городского суда Алтайского края. URL: <http://zmeinogorsky.alt.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁰ См., например: официальный сайт Алтайского краевого суда. URL: <http://kraevoy.alt.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹¹ См., например: официальный сайт Новосибирского областного суда. URL: <http://oblsud.nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹² См., например: официальный сайт Верховного суда Республики Алтай. URL: <http://vs.ralt.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹³ См., например: официальный сайт Арбитражного суда Алтайского края. URL: <https://altai-krai.arbitr.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

арбитражных апелляционных судов¹⁴, арбитражных судов округов¹⁵, суда по интеллектуальным правам¹⁶¹⁷, военных судов (кассационного военного суда¹⁸, апелляционного военного суда¹⁹, окружных²⁰ (флотских²¹) военных судов и гарнизонных военных судов²²), апелляционных²³ и кассационных судов общей юрисдикции²⁴, Верховного Суда РФ²⁵, Конституционного Суда РФ²⁶ — содержится соответствующий раздел, именуемый в большинстве случаев как «Подача процессуальных документов в электронном виде», при обращении к которому осуществляется переход к сервису ГАС «Правосудие»²⁷, в котором также содержится несколько разделов, в частности следующие разделы с приведенными далее комментариями к ним:

- «Обращения» (в данном разделе вы можете подать обращение в судебный орган, а также отслеживать движение поданных вами ранее обращений и получить результаты их рассмотрения);
- «Дела» (здесь вы можете получить доступ ко всей информации по судебным делам, участником которых являетесь);

— «Справочная информация» (если у вас возникли какие-то вопросы или трудности при работе с системой, воспользуйтесь справочной информацией).

После обращения к вкладке «Перейти в раздел», а именно в разделах «Обращения»²⁸ и «Дела»²⁹, указано, что нужно делать, используя манипуляции с последними информационными технологиями: «Для входа используйте Вашу учетную запись в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА)».

В разделе «Справочная информация» указано, что «сервис “Электронное правосудие” (далее — Сервис ЭП) обеспечивает доступ пользователей (в соответствии с их правами) к информации по делам и работу с обращениями (заявления, ходатайства, жалобы), подаваемыми в суд в электронном виде. Доступ к Сервису ЭП предоставляется по ссылке в информационно-телекоммуникационной сети Интернет по адресу: <https://ej.sudrf.ru/> физическим лицам, имеющим уровень достоверности идентификации пользователя не ниже, чем подтвержденная учетная запись в ЕСИА

¹⁴ См., например: официальный сайт Девятого арбитражного апелляционного суда. URL: <https://9aas.arbitr.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁵ См., например: официальный сайт Арбитражного суда Московского округа. URL: <https://fasmo.arbitr.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁶ См., например: официальный сайт Суда по интеллектуальным правам. URL: <https://ipc.arbitr.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁷ См.: официальный сайт «Мой арбитраж.ru». URL: <https://my.arbitr.ru/#index> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁸ См.: официальный сайт Кассационного военного суда. URL: <https://vkas.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁹ См.: официальный сайт Апелляционного военного суда. URL: <https://vap.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁰ См.: официальный сайт Центрального окружного военного суда. URL: <http://covs.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

²¹ См.: официальный сайт Тихоокеанского флотского военного суда. URL: <http://tihookeanskyfvs.prm.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

²² См.: официальный сайт Барнаульского гарнизонного военного суда. URL: <http://bgvs.alt.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

²³ См.: официальный сайт Пятого апелляционного суда общей юрисдикции. URL: <https://5ap.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁴ См.: официальный сайт Восьмого кассационного суда общей юрисдикции. URL: <https://8kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁵ См.: официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://supcourt.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁶ См.: официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/default.aspx> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁷ См.: официальный сайт ГАС «Правосудие». URL: <https://ej.sudrf.ru/?fromOa=22OS0000> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁸ URL: <https://ej.sudrf.ru/appeals/> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁹ URL: <https://ej.sudrf.ru/cases/> (дата обращения: 18.09.2021).

или усиленная электронная цифровая подпись (далее — УКЭП), построенная на алгоритмах шифрования ГОСТ. Доступ к личному кабинету Сервиса ЭП (далее — ЛК ЭП) осуществляется посредством идентификации и аутентификации одним из двух возможных способов:

- с использованием подтвержденной учетной записи физического лица ЕСИА;
- с использованием имеющейся у пользователя УКЭП»³⁰.

В арбитражных судах это реализуется через интернет-систему «Мой арбитр.ru»³¹.

Все это значит, что лицо, пользующееся указанными услугами, должно как минимум не только разбираться в данных понятиях, но и иметь соответствующую учетную запись в ЕСИА, что свидетельствует о достаточно глубоком внедрении сфер указанных технологий в современное судопроизводство и своеобразном пороге минимального уровня компьютерной грамотности для лиц, планирующих их использовать.

Таким образом, констатируем, что использование современных компьютерных (электронных, цифровых) технологий в системе судопроизводства на стадии обращений граждан внедрено достаточно глубоко, о чем со всей убедительностью и достоверностью свидетельствует ситуация необходимости владения вышеуказанными понятиями (ЛК, Сервис ЭП, ЕСИА, УКЭП, ЛК ЭП и т.п.), а также соответствующей компьютерной техникой, информационными технологиями и программным обеспечением.

Кроме того, работа самой судебной системы также не обходится без различного рода электронных систем и баз данных, функционирующих в рамках электронного взаимодействия различных служб и ведомств, что достаточно хорошо помогает в рассмотрении судебных дел, в том числе уголовных, позволяет правильно квалифицировать преступные деяния (установить наличие либо отсутствие квалифицирующих признаков преступлений).

К примеру, в судах общей юрисдикции³² при помощи программного обеспечения «ПИ СДП. Модуль обновления клиентской части. Версия 3.07 ГАС «Правосудие» ПИ «Судебное делопроизводство» 34.1.4.39» можно получить доступ к модулю «ДО» («Документооборот. Версия

0.19»), который предоставляет информацию, например, из Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН), в частности о правах лица на имевшиеся (имеющиеся) у него в собственности объекты недвижимости. Посредством электронного взаимодействия с Федеральной налоговой службой Российской Федерации (далее — ФНС России), используя указанные сервисы, можно получить в электронном виде такую информацию:

- сведения о банковских счетах (вкладах) физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем (по индивидуальным предпринимателям возможность получать информацию также имеется);
- о счетах (вкладах) резидента — физического лица, открытых в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации;
- об участии физического лица в юридических лицах в качестве руководителя, учредителя (участника);
- о доходах физических лиц из налоговой декларации формы 3-НДФЛ;
- об идентификационном номере налогоплательщика (ИНН);
- налоговую декларацию по налогу на доходы физических лиц (по форме 3-НДФЛ);
- выписку из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) и т.п.

В положительном ключе стоит отметить, что все указанные запросы направляются и ответы на них поступают достаточно быстро (от нескольких минут до нескольких дней — в зависимости от категории запроса), без использования почтовой связи и подготовки документов на бумажном носителе, а просто путем заполнения соответствующей формы в электронном виде. Это упрощает процесс направления запроса и получения необходимой информации, что порой крайне важно для оперативного рассмотрения дел в суде, в том числе уголовных, к примеру, для установления квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража, то есть тайное хищение чужого имущества, с причинением значительного ущерба гражданину), так как для этих целей необходимо выяснение материального (имущественного) положения

³⁰ См.: официальный сайт ГАС «Правосудие». Справочная информация. URL: <https://ej.sudrf.ru/info/> (дата обращения: 18.09.2021).

³¹ См.: официальный сайт «Мой арбитр.ru». URL: <https://my.arbitr.ru/#index> (дата обращения: 18.09.2021).

³² Например, в Змеиногорском городском суде Алтайского края.

потерпевшего на момент совершения в отношении последнего преступления.

Как разъяснено в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изменениями и дополнениями от 29.06.2021)³³, «при квалификации действий лица, совершившего кражу по признаку причинения гражданину значительного ущерба судам следует, руководствуясь примечанием 2 к статье 158 УК РФ, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др. При этом ущерб, причиненный гражданину, не может быть менее размера, установленного примечанием к статье 158 УК РФ».

Таким образом, имущественное (материальное) положение потерпевшего для квалификации действий подсудимого по указанному квалифицирующему признаку необходимо детально выяснять, на что прямо указывает не только Верховный Суд РФ в вышеуказанных разъяснениях обозначенного выше постановления Пленума, но и последняя судебная практика. К примеру, обвинительным приговором Ленинского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 16.02.2021 (дело № 1-10/2021 (1-582/2020), уникальный идентификатор дела (далее — УИД) 22RS0069-01-2020-003872-54)³⁴ П. признана виновной и осуждена, ее действия квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ как кража (то есть тайное хищение чужого имущества), совершенная с причинением значительного ущерба гражданину, с банковского счета (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ). Сумма материального ущерба по уголовному делу — 6 000 руб. В приговоре суда первой инстанции, при мотивировке квалифицирующего признака

«с причинением значительного ущерба гражданину», указано, что «в судебном заседании установлено, что причиненный преступлением ущерб является для потерпевшего значительным, что следует из его материального положения и состава семьи». Суд апелляционной инстанции Алтайского краевого суда не согласился с этим утверждением и в апелляционном определении от 09.04.2021 (дело № 22-1515/2021)³⁵, ссылаясь на обозначенные выше разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, указал следующее: «Как видно из приговора, давая оценку наличия в действиях П. квалифицирующего признака кражи “с причинением значительного ущерба”, суд констатировал причинение ущерба в размере 6 000 рублей, сослался на материальное положение и состав семьи потерпевшего. Между тем каких-либо конкретных доказательств, свидетельствующих о материальном положении потерпевшего, составе его семьи, наличии иждивенцев и совокупном доходе в приговоре не приведено, должная оценка указанным обстоятельствам судом не дана. Излагая показания потерпевшего, суд ограничился лишь указанием потерпевшего о причинении ему значительного материального ущерба. Таким образом, выводы суда о наличии в действиях осужденной квалифицирующего признака кражи “с причинением значительного ущерба гражданину” приведенными в приговоре доказательствами не подтверждаются. Кроме того, из показаний потерпевшего В. на предварительном следствии следует, что его ежемесячный доход составляет 30 000 рублей, из которых он выплачивает по кредитным обязательствам 9 000 рублей, остальные средства тратит на продукты питания и предметы первой необходимости, имеет на иждивении несовершеннолетнего ребенка. Притом из показаний потерпевшего следует, что он состоит в фактических брачных отношениях с Ш., вопрос об имущественном положении которой ни органом предварительного расследования,

³³ СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ См.: официальный сайт Ленинского районного суда Алтайского края. Судебное делопроизводство. Производство по уголовным делам. Дело № 1-10/2021 (1-582/2020), УИД 22RS0069-01-2020-003872-54 // URL: https://leninsky-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=78803992&case_uid=e815b56e-e3f9-4b0c-a6e1-0c4d1a393f66&delo_id=1540006 (дата обращения: 18.09.2021).

³⁵ См.: официальный сайт Алтайского краевого суда. Судебное делопроизводство. Производство по уголовным делам — апелляция. Дело № 22-1515/2021, УИД 22RS0069-01-2020-003872-54 // URL: https://kraevoy-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9696769&case_uid=ec197edb-e6cb-43f4-bb53-17e08102dc4b&result=1&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 18.09.2021).

ни судом не выяснялся. Исходя из вышеизложенного, с учетом размера причиненного преступлением ущерба, имеющихся сведений об имущественном положении потерпевшего В. и руководствуясь определенным ст. 14 УПК РФ принципом презумпции невиновности, суд апелляционной инстанции считает необходимым исключить из осуждения П. квалифицирующий признак кражи «с причинением значительного ущерба гражданину»». Обжалуемый приговор изменен, указанный квалифицирующий признак исключен из осуждения П., назначенное наказание смягчено³⁶.

В рассмотренном примере неисследованность материального положения потерпевшего привела к браку в судебной работе, чего можно было бы с легкостью избежать, используя приведенные выше базы данных (электронные сервисы) путем направления соответствующих электронных запросов через электронный документооборот, а именно: в ФНС России (для выяснения доходов) и в ЕГРН (в целях получения выписок для выяснения наличия либо отсутствия объектов недвижимости).

Указанной возможностью успешно пользуется Змеиногорский городской суд Алтайского края³⁷. К примеру, при рассмотрении ряда дел³⁸ путем описанных выше процедур в электронном виде направлены и в ответ в короткий срок получены интересующие сведения, что помогло установить ряд значимых для дел обстоятельств.

В частности, по уголовному делу № 1-46/2021 (УИД 22RS0009-01-2021-000361-09) в отношении Б., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, — кража (то есть тайное хищение чужого имущества), совершенная с банковского счета, а равно электронных денежных средств, с причинением значительного ущерба гражданину (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ), один из квалифицирующих признаков — «с причинением значительного ущерба гражданину» — несмо-

тря на полное признание подсудимой в судебном заседании своей вины, подвергся в ходе судебного следствия тщательному изучению, и в отношении потерпевшего судом был осуществлен ряд электронных запросов (указанным выше методом), направленных на установление его материального положения. Потерпевший в судебном заседании пояснил, а также из его показаний, данных в ходе досудебного следствия, установлено, что на момент рассмотрения дела в суде в собственности у него какого-либо движимого и (или) недвижимого имущества нет, кредитных обязательств, иждивенцев у него нет и не было на момент совершения преступления. На момент совершения в отношении него преступления он получал заработную плату в размере 50 000 руб. ежемесячно. Причиненный ущерб на момент совершения преступления для него являлся, как он сам пояснил в судебном заседании, значительным. Кроме заработной платы, иных источников дохода у него нет и не было в рассматриваемый период. При описании своего имущественного положения потерпевший также пояснил, что он приобретал себе продукты питания, одежду и предметы личной гигиены на сумму около 20 000 руб., оказывал материальную помощь родителям в сумме около 15 000 руб., тратил деньги на иные потребности, после чего на жизнь у него оставалось в период совершения в отношении него преступления около 6 000 руб., личного подсобного хозяйства он не имеет и не имел. Пояснил также, что у него имеются счета (вклады) в банковских организациях для получения заработной платы.

Особо стоит отметить, что запрошенной судом в электронном виде (указанным выше методом — путем электронного взаимодействия) и изученной в судебном заседании информацией из ФНС России подтверждено наличие у потерпевшего банковских счетов (вкладов).

В итоге после изучения всех вышеуказанных обстоятельств имущественного положения потерпевшего гособвинитель в прениях отказался

³⁶ Архив Ленинского районного суда города Барнаула Алтайского края. Уголовное дело № 1-10/2021 (1-582/2020), УИД 22RS0069-01-2020-003872-54.

³⁷ Змеиногорский городской суд Алтайского края. Программное обеспечение «ПИ СДП. Модуль обновления клиентской части. Версия 3.07 ГАС «Правосудие» ПИ «Судебное делопроизводство» 34.1.4.39». Модуль «ДО» («Документооборот. Версия 0.19»).

³⁸ Архив Змеиногорского городского суда Алтайского края. Уголовные дела № 1-22/2021 (УИД 22RS0009-01-2021-000180-67), 1-24/2021 (УИД 22RS0009-01-2021-000191-34), 1-26/2021 (УИД 22RS0009-01-2021-000203-95), 1-46/2021 (УИД 22RS0009-01-2021-000361-09), гражданское дело № 2-164/2021 (УИД 22RS0009-01-2021-000117-62).

от поддержания обвинения по квалифицирующему признаку «с причинением значительного ущерба гражданину», поддержав обвинение по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная с банковского счета); 02.08.2021 по данному уголовному делу постановлен обвинительный приговор, подсудимая признана виновной в совершении указанного преступления, но без обозначенного квалифицирующего признака («с причинением значительного ущерба гражданину»)³⁹.

Таким образом, налицо положительный пример использования в ходе судебного следствия электронных сервисов, позволяющих своевременно разобраться в установлении значимых для дела обстоятельств, правильно квалифицировать действия подсудимого и, как следствие, избежать судебной ошибки.

Изложенное свидетельствует о необходимости дальнейшего внедрения электронных сервисов в судебное делопроизводство и недостаточности их использования в настоящее время в ряде судов, на что, помимо прочего, прямо указывает описанный ранее пример по уголовному делу № 1-10/2021 (№ 1-582/2020) (УИД 22RS0069-01-2020-003872-54), в котором продемонстрирована судебная ошибка, повлекшая в суде апелляционной инстанции изменение квалификации со смягчением уголовного наказания, назначенного осужденному и признанному виновным в совершении указанного преступления.

Единственным недостатком процесса получения указанной информации об имущественном положении участника уголовного судопроизводства обозначенным выше способом (методом) является то, что для отправления запроса требуется введение порой значительного количества различных данных (для каждого запроса в отдельности), на что тратится много рабочего времени судьи либо его помощника.

Указанный недочет предлагается исправить путем автоматизации процесса получения приведенной выше информации при регистрации уголовного дела в электронной картотеке суда, а именно при его поступлении из прокуратуры с обвинительным заключением (актом, постановлением).

Конечно же, это предлагается сделать не по всем категориям уголовных дел, а в первую очередь по «имущественным» преступлениям,

т.е. по тем, где потерпевшему причинен имущественный ущерб и где необходимо определить признак «значительности», к примеру, по обозначенным выше составам преступлений, предусмотренным п. «в» ч. 2 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (когда указанный признак также вменяется), ч. 1 ст. 167 УК РФ, а равно по тем составам преступлений, где заявлен гражданский иск (например, о компенсации морального вреда). Предлагается дополнить программное обеспечение функцией автоматического формирования и направления указанных запросов по обозначенной категории дел (на период совершения преступления) с последующим получением ответов и предоставлением их судье (без фактического участия последнего либо его помощника), рассматривающему уголовное дело, работником аппарата суда.

Кроме того, обозначенная процедура будет полезной при ее реализации в отношении подсудимого по тем составам преступлений, в которых санкция статьи предусматривает штраф в качестве основного или дополнительного уголовного наказания, что позволит избежать судебных ошибок и более точно индивидуализировать наказание.

Таким образом, предлагается автоматизировать процесс получения сведений об имущественном положении потерпевшего и (или) подсудимого по обозначенной выше категории уголовных дел путем автоматического (при регистрации дела в суде) направления соответствующим программным обеспечением суда обозначенных выше запросов на основе анкетных данных указанных участников уголовного судопроизводства (потерпевшего и (или) подсудимого), вносимых работником аппарата суда, осуществляющего регистрацию уголовного дела в электронной картотеке. Это позволит избежать судебных ошибок при квалификации содеянного (в частности, при установлении квалифицирующего признака «с причинением значительного ущерба гражданину»), сэкономить время работы судьи либо его помощника, получить максимально актуальную информацию, что будет способствовать постановлению законных, объективных и справедливых приговоров.

Аналогичные нововведения предлагается внести в отношении извещения участников уголовного судопроизводства (прежде всего по-

³⁹ См.: архив Змеиногорского городского суда Алтайского края. Уголовное дело № 1-46/2021 (УИД 22RS0009-01-2021-000361-09).

терпевшего, его представителя (при наличии) и подсудимого) о дате, времени и месте судебного разбирательства (заседания). То есть при поступлении уголовного дела в суд и назначении судебного заседания либо предварительного слушания программа, отвечающая за учет и регистрацию поступивших в суд уголовных дел, должна будет сама (без участия работника аппарата суда) известить участников о дате, времени и месте судебного разбирательства путем направления соответствующих извещений посредством СМС, голосовых сообщений, писем на электронную почту и через сервис портала «Госуслуги» (при наличии соответствующей регистрации участника на сайте), с использованием данных, содержащихся в соответствующей базе (место жительства (адрес регистрации по месту жительства и (или) пребывания), номера телефонов из базы данных, а также адреса электронной почты, так как учетные (регистрационные) данные используются в указанном электронном сервисе). В настоящее время это актуально, поскольку практически ни одно взаимодействие с государственным органом не обходится без сервиса портала «Госуслуги». Даже запись на прием к врачу можно осуществить, используя указанный сервис. При регистрации на портале «Госуслуги» вносятся анкетные (учетные) и контактные данные (Ф.И.О., место жительства (пребывания), номера телефонов, подтвержденный соответствующим образом адрес электронной почты и т.п.). В части свидетелей указанные возможности предлагается реализовывать в так называемом полуавтоматическом режиме, так как по объемным уголовным делам с достаточно большим количеством свидетелей вызов сразу всех их на одно (первое) судебное заседание может привести к невозможности допроса каждого в этом заседании, а повторно являться на следующее заседание свидетели могут попросту не захотеть. То есть касаясь свидетелей предлагается описанным выше способом вызывать их не полностью автоматически (по умолчанию) при назначении первого судебного заседания или предварительного слушания, а только после того, как стороны представят соответствующие доказательства в виде свидетельских показаний и станет ясно, на какое именно заседание необходимо вызвать указанных свидетелей, то есть с возможностью предоставления секретарю судебного заседания, судье и его помощнику выбора, какого свидетеля на какое судебное заседание стоит вызвать. В то

же время в случае, если уголовное дело имеет небольшой объем и свидетелей небольшое количество, судья при подготовке к судебному заседанию может принять решение о вызове аналогичным (полностью автоматическим) способом всех свидетелей.

Еще одним полезным внедрением возможностей электронного ресурса станет применение программного обеспечения для распознавания речи в цифровом формате и перевода ее в текст из аудиозаписи судебного заседания для формирования протоколов судебных заседаний в печатном варианте. Используемое в настоящее время программное обеспечение SRS Femida осуществляет передачу звука из зала судебного заседания посредством нескольких микрофонов, установленных в обозначенном зале около каждого участника. То есть, по сути, в электронном виде записывается звук на несколько каналов (от каждого участника в отдельности), что с легкостью позволяло бы трансформировать в автоматическом режиме полученный звук (аудиозапись) в текст протокола судебного заседания также с разделением по каждому участнику, поскольку микрофон, как правило, установлен около каждого участника уголовного судопроизводства. Вообще от протоколов судебных заседаний в бумажном варианте, к слову сказать, можно было бы и отказаться вовсе, учитывая наличие цифровой аудиозаписи судебного заседания, которая в настоящее время приобщается к делу в виде электронных файлов на оптическом носителе.

Еще одним обстоятельством, затрудняющим работу суда (судьи), является отсутствие непосредственного доступа судьи к необходимым базам данных системы МВД РФ в части сведений:

- информационного центра о судимостях по конкретному региону и главного информационно-аналитического центра РФ (ГИАЦ РФ) — о судимостях по всей России;
- регионального банка данных «Регион» (РБД-Регион), а также ИБД-Ф;
- сервиса охраны общественного порядка (СООП) и т.п.

Необходимость обеспечения доступа судьи (суда) к указанным сведениям обусловлена следующими нормами закона.

Положения, предусмотренные ч. 3 ст. 60 УК РФ, прямо обязывают суд (судью) по каждому рассматриваемому уголовному делу осуществлять учет вышеуказанных сведений, отно-

сящихся к личности виновного, при назначении уголовного наказания.

При отсутствии доступа к вышеназванным базам данных это делать крайне затруднительно, так как в уголовном деле содержится неактуальная информация, приобщенная на стадии досудебного следствия, с момента завершения которого и до постановления судом приговора может пройти достаточно много времени, и рассматриваемые сведения могут поменяться.

Кроме того, при назначении наказания и применении положений, предусмотренных ст. 69, 70 УК РФ (назначение наказания по совокупности преступлений или приговоров), суд (судья) должен располагать актуальными сведениями о судимостях подсудимого. Ранее приобщенные сведения о судимостях (на стадии досудебного следствия) также могут быть неполными, что не позволит постановить в полной мере законный приговор, используя при этом самые актуальные сведения. Такая ситуация складывается ввиду того, что подсудимый может совершить ряд преступлений, иногда в различных районах (регионах), и процессы досудебного, а затем и судебного следствия осуществляются параллельно (одновременно), что не противоречит закону. Однако суд (судья) в этом случае зачастую становится заложником ситуации, так как с момента постановления тем или иным судом приговора в отношении подсудимого другим судом он (суд или судья) обязан применить положения, предусмотренные ч. 5 ст. 69 УК РФ (назначение наказаний по совокупности преступлений — если наказание постановлено исполнять реально), либо в резолютивной части приговора постановить исполнять наказание самостоятельно, в случае его назначения к отбыванию условно (с применением ст. 73 УК РФ), применительно к последнему приговору, постановленному другим судом,

про который он (судья, суд, рассматривающий уголовное дело) может и не знать.

Так, например, зачастую приговоры по другим уголовным делам постановляются другими судами в отношении подсудимого уже на стадии судебного следствия (рассмотрения) по текущему делу, что значительно затрудняет реализацию описанных выше положений (требований) закона применительно к формулировке приговора.

Так, уголовное дело № 1-21/2021 (УИД 22RS0009-01-2021-000126-35) в отношении Б. поступило в Змеиногорский городской суд Алтайского края 15 марта 2021 г.⁴⁰ После поступления обозначенного дела в указанный суд (после 15.03.2021) Рубцовским районным судом Алтайского края в отношении этого же Б. постановлен обвинительный приговор от 12.04.2021⁴¹, которым он (Б.) признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, и приговорен к 1 году 10 мес. лишения свободы, с применением ст. 73 УК РФ, условно, с испытательным сроком 1 (один) год 10 месяцев⁴². Затем Змеиногорским городским судом 19 мая 2021 г. в отношении Б. постановлен обвинительный приговор. Городским судом постановлено признать Б. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком 2 (два) года с отбыванием в исправительной колонии строгого режима, без применения ч. 5 ст. 69 УК РФ к наказанию по приговору, постановленному в отношении этого же осужденного 12 апреля 2021 г. Рубцовским районным судом Алтайского края (после поступления рассматриваемого уголовного дела в Змеиногорский городской суд, т.е. после 15 марта 2021 г.), который, как указано в резолютивной части приговора, постановлено исполнять самостоя-

⁴⁰ См.: официальный сайт Змеиногорского городского суда Алтайского края. Судебное делопроизводство. Производство по уголовным делам. Дело № 1-21/2021 (УИД 22RS0009-01-2021-000126-35) // URL: https://zmeinogorsky-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=98183535&case_uid=88de95aa-a81b-4f92-bdc0-b437f848cbdc&delo_id=1540006 (дата обращения: 18.09.2021).

⁴¹ См.: официальный сайт Рубцовского районного суда Алтайского края. Судебное делопроизводство. Производство по уголовным делам. Дело № 1-31/2021 (УИД 22RS0044-01-2021-000123-32) // URL: https://rubcovsky-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=96561589&case_uid=5849e45b-f333-4cdb-b701-5d05e2383a28&delo_id=1540006 (дата обращения: 18.09.2021).

⁴² См.: архив Рубцовского районного суда Алтайского края. Уголовное дело № 1-31/2021 (УИД 22RS0044-01-2021-000123-32).

тельно⁴³. Несмотря на то, что ч. 5 ст. 69 УК РФ в рассматриваемом случае не применялась, выяснение этих обстоятельств важно и требовало указания в рассматриваемом (последнем) приговоре Змеиногорского городского суда, что и было сделано в резолютивной части.

Прецедентом применения ч. 5 ст. 69 УК РФ в анализируемом аспекте является уголовное дело № 1-35/2020 (УИД 22RS0009-01-2020-000125-22) в отношении С., которое поступило в Змеиногорский городской суд Алтайского края 13 апреля 2020 г.⁴⁴ После этого, 3 июля 2020 г.⁴⁵ (т.е. после поступления уголовного дела в городской суд), мировым судьей судебного участка Змеиногорского района Алтайского края этот же С. осужден и признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК РФ, приговорен к 8 месяцам исправительных работ с удержанием из заработка 15 % в доход государства⁴⁶. По вышеуказанному уголовному делу № 1-35/2020 Змеиногорским городским судом постановлен обвинительный приговор 20 июля 2020 г. (т.е. после постановления обозначенного выше приговора мировым судьей). С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, и ему назначено наказание в виде 1 года 9 месяцев лишения свободы. На основании ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения с наказанием, назначенным по приговору мирового судьи судебного участка Змеиногорского района Алтайского края от 20.07.2020, С. окончательно назначено наказание в виде 1 года 10 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима⁴⁷.

В результате складывается такая ситуация, что в материалах уголовных дел, рассматриваемых в судебном заседании, сформированных на стадии досудебного следствия (задолго до

поступления дела в суд), указанные сведения, характеризующие личность подсудимого (и его судимости в том числе), зачастую неактуальны, так как они (сведения) могли быть запрошены и приобщены к делу в самом начале предварительного расследования (при возбуждении уголовного дела или даже до того), затем, после длительного расследования, иногда затягивающегося на несколько месяцев или лет, дело направляется в суд, но сведения зачастую не обновляются (не актуализируются), что заставляет судью в целях актуализации самостоятельно запрашивать их из того или иного подразделения МВД России, что также затягивает процесс рассмотрения дела в суде. Проблема даже не всегда в том, что орган расследования не приобщает актуальные, характеризующие личность обвиняемого (подсудимого) данные, так как иногда приговоры по одним уголовным делам постановляются в период рассмотрения в суде других уголовных дел по этому же подсудимому, в связи с чем указанный орган расследования может не знать об этих данных (сведениях) в принципе. Проблема кроется зачастую в простом отсутствии в распоряжении судьи (суда) оперативного доступа к соответствующим базам данных.

Стоит отметить, что иногда нужны и актуальные сведения о судимостях потерпевшего по уголовному делу, к примеру, когда он (потерпевший) не является в судебное заседание, но стороны настаивают на его явке для выяснения значимых для дела вопросов. Потерпевший в это время может отбывать наказание в виде лишения свободы по другому уголовному делу, на что укажут сведения о его судимостях. Эта информация также может понадобиться, когда потерпевший, имеющий ряд судимостей, дает показания в пользу подсудимого, исходя при этом из чувства «товарищества», понимая, что

⁴³ См.: архив Змеиногорского городского суда Алтайского края. Уголовное дело № 1-21/2021 (УИД 22RS0009-01-2021-000126-35).

⁴⁴ См.: официальный сайт Змеиногорского городского суда Алтайского края. Судебное делопроизводство. Производство по уголовным делам. Дело № 1-35/2021 (УИД 22RS0009-01-2020-000125-22) // URL: https://zmeinogorsky-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=95312927&case_uid=3e851e71-66a3-4ea2-80dc-89b9b5a3396b&delo_id=1540006 (дата обращения: 18.09.2021).

⁴⁵ См.: официальный сайт Судебного участка Змеиногорского района Алтайского края. Дело № 1-10/2020 // URL: http://zmrn.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=84452665&delo_id=1540006 (дата обращения: 18.09.2021).

⁴⁶ См.: архив судебного участка Змеиногорского района Алтайского края. Уголовное дело № 1-10/2020.

⁴⁷ См.: архив Змеиногорского городского суда Алтайского края. Уголовное дело № 1-35/2020 (УИД 22RS0009-01-2020-000125-22).

подсудимый тоже может лишиться свободы, чего не желает сам потерпевший. В последнем случае это необходимо для мотивировки в приговоре причин, по которым суд относится критически к показаниям потерпевшего.

Решение этих проблем видится в предоставлении судье (суду) доступа к обозначенным выше электронным базам данных (к описанным выше сведениям) непосредственно с рабочего компьютера по принципу нажатия одной кнопки, т.е. с формированием запросов на основе ранее внесенных в электронную картотеку сведений о подсудимом (его анкетных данных: Ф.И.О., даты и места рождения) либо ином участнике уголовного судопроизводства (потерпевшем) с последующим автоматическим поступлением этих сведений на рабочий компьютер судьи и предоставлением соответствующего электронного уведомления (напоминания).

Резюмируя вышесказанное, предлагаем на законодательном уровне закрепить применение и фактически внедрить в судебную практику приведенные выше нововведения, в частности использование в автоматическом режиме (при регистрации дела в суде) перечисленных выше баз данных (электронных сервисов) и систем, в том числе путем направления соответствующих электронных запросов через электронный документооборот, а именно: в ФНС России (для определения доходов) и в целях получения выписок из ЕГРН (для выяснения наличия либо отсутствия объектов недвижи-

мости) и уточнения иной информации по вопросам материального положения участников уголовного судопроизводства (потерпевшего и подсудимого — прежде всего); использование указанных выше автоматических и полуавтоматических способов извещения участников уголовного судопроизводства; применение программного обеспечения по распознаванию речи с переводом ее в текст для подготовки протоколов судебных заседаний (либо отказа от них вовсе — при наличии аудиозаписи, приобщенной к уголовному делу); предоставление доступа суду к обозначенным выше базам данных системы МВД РФ для получения судьей (судом) необходимой и полезной для рассмотрения уголовного дела информации и т.д.

Указанные нововведения предлагается реализовать с возможностью их использования в автоматическом режиме при регистрации уголовного дела в электронной картотеке суда, а именно при его поступлении из прокуратуры с обвинительным заключением (актом, постановлением), без необходимости обязательного фактического участия судьи (для экономии времени последнего).

Введение предлагаемых мер позволит существенно сократить временные затраты работников аппарата суда, судей и их помощников при подготовке к рассмотрению и при рассмотрении судебных дел, а также повысит качество принимаемых судебных решений в части установления всех значимых для дела обстоятельств и квалификации содеянного.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гильманов Р. Д. Электронное правосудие как элемент электронной демократии // Роль инновационных технологий в развитии науки и общества : сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (Смоленск, 10 мая 2019 г.). — Смоленск : Наукосфера, 2019. — С. 39–40.
2. Голубцов В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. — 2019. — Т. 9. — № 1. — С. 170–188.
3. Гулемин А. Н. На пути к электронному государству: зарубежный и международный опыт электронного правосудия // Право и политика. — 2015. — № 12. — С. 1714–1718. — DOI: 10.7256/1811-9018.2015.12.17059.
4. Денисов И. С. Электронное правосудие как элемент электронного государства // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2012. — № 3 (22). — С. 186–190.
5. Ковикова К. С. Искусственный интеллект как элемент электронного правосудия: смарт-решение и электронные весы правосудия // Образование и право. — 2020. — № 3. — С. 240–244. — DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10340.
6. Курячая М. М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 7. — С. 52–54.

7. Момотов В. В. Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность // Российская юстиция. — 2021. — № 7. — С. 2–9. — DOI: 10.52433/01316761_2021_7_2.
8. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 2 (46). — С. 135–145. — DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10222.
9. Шестернина Д. С. Вопросы реализации стандартов правосудия в условиях применения электронной процессуальной формы и развития системы «электронного правосудия» // Меридиан : научный электронный журнал. — 2020. — № 4 (38). — С. 147–149.
10. Pham N. H. Electronic data and electronic evidence in Vietnam's criminal procedure code 2015 // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 9. — С. 1146–1155.

Материал поступил в редакцию 19 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Gilmanov RD. Elektronnoe pravosudie kak element elektronnoy demokratii [Electronic justice as an element of electronic democracy]. In: Rol innovatsionnykh tekhnologiy v razvitii nauki i obshchestva : sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Smolensk, 10 maya 2019 g.) [The role of innovative technologies in the development of science and societ. Proceedings of scientific papers of the 1 International Scientific and Practical Conference (Smolensk, May 10, 2019)]. Smolensk: Naukosphera; 2019. (In Russ.)
2. Golubtsov VG. Elektronnye dokazatelstva v kontekste elektronnoy pravosudiya [Electronic evidence in the context of electronic justice]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa [Herald of Civil Procedure]*. 2019;9(10):170-188. (In Russ.)
3. Gulemin AN. Na puti k elektronnomu gosudarstvu: zarubezhnyy i mezhdunarodnyy opyt elektronnoy pravosudiya [On the way to an electronic state: Foreign and international experience of electronic justice]. *Pravo i politika [Law and politics]*. 2015;12:1714-1718. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.12.17059. (In Russ.)
4. Denisov IS. Elektronnoe pravosudie kak element elektronnoy gosudarstva [Electronic justice as an element of an electronic state]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii [Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest]*. 2012;3(22):186-190. (In Russ.)
5. Kovikova KS. Iskusstvennyy intellekt kak element elektronnoy pravosudiya: smart-reshenie i elektronnye vesy pravosudiya [Artificial intelligence as an element of electronic justice: Smart solution and electronic scales of justice]. *Obrazovanie i pravo [Education and law]*. 2020;3:240-244. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10340. (In Russ.)
6. Kuryachaya MM. Elektronnoe pravosudie kak neobkhodimyy element elektronnoy demokratii v sovremennoy Rossii [Electronic justice as a necessary element of electronic democracy in modern Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2013;7:52-54. (In Russ.)
7. Momotov VV. Elektronnoe pravosudie v Rossiyskoy Federatsii: mif ili realnost [Electronic Justice in the Russian Federation: Myth or Reality]. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2021;7:2-9. DOI: 10.52433/01316761_2021_7_2. (In Russ.)
8. Polyakov MP, Smolin AYu. Kontseptologicheskiy analiz fenomena elektronnykh dokazatelstv [Conceptological analysis of the phenomenon of electronic evidence]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2019;2(46):135-145. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10222. (In Russ.)
9. Shesternina DS. Voprosy realizatsii standartov pravosudiya v usloviyakh primeneniya elektronnoy protsessualnoy formy i razvitiya sistemy «elektronnoy pravosudiya» [Issues of the implementation of justice standards in the context of the use of electronic procedural form and the development of the «electronic justice» system]. *Meridian: Scientific electronic journal*. 2020;4(38):147-149. (In Russ.)
10. Pham NH. Electronic data and electronic evidence in Vietnam's criminal procedure code 2015. *Questions of Russian Justice*. 2020;9:1146-1155.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.119-127

И. А. Трофимец*

К вопросу о понятийном аппарате правового института информационной безопасности в Испании

Аннотация. Статья посвящена понятийному аппарату в связи с важностью его предметной системообразующей роли в праве. Автор обращает внимание на то, что в специальной терминологии проявляется функциональная обособленность отраслей права и правовых институтов. В поле зрения автора — особый институт информационного права информационная безопасность (кибербезопасность). Объектом исследования является глоссарий терминов кибербезопасности, представленный в ст. 3 Королевского указа-закона 12/2018 от 7 сентября «О безопасности сетей и информационных систем» и достижения доктрины по этому вопросу. Предпринята попытка доказать, что законодательное дефинирование нуждается в научном комментировании и толковании, что значительно облегчает правоприменительную деятельность, но никоим образом не подменяет нормотворчество. Собственная терминологическая база отрасли права и правового института способствует эффективному правовому регулированию общественных отношений, составляющих их предмет. Сделан вывод, что информационная безопасность охватывает защиту как информационных систем, так сетей и устройств (компьютеров), представляя собой синтез организационных, технических и юридических мер. В статье подчеркивается, что использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) способствует беспрецедентному развитию обмена информацией, которое наряду с удобствами несет в себе серьезные риски и угрозы для глобализованного мира. И именно институт кибербезопасности призван защитить информационное общество от разного рода правонарушений в Интернете. В заключение указывается, что, хотя понятийный аппарат института информационной безопасности сформирован, по-прежнему остро стоит проблема денотации и коннотации правовых понятий, связанная с правильным использованием специальных юридических (или ставших юридическими) терминов, требующая решения на законодательном уровне.

Ключевые слова: кибербезопасность; информационная безопасность; безопасность информационных систем и сетей; организационные меры; юридические меры; технические меры; понятийный аппарат; правовой институт; юридические термины; технические термины.

Для цитирования: Трофимец И. А. К вопросу о понятийном аппарате правового института информационной безопасности в Испании // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 119–127. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.119-127.

On Conceptual Apparatus of the Legal Institute of Information Security in Spain

Irina A. Trofimets, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Spain
Velasquez Street, 155, Madrid, Kingdom of Spain, 28002
kosareva-khv@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the conceptual apparatus in connection with the importance of its subject system-forming role in law. The author draws attention to the fact that the functional isolation of branches of law and legal institutions is manifested in special terminology. The author considers a special institute of

© Трофимец И. А., 2022

* Трофимец Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, Посольство Российской Федерации в Королевстве Испания

Ул. Веласкеса, д. 155, г. Мадрид, Королевство Испания, 28002
kosareva-khv@mail.ru

information law, namely information security (cybersecurity). The object of the study is a glossary of cybersecurity terms, presented in Article 3 of the Royal Decree-Law 12/2018 of September 7 «On the security of networks and information systems» and the achievements of the doctrine on this issue. An attempt has been made to prove that legislative definition needs scientific commentary and interpretation, which greatly facilitates law enforcement activities, but in no way replaces rulemaking. The proprietary terminology base of the branch of law and the legal institute contributes to the effective legal regulation of public relations that make up their subject. It is concluded that information security covers the protection of both information systems and networks and devices (computers), representing a synthesis of organizational, technical and legal measures. The paper emphasizes that the use of information and communication technologies (ICT) contributes to the unprecedented development of information exchange, which, along with convenience, carries serious risks and threats to the globalized world. It is the cybersecurity institute that is designed to protect the information society from various kinds of offenses on the Internet. In conclusion, it is indicated that, although the conceptual apparatus of the Institute of Information Security has been formed, there is still an acute problem of denotation and connotation of legal concepts associated with the correct use of special legal (or legal) terms that require solutions at the legislative level.

Keywords: cybersecurity; information security; security of information systems and networks; organizational measures; legal measures; technical measures; conceptual apparatus; legal institution; legal terms; technical terms.

Cite as: Trofimets IA. K voprosu o ponyatiynom apparate pravovogo instituta informatsionnoy bezopasnosti v Ispanii [On Conceptual Apparatus of the Legal Institute of Information Security in Spain]. *Lex russica*. 2022;75(3):119-127. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.119-127. (In Russ., abstract in Eng.).

Становление глобального информационного общества и переход к обществу знаний требует соответствующего правового регулирования новых общественных отношений. Информационное право призвано решить эту проблему. Как любая отрасль права, информационное право представляет собой упорядоченную систему правовых норм, сформированных в правовые институты. Немаловажное место в системе информационного права занимает институт безопасности сетей и информационных систем (информационная безопасность, кибербезопасность). Безопасность сетей и информационных систем является серьезной и общей проблемой как на международном, так и национальном уровне и предполагает интегральный подход к ее решению¹. Так, например, имплементация в информационное право Испании Директивы (ЕС) 2016/1148 Европейского парламента и Совета от 06.07.2016² способствует применению мер, направленных на обеспечение высокого общего уровня безопасности сетей и информационных систем. Но особую роль в правовой системе играет термино-

логическая база, а именно нормы-дефиниции, содержащиеся в нормативных правовых актах, и определения, сформулированные учеными. Правильная концепция понятийного аппарата является первой ступенью в эффективном правовом регулировании. Информационное право — это молодая отрасль права, объективно имеет место необходимость обозначить и объяснить новые общественные отношения, являющиеся ее предметом. Понятийный аппарат отрасли информационного права и ее правовых институтов — явление динамическое, изменяющееся параллельно с юридической и технической лексикой, призванное материально и функционально обеспечить защиту информационных систем, сетей и специального оборудования (компьютеров) и гарантировать цифровые права гражданам и иным субъектам правоотношений. По мнению И. Л. Бачило, «упорядочение понятийного аппарата как связующего и вместе с тем дифференцирующего механизма в структуре правовой системы и практики применения актов и норм законодательства в современных условиях не только

¹ Robles Carrillo M. Seguridad de redes y sistemas de información en la Unión Europea: ¿un enfoque integral? // Revista de Derecho Comunitario Europeo 2018. № 22 (60). Págs. 563–600. ISSN 1138-4026.

² Директива № 2016/1148 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О мерах по достижению высокого общего уровня безопасности сетевых и информационных систем Союза» [рус., англ.] (вместе с Требованиями к группам реагирования на инциденты, связанные с компьютерной безопасностью (CSIRTs) и их задачами, Типами предприятий и цифровых услуг) (принята в г. Страсбурге 06.07.2016).

имеет технико-технологическое значение, но и является предметом внимания информационной безопасности, а в целом определяет эффективность и культуру правовой науки и законодательства»³.

Большой вклад в теоретическую разработку понятийного аппарата института кибербезопасности внесли испанские ученые Р. Барзаналлана, М. Х. Карасо Либана, А. Х. Кастро, Д. Фернандес Бермехо, Г. Мартинес Атьенс, Х. Лосано Мираллес, Н. Марилена Алина, А. Мартин Ромеро, М. Роблес Каррильо, Х. Салгейру, Х. Тобал⁴ и др., уделявшие внимание дефинированию специальных юридических терминов, логико-лингвистической процедуре раскрытия содержания через выделение существенных характерных признаков новых правовых категорий.

Безусловно, прогрессивные достижения ученых-юристов законодатели используют в своей нормотворческой деятельности. Ярким примером является испанская правовая система, где доктрина может служить источником права для регулирования общественных отношений. Представляется, что доктрина может быть отнесена к косвенным источникам права, поскольку основывается на действующих правовых нормах. Аргументы юристов-ученых правоприменитель может использовать для правильного толкования правовых норм, значение которых неоднозначно или входит в противоречие с другими правовыми нормами и требует дополнительного разъяснения, а также в случае отсылки к спорному юридическому понятию и отсутствия в законе его определения. Для внесения ясности и разрешения правовых колли-

зий возможно обратиться к системе знаний, разработанной авторитетными учеными-юристами.

Национальная стратегия кибербезопасности в Испании⁵ согласована со Стратегией национальной безопасности, в которой определяются цели и меры по достижению и поддержанию высокого уровня защиты сетей и информационных систем. Базовым нормативным правовым актом института информационной безопасности является упомянутый ранее Королевский указ-закон 12/2018 от 7 сентября «О безопасности сетей и информационных систем», в ст. 3 которого определены следующие важные юридические термины: основные услуги, цифровые услуги, операторы основных услуг, поставщики цифровых услуг, сети, информационные системы, цифровые данные и другие, которые составляют понятийный аппарат правового института информационной безопасности. Законодательно в терминологическую основу включены более 20 дефиниций, позволяющих гармонизировать правовые нормы и унифицировать правоприменительную деятельность. Как общая тенденция отмечается слияние в законодательстве юридических и технических терминов. Вместе с тем некоторые категории настолько сложные для понимания, что выразить их через дефиниции просто невозможно, требуется особое разъяснение, толкование специальных слов, словосочетаний, объясняющих их, другими словами, не исключаются ситуации, когда одно неизвестное выражается через другое, которому также необходимо дать понятие, и нередко на уровне закона, для того чтобы избежать терминологической путаницы. Неко-

³ Бачило И. Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 3. С. 8.

⁴ Barzanallana R. Introducción a la Seguridad Informática. Murcia, 2021. 65 p. ; Caraso Liebana M. J. El Derecho de la protección de datos. Madrid, 2021. 169 p. ; Castro J. A. Opinión: La ciberseguridad: el reto de la transformación digital // URL: <https://www.america-retail.com/opinion/opinion-la-ciberseguridad-el-reto-de-la-transformacion-digital/> (дата обращения: 22.12.2021) ; Fernández Bermejo D., Martínez Atienza G. Ciberseguridad, Ciberespacio y Ciberdelincuencia. Pamplona, 2018. 236 p. ; Lozano Miralles J. La lucha contra el terrorismo en el marco del sistema de seguridad nacional. Pamplona, 2021. 411 p. ; Marilena Alina N. Análisis a la Ley de Ciberseguridad ¿Qué supone su aplicación? // URL: <https://www.dpoitlaw.com/analisis-a-la-ley-de-ciberseguridad-que-supone-su-aplicacion/> (дата обращения: 22.12.2021) ; Martín Romero A. Seguridad Informática y Alta Disponibilidad. Zaragoza, 2021. 403 p. ; Robles Carrillo M. Op. cit. ; Salgueiro J. Comentarios sobre la ciberseguridad en la seguridad privada // URL: <https://www.interempresas.net/Ciberseguridad/Articulos/240015-Comentarios-sobre-la-ciberseguridad-en-la-seguridad-privada.html> (дата обращения: 22.12.2021) ; Tobal J. Ciberseguridad. Madrid, 2020. 258 p.

⁵ Официально используемый термин *кибербезопасность* — полисемичный термин, обозначающий правовой институт отрасли права (информационного права) и элемент особых публичных общественных отношений (национальной безопасности).

торые понятия не истолковываются законодателем ввиду их общепринятой коннотации.

Представляется, что изучение понятийного аппарата правового института *безопасность сетей и информационных систем* следует начать с разъяснения категорий «*безопасность сетей и информационных систем*», «*информационная безопасность*» и «*кибербезопасность*»⁶. Испанский законодатель использует терминологию *безопасность сетей и информационных систем* и детерминирует эту категорию как способность сетей и информационных систем противостоять с определенным уровнем надежности любым действиям, которые ставят под угрозу доступность, подлинность, целостность или конфиденциальность данных, хранящихся, передаваемых или обрабатываемых, а также соответствующих услуг, предлагаемых такими сетями и информационными системами или доступных через них (п. «в» ст. 3 Королевского указа-закона 12/2018 от 7 сентября «О безопасности сетей и информационных систем»)⁷. С точки зрения Н. Марилены Алины⁸, категории «*безопасность сетей и информационных систем*», «*кибербезопасность*», а также «*информационная безопасность*» являются идентичными и представляют собой набор правил, процедур и инструментов, цель которых гарантировать доступность, целостность, конфиденциальность, а также правильное использование информации, содержащейся в информационных системах, и защиту сетей. По мнению А. Х. Кастро, следует применять исключительно термин «*кибербезопасность*». Кроме того, ученый отмечает, что сегодня именно *кибербезопасность* является одним из краеугольных камней процесса цифровой трансформации, в котором находятся государства, общество и граждане, и решение этих вопросов должно быть совместным⁹. Особенно обострились проблемы *кибербезопасности* в период пандемии COVID-19, когда ИКТ, обеспечивая социальные связи во время массовых ограничений и изоляции по мотивам здравоохранения, стали наи-

более подвержены новым вызовам и угрозам, увеличивается число инцидентов¹⁰.

Кибербезопасность может быть определена как защита информации в цифровом формате (цифровой информации) за счет комплекса организационных, технических и юридических мер. За миром Интернета стоят люди и (или) их объединения, и право призвано регулировать отношения между ними, имеющими доступ к ИКТ. Это особые субъекты правоотношений, чей юридический статус отличается многообразием (государство, муниципальные образования и частные лица). Искусственный интеллект субъектом правоотношений пока не признается, отнесен к категории объектов.

Дискуссионным с научной точки зрения остается вопрос об объектах правоотношений. Думается, что объектом защиты являются сама информация, а также информационные системы и сети. Термин «информация» не нашел на территории Испании прямого законодательного дефинирования, он отождествлен с категорией «цифровые данные», которая также не имеет формального закрепления, поскольку считается общепринятой и устоявшейся, представляя собой сведения, получаемые, хранимые, передаваемые с помощью ИКТ. Р. Барзаналлана, рассуждая об этимологии слова «информация» (от лат. *informatio* — «формировать ум», «дисциплинировать», «инструктировать», «учить»), выражает сомнения в тождественности его происхождения и современной интерпретации¹¹. Вместе с тем многие понятия, сопутствующие информации, информационным системам и сетям как объектам информационной безопасности, официально определены, что позволяет правильно применять эти правовые категории.

Наиболее связаны с объектом информационной безопасности понятия, закрепленные в законе, — это *основные услуги* и *цифровые услуги*, которые можно определить как особый вид деятельности специальных субъектов, связанный со сбором, обработкой, хранением, передачей и распространением информации

⁶ Дискуссию по вопросу тождественности категорий «информационная безопасность» и «кибербезопасность» см.: Трофимец И. А. Информационная безопасность в информационной сфере записей актов гражданского состояния // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2021. № 3 (46).

⁷ Real Decreto-ley 12/2018, de 7 de septiembre, de seguridad de las redes y sistemas de información // BOE. Núm. 218. 08.09.2018. Pág. 87675–87696.

⁸ Nastasache Marilena Alina. Op. cit.

⁹ Castro J. A. Op. cit.

¹⁰ Tobal J. Op. cit.

¹¹ Barzanallana R. Op. cit. P. 1.

с применением ИКТ, требующий правовой охраны. Основные услуги включены в стратегические секторы, относящиеся к критическим инфраструктурам, это те услуги, которые необходимы для поддержания первоочередных социальных функций, связанных с охраной здоровья, личной безопасностью, экономическим благополучием граждан и эффективным функционированием государственных органов власти; их предоставление зависит от сетей и информационных систем. С точки зрения информационного права *основные услуги* также являются цифровыми (электронными) по своему формату.

Цифровые услуги представляют собой онлайн-рынки, онлайн-поисковые системы и сервисы облачных вычислений. В отношении видов цифровых услуг содержится отсылочная норма, их перечень закреплен в приложении «а» к Закону 34/2002 от 11 июля «Об услугах информационного общества и электронной коммерции»¹². В качестве разновидности испанский законодатель выделяет *услугу облачных вычислений*, под которой понимается цифровая услуга, обеспечивающая доступ к модульному и гибкому набору вычислительных ресурсов, используемых совместно.

Технологические достижения в области информации привели к появлению новых объектов, ценностей и активов, подлежащих дефинированию и нуждающихся в правовом регулировании и защите¹³. Категории, имеющие прямое отношение к информационным системам и сетям, широко представлены в Королевском указе-законе, что облегчает задачу правоприменительных органов при рассмотрении вопросов информационной безопасности. Многие специальные понятия получили разъяснение. *Сети электронных коммуникаций* или *информационные сети* — это техническое устройство или группа устройств, взаимосвязанных друг с другом, одно или несколько из которых выполняют с помощью программ автоматическую обработку *цифровых данных*, то есть сведений (*информации*), хранящихся, обрабатываемых, восстанавливающихся или передающихся с помощью технических устройств (машин).

Однако не все технические термины, встречающиеся в юридической практике, получили официальное детерминирование. *Точка обмена интернет-трафиком (Internet Exchange Point — IXP)* — сетевая установка, соединяющая более двух независимых автономных систем, в основном для облегчения обмена интернет-трафиком. *IXP* позволяет автономным системам подключаться друг к другу, не требуя прохождения интернет-трафика между любой парой участвующих автономных систем через третью автономную систему, а также без изменения или иного вмешательства в такой трафик. *Система доменных имен (Domain Name System — DNS)* — иерархически распределенная система, которая отвечает на запросы, предоставляя информацию, связанную с доменными именами, в частности относящуюся к идентификаторам, используемым для поиска и адресации компьютеров в Интернете. *Реестр доменных имен* — организация, которая управляет и направляет реестр доменных имен Интернета в конкретном домене. *Интернет-рынок* — это спрос-предложения цифровых услуг, которые позволяют потребителям и предпринимателям (поставщикам-исполнителям) заключать договоры о продаже или предоставлении онлайн-услуг либо на определенном веб-сайте рыночной онлайн-услуги, либо на веб-сайте предпринимателя (поставщика-исполнителя). *Интернет-поисковая система* — цифровая служба (сервис), позволяющая пользователям выполнять поиск, в принципе, на всех веб-сайтах с помощью запроса по теме в форме ключевого слова, фразы или другого типа записи, результатом запроса является указание ссылок, по которым можно найти информацию, относящуюся к запрашиваемому контенту. Как видно из приведенных определений, правовые категории являются по происхождению техническими. На юридические проблемы, возникающие при администрировании сетевых информационных систем, обращал внимание А. Мартин Ромеро в работе «Безопасность и высокая доступность», подчеркивая важность официального разъяснения технических понятий¹⁴. В отношении таких терминов, как «*технический стандарт*» и «*техническая спецификация*»,

¹² Ley 34/2002, de 11 de julio, de servicios de la sociedad de la información y de comercio electrónico // BOE. Núm. 166. 12.07.2002.

¹³ Fernández Bermejo D., Martínez Atienza G. Op. cit. P. 36.

¹⁴ Martín Romero A. Op. cit.

используются международные определения, закрепленные соответственно в ст. 2.1 и 2.4 Регламента (ЕС) № 1025/2012 Европейского парламента и Совета от 25.10.2012 «О европейской стандартизации»¹⁵.

Как отмечалось, круг лиц, в отношении которых обеспечивается информационная безопасность, — это специальные субъекты, имеющие доступ к ИКТ. *Оператор основных услуг* имеет принадлежность к Испании, когда его резиденция или зарегистрированный офис находится на национальной территории, при условии что они совпадают с местом, где административное управление его деятельностью централизовано. Аналогичным образом Королевский указ-закон должен применяться к основным услугам, которые операторы-резиденты или операторы-нерезиденты предлагают через постоянное представительство, расположенное в Испании. Операторы сетей и услуг цифровых (электронных) коммуникаций и доверенные поставщики цифровых (электронных) услуг, которые не определены в качестве критических операторов, не подпадают под юрисдикцию этого законодательного акта. Закон 8/2011 от 28 апреля¹⁶, устанавливающий меры по защите критически важных инфраструктур, содержит критерии отнесения субъекта к категории «оператор основных услуг». Список основных услуг и операторов этих услуг обновляется для каждого сектора раз в два года согласно отраслевым стратегическим планам. Когда оператор основных услуг предлагает услуги в других странах Европейского Союза, он обязан проинформировать о своем намерении единые контактные пункты этих государств. В случае если операторы основных услуг обозначены как критически важные операторы независимо от стратегического сектора, в котором сделано такое назначение, то контролирующими и надзорными органами выступают Секретариат государственной безопасности, Министерство внутренних дел через Национальный центр защиты

инфраструктуры и кибербезопасности (CNPIC). Другими координирующими органами являются Национальный криптологический центр (CCN-CERT) и Национальный институт кибербезопасности Испании (INCIBE-CERT). Особую компетенцию имеет Министерство обороны Испании в лице специализированной структуры реагирования (ESPDEF-CERT). В случае если оператор основных услуг не является критически важным оператором, то координирующим и контролирующим выступает соответствующий отраслевой орган государственной власти. Компетентные структуры должны координировать свои действия друг с другом и с различными отраслевыми органами, чтобы избежать дублирования требуемых обязательств и облегчить их выполнение операторами основных услуг. В качестве тождественного термина «оператор основных услуг» используется «критический оператор». Частным случаем является «критически важный оператор». Думается, что такой подход оправдан, поскольку характеризует сферу деятельности *оператора основных услуг* — это критическая инфраструктура, что позволяет избегать ошибок с квалификацией этих субъектов, а выделение внутри нее *важной критической инфраструктуры* указывает на особую значимость отдельных сфер государственной деятельности. Представляется, что организация деятельности субъектов ИКТ в режиме благоприятствования имеет важное значение для информационного общества, в том числе за счет надежной системы безопасности, наделением органов власти определенными полномочиями в сфере цифровизации.

Поставщики цифровых услуг — это организации, которые учреждены в Европейском Союзе и имеют зарегистрированный офис в Испании, а также те, которые не созданы в Европейском Союзе, но назначают в Испании своего представителя для соблюдения Директивы (ЕС) 2016/1148 Европейского парламента и Совета от 06.07.2016, за исключением постав-

¹⁵ Регламент № 1025/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О европейской стандартизации, изменении Директив 89/686/ЕЭС и 93/15/ЕЭС Совета ЕС и Директив 94/9/ЕС, 94/25/ЕС, 95/16/ЕС, 97/23/ЕС, 98/34/ЕС, 2004/22/ЕС, 2007/23/ЕС, 2009/23/ЕС и 2009/105/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС и отмене Решения 87/95/ЕЭС Совета ЕС и Решения 1673/2006/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС» [рус., англ.] (вместе с Европейскими организациями..., Требованиями к идентификации технических условий в области информационных и коммуникационных технологий, Заинтересованными организациями, имеющими право на финансирование, Корреляционной таблицей) (принят в г. Страсбурге 25.10.2012).

¹⁶ Ley 8/2011, de 28 de abril, por la que se establecen medidas para la protección de las infraestructuras críticas // BOE. Núm. 102. 29.04.2011.

щиков цифровых услуг, относящихся к категории «малый бизнес». Поставщики цифровых услуг должны сообщать о своей деятельности компетентному органу в течение трех месяцев с момента ее начала. *Представитель* — это физическое или юридическое лицо, учрежденное в Европейском Союзе, которое уполномочено действовать от имени поставщика цифровых услуг, нерезидента Европейского Союза, и которому национальный компетентный орган или CSIRT предъявляет требования в отношении обязательств, возлагаемых на поставщика цифровых услуг.

Цифровые права и цифровые данные (цифровая информация) — сравнительно новые правовые категории, недавно получившие официальное разъяснение. Особое место в институте кибербезопасности занимает сегмент защиты *персональных данных граждан*. Определение *персональных данных граждан* относится к категории т.н. «резиновых», поскольку невозможно исчерпывающе обозначить, какие сведения их составляют. Любая информация личного характера, затрагивающая частную или семейную жизнь гражданина, является его персональными данными. Согласно ст. 18.4 Конституции Испании¹⁷, «закон должен ограничивать использование информационных технологий, чтобы гарантировать честь, личную и семейную тайну граждан и полное осуществление права». С точки зрения Х. Сальгейру, «...эволюция информационных и коммуникационных технологий, особенно с развитием Интернета, означает, что сети и информационные системы в настоящее время играют решающую роль в обществе, что не исключает обеспечение кибербезопасности граждан, их данных»¹⁸. М. Х. Карасо Либана предлагает уделять особое внимание при оказании цифровых услуг защите персональных данных, что, по его мнению, приобретает актуальность в период расширения рынка таких услуг¹⁹. И действительно, в рамках института кибербез-

опасности в Испании уделено много внимания защите *персональных граждан* как особого объекта правовой охраны и предмета Органического закона 3/2018 от 5 декабря «О защите персональных данных и гарантии цифровых прав»²⁰. Данный нормативный правовой акт призван адаптировать правовую систему Испании к Регламенту (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27.04.2016²¹, касающемуся защиты физических лиц в отношении обработки их персональных данных и свободного обращения этих данных. К сожалению, в данном нормативном правовом акте отсутствуют нормы-дефиниции, которые можно было бы имплементировать в национальную правовую систему Испании.

Вопросы нарушения информационной безопасности раскрываются через специальную терминологию. *Риск* — любые идентифицируемые обстоятельства или факты, которые могут отрицательно повлиять на безопасность сетей и информационных систем. Риск можно количественно оценить как вероятность материализации угрозы, оказывающей воздействие с точки зрения работоспособности, физической целостности субъектов и объектов. *Инцидент* — неожиданное или нежелательное событие с последствиями в виде ущерба безопасности сетей и информационных систем. Обязательна оценка воздействия инцидента на предоставление основной услуги и (или) цифровой услуги на протяженность пространства (территории), на которое он может повлиять, выявление зависимости других стратегических секторов от основных услуг и влияние с точки зрения степени его продолжительности на экономическую и социальную деятельность, а также государственную и общественную безопасность. *Управление инцидентами* — процедуры, применяемые для обнаружения, анализа и ограничения инцидента, а также реагирования на него. Создаются специальные группы реагирования на инциденты компьютерной безопасности (CSIRT).

¹⁷ Constitución Española // BOE. Núm. 311. 29.12.1978.

¹⁸ Salgueiro J. Op. cit.

¹⁹ См.: Caraso Liebana M. J. Op. cit.

²⁰ Ley Orgánica 3/2018, de 5 de diciembre, de Protección de Datos Personales y garantía de los derechos digitales // BOE. Núm. 294. 06.12.2018. Pág. 119788–119857.

²¹ Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27.04.2016 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных) // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/txnreg/depsanmer/consumer_rights/Documents/pdf (дата обращения: 22.01.2022).

Все законодательные дефиниции можно разделить условно на группы. Первую группу представляют определения объектов и связанных с ними категорий (цифровые данные, основные услуги, цифровые услуги, информационные системы, сети и др.). Ко второй относятся дефиниции субъектов информационной безопасности (оператор основных услуг, поставщик цифровых услуг, контрольно-надзорные органы и организации и др.). Третью группу составляют технические термины, которые получили юридическое признание (доменные имена, реестр доменных имен, точка обмена интернет-трафиком и др.). Особое место занимают понятия, разъясняющие нарушение кибербезопасности (риск, угроза, инцидент, управление инцидентами и др.). Понятийный аппарат, сформиро-

ванный из легальных дефиниций или т.н. норм-определений, тем не менее в ряде случаев нуждается в расширительном толковании. По этой причине наиболее сложные и важные термины, а также отношения, связанные с ними, детально регламентируются в других законодательных актах или научных работах. Это касается таких категорий, как основные услуги, цифровые услуги, оператор основных услуг, поставщик цифровых услуг. Испанский законодатель использует именно такой прием юридической техники — дает дополнительное объяснение ранее детерминированным категориям. В качестве недостатка можно отметить, что такой подход усложняет содержание нормативного правового акта и его применение на практике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бачило И. Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права РАН. — 2016. — № 3. — С. 5–16.
2. Понятийный аппарат в информационном праве / отв. ред. И. Л. Бачило, В. Б. Наумов, Т. А. Полякова. — М., 2017. — 264 с.
3. Трофимец И. А. Информационная безопасность в информационной сфере записей актов гражданского состояния // Вестник ВГУ. Серия «Право». — 2021. — № 3 (46).
4. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований : монография / под общ. ред. А. Н. Савенкова ; отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалева. — М. : РГ-Пресс, 2021. — 344 с.
5. Barzanallana R. Introducción a la Seguridad Informática. — Murcia, 2021. — 65 p.
6. Caraso Liebana M. J. El Derecho de la protección de datos. — Madrid, 2021. — 169 p.
7. Castro Jose A. Opinión: La ciberseguridad: el reto de la transformación digital // URL: <https://www.america-retail.com/opinion/opinion-la-ciberseguridad-el-reto-de-la-transformacion-digital/> (дата обращения: 22.12.2021).
8. Fernández Bermejo D., Martínez Atienza G. Ciberseguridad, Ciberespacio y Ciberdelincuencia. — Pamplona, 2018. — 236 p.
9. Lozano Miralles J. La lucha contra el terrorismo en el marco del sistema de seguridad nacional. — Pamplona, 2021. — 411 p.
10. Marilena Alina N. Análisis a la Ley de Ciberseguridad ¿Qué supone su aplicación? // URL: <https://www.dpoitlaw.com/analisis-a-la-ley-de-ciberseguridad-que-supone-su-aplicacion/> (дата обращения: 22.12.2021).
11. Martín Romero A. Seguridad Informática y Alta Disponibilidad. — Zaragoza, 2021. — 403 p.
12. Robles Carrillo M. Seguridad de redes y sistemas de información en la Unión Europea: ¿un enfoque integral? // Revista de Derecho Comunitario Europeo. — 2018. — № 22 (60). — P. 563–600. — ISSN 1138-4026.
13. Salgueiro J. Comentarios sobre la ciberseguridad en la seguridad privada // URL: <https://www.interempresas.net/Ciberseguridad/Articulos/240015-Comentarios-sobre-la-ciberseguridad-en-la-seguridad-privada.html> (дата обращения: 22.12.2021).
14. Tobal J. Ciberseguridad. — Madrid, 2020. — 258 p.

Материал поступил в редакцию 30 января 2022 г.

REFERENCES

1. Bachilo IL. Ponyatiynyy apparat informatsionnogo prava i sistema obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti [Conceptual apparatus of information law and information security system]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]*. 2016;3:5-16. (In Russ.)
2. Bachilo IL, Naumov VB, Polyakova TA. Ponyatiynyy apparat v informatsionnom prave [Conceptual apparatus in information law]. Moscow; 2017. (In Russ.)
3. Trofimets IA. Informatsionnaya bezopasnost v informatsionnoy sfere zapisey aktov grazhdanskogo sostoyaniya [Information security in the information sphere of civil status records]. *Vestnik VGU. Seriya «Pravo» [Proceedings of Voronezh State University. Series «Law»]*. 2021;3(46). (In Russ.)
4. Savenkov AN, Polyakova TA, Minbaleev AV, editors. Tsifrovaya transformatsiya: vyzovy prava i vektory nauchnykh issledovaniy: monografiya [Digital transformation: Challenges to law and vectors of scientific research. A monograph]. Moscow: RG-Press; 2021. (In Russ.)
5. Barzanallana R. Introducción a la Seguridad Informática. Murcia; 2021.
6. Caraso Liebana MJ. El Derecho de la protección de datos. Madrid; 2021.
7. Castro Jose A. Opinión: La ciberseguridad: el reto de la transformación digital. Available from: <https://www.america-retail.com/opinion/opinion-la-ciberseguridad-el-reto-de-la-transformacion-digital> [cited 2021 December 22].
8. Fernández Bermejo D, Martínez Atienza G. Ciberseguridad, Ciberespacio y Ciberdelincuencia. Pamplona; 2018.
9. Lozano Miralles J. La lucha contra el terrorismo en el marco del sistema de seguridad nacional. Pamplona; 2021.
10. Marilena Alina N. Análisis a la Ley de Ciberseguridad ¿Qué supone su aplicación? Available from: <https://www.dpoitlaw.com/analisis-a-la-ley-de-ciberseguridad-que-supone-su-aplicacion> [cited 2021 December 22].
11. Martín Romero A. Seguridad Informática y Alta Disponibilidad. Zaragoza; 2021.
12. Robles Carrillo M. Seguridad de redes y sistemas de información en la Unión Europea: ¿un enfoque integral? *Revista de Derecho Comunitario Europeo*. 2018;22(60);563-600. ISSN 1138-4026.
13. Salgueiro J. Comentarios sobre la ciberseguridad en la seguridad privada. Available from: <https://www.interempresas.net/Ciberseguridad/Articulos/240015-Comentarios-sobre-la-ciberseguridad-en-la-seguridad-privada.html> [cited 2021 December 22].
14. Tobal J. Ciberseguridad. Madrid; 2020.

Правовые модели международного научно-технического сотрудничества в области космических исследований¹

Аннотация. С учетом возрастающего интереса к освоению космического пространства, расширения субъектного состава космической деятельности и масштаба связанных с этим задач актуальным становится вопрос исследования правовых моделей международного научно-технического сотрудничества (МНТС) с целью выявления их преимуществ и недостатков, выработки предложений относительно возможностей успешного применения Россией.

Исследование причин усиления международных коллабораций в космической сфере показало, что МНТС и совместные исследования осуществлялись вне зависимости от политического контекста. Они были обусловлены спецификой изучаемых явлений и процессов и преимуществами разделения финансирования, формирования многонациональных исследовательских групп и обмена данными. В настоящее время особым стимулом служит потенциал коммерциализации космоса и укрепления экономики государства.

В сфере космических научных исследований используются привычные конвенционные и институциональные модели МНТС. Особенность сотрудничества в данной сфере проявляется в доминирующем использовании конвенционных моделей. Наиболее ярким и сложным примером такой модели является многостороннее Соглашение относительно сотрудничества по международной космической станции в мирных целях в соответствии с международным правом, в тесной взаимосвязи с которым действуют двусторонние меморандумы о взаимопонимании и разработаны иные документы, предусматриваемые Соглашением. Практически все институциональные модели МНТС в сфере космических исследований представляют собой модели экосистемного типа. Единственным примером модели коллаборативного типа является Европейское космическое агентство.

Риск зависимости от других государств — участников коллаборативных проектов и утраты лидерских позиций, уменьшение государственного финансирования космических проектов, масштабное участие частных компаний и приоритеты по их вовлечению в космическую деятельность свидетельствуют о предстоящем переводе большей части МНТС по космическим исследованиям в область государственно-част-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15045.

* Соколова Наталья Александровна, доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 nasokolova@msal.ru

** Теймуров Эльвин Сахават оглы, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 esteymurov@gmail.com

ного партнерства. В результате межгосударственное сотрудничество будет продолжаться в порядке краткосрочного взаимодействия по определенным вопросам космических исследований: будь то установка определенного модуля на партнерскую миссию, реализация совместных испытаний и наблюдений на модулях и иные подобные проекты.

Ключевые слова: институциональная модель; конвенционная модель; международное сотрудничество; научно-техническое сотрудничество; модель международного сотрудничества; космические научные исследования; МКС; КОСПАР; ЕКА; НАСА; частные космические компании.

Для цитирования: Соколова Н. А., Теймуров Э. С. Правовые модели международного научно-технического сотрудничества в области космических исследований // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 128–141. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.128-141.

Legal Models of International Scientific and Technical Cooperation in the Field of Space Research²

Natalya A. Sokolova, Dr. Sci. (Law), Head of the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
nasokolova@msal.ru

Elvin S. Teymurov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
esteymurov@gmail.com

Abstract. Given the growing interest in the exploration of outer space, the expansion of the parties to space activities and the scale of related tasks, the study of various legal models of international scientific and technical cooperation (ISTC) is gaining momentum. It is important to identify the advantages and disadvantages of such models and to develop proposals on the possibilities of their successful application in Russia.

The study of the reasons for the strengthening of international collaborations in the space sphere showed that the ISTC and joint research have been carried out regardless of the political context. They were determined by the specifics of the phenomena and processes being studied and the advantages of sharing funding, forming multinational research groups and exchanging data. Currently, a special incentive is the potential for the commercialization of space and the strengthening of the state's economy.

In the field of space scientific research, the usual conventional and institutional models of ISTC are used. The peculiarity of cooperation in this area is manifested in the dominant use of conventional models. The most striking and complex example of such a model is the International Space Station Intergovernmental Agreement on cooperation for peaceful purposes in line with international law, including various bilateral memoranda of understanding and other documents that have been developed in relation to the Agreement. Almost all institutional models of ISTC in the field of space research are ecosystem-type models. The only example of a collaborative type model is the European Space Agency.

The risk of dependence on other states participating in collaborative projects and loss of leadership positions, a decrease in state funding for space projects, large-scale participation of private companies and priorities for their involvement in space activities indicate the upcoming transfer of most of the space research ISTC to the field of public-private partnership. As a result, interstate cooperation will continue as a short-term interaction on certain issues of space research: whether it is the installation of a certain module on a partner mission, the implementation of joint tests and observations on modules and other similar projects.

Keywords: institutional model; convention model; international cooperation; scientific and technical cooperation; model of international cooperation; space scientific research; ISS; COSPAR; ESA; NASA; private space companies.

Cite as: Sokolova NA, Teymurov ES. Pravovye modeli mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva v oblasti kosmicheskikh issledovaniy [Legal Models of International Scientific and Technical Cooperation in the Field of Space Research]. *Lex russica*. 2022;75(3):128-141. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.128-141. (In Russ., abstract in Eng.).

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 18-29-15045.

Введение

Освоение человеком космического пространства, несмотря на абсолютно незначительный по продолжительности период времени, позволило совершить серьезный прорыв в развитии, в частности вывести на принципиально новый уровень обеспечение коммуникаций, безопасности и финансовых транзакций, послужило стимулом научного прогресса в отношении знаний о свойствах материалов, планете и устройстве Вселенной. Дальнейшее исследование и использование космоса имеет значительный потенциал для развития человечества, однако в силу специфических свойств этого пространства требует от субъектов колоссальных материальных и интеллектуальных вложений.

Первоначально осуществление космических программ, делающих упор из-за отсутствия минимально необходимых знаний на научную составляющую, проводилось исключительно СССР и США в условиях холодной войны и было направлено на получение соответствующих преимуществ для государств. Космические исследования при этом опирались на ряд рациональных факторов: а) национальный престиж; б) исследовательский дух; в) развитие науки, технологий и образования. В настоящее время к этим факторам добавились также потенциал коммерциализации космоса и укрепление экономики государства³.

Государства осуществляли совместные космические научные исследования даже в условиях холодной войны. Так, еще в августе 1963 г. США и СССР уведомили ООН о заключении ряда соглашений по скоординированным программам запуска метеорологических спутников, совместным экспериментам со связью при помощи спутника с пассивным отражателем (Echo II) и использованию спутниковых данных

в рамках Всемирной магнитной съемки Земли. В совместном меморандуме также было объявлено о запланированном создании к началу 1964 г. постоянного телекоммуникационного канала между Вашингтоном и Москвой для передачи фотографий облаков и других данных с экспериментальных метеорологических спутников, эксплуатируемых каждой страной⁴. Кроме того, в качестве успешных примеров международного научно-технического сотрудничества в области космических исследований в данный период можно назвать реализацию экспериментального полета «Союз — Аполлон»⁵.

Исследователи научной дипломатии отмечают успешный опыт международного научно-технического сотрудничества СССР и Франции в сфере космических исследований в 1960–1970-е гг., несмотря на весьма политизированный и чувствительный характер данной сферы и с учетом потенциального двойного назначения технологий⁶.

Совместные космические проекты и программы приводят к разделению бремени финансовых затрат, формированию многонациональных исследовательских групп и обмену данными как между их участниками, так и между всем научным сообществом. В ряде случаев это сотрудничество продиктовано спецификой исследуемых явлений, требующих участия различных государств. Например, исследование связи между солнечным ветром, магнитосферой и ионосферой, физических процессов магнитосферных космических бурь, создание физических моделей магнитосферных космических бурь, а также разработки динамических моделей и методов прогнозирования околоземной космической среды требуют значительного количества орбитальных и наземных источников, базирующихся на разных участках Земли, что предопределяет необходимый и взаимовыгодный характер сотрудничества⁷.

³ Sadeh E., Lester J. P., Sadeh W. Z. Modeling International Cooperation in Human Space Exploration for the Twenty-First Century // *Acta Astronautica*. 1998. Vol. 43, No 7–8. P. 432.

⁴ См. подробнее: Bloomfield L. P. Outer Space and International Cooperation // *International Organization*. 1965. Vol. 19, Iss. 3. P. 614.

⁵ См. подробнее: Ezell E. C., Ezell L. N. The Partnership. A History of the Apollo-Soyuz Test Project (NASA SP-4209). The NASA History Series. NASA, 1978. 1st ed. 560 p. URL: <https://history.nasa.gov/SP-4209/cover.htm> (дата обращения: 15.10.2021).

⁶ Harvey B. European-Russian Space Cooperation. From de Gaulle to ExoMars. Springer Praxis Books, 2021. P. 1–40 ; Gouarné I. Science diplomacy in the Cold War: a socio-historical study of French-Soviet cooperation in Space research, 1960s–1970s. Pitch 8.1 // URL: https://www.insscide.eu/IMG/pdf/pitch_8.1.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

⁷ Ji W., Qingjiang B., Yongjian X. International cooperation: A brief history We've experienced // *Journal of Space Weather and Space Climate*. 2021. Iss. 11. P. 1–2 ; Greenwald R. A. The Importance of International Collaboration in Space Research // *Radio Science*. 2017. Vol. 52, Iss. 4. P. 511.

С учетом возрастающего интереса к освоению космического пространства, масштабов стоящих в связи с этим задач и расширения субъектного состава космической деятельности для правовой науки становится все более актуальным вопрос изучения правовых моделей международного научно-технического сотрудничества в области космических исследований для выявления их преимуществ и недостатков, а также выработки предложений относительно возможностей успешного применения Российской Федерации.

I. Конвенционные и институциональные модели сотрудничества

При изучении моделей международного научно-технического сотрудничества в области космических исследований представляется необходимым опираться на ранее достигнутые результаты исследований⁸. Так, с учетом форм международного сотрудничества нами было предложено выделять конвенционные модели как набор правовых регуляторов взаимодействия субъектов и институциональные модели как образ некоего субъекта постоянного или временного характера, предопределяющий его статус и порядок деятельности. Интерес в исследовании конвенционных моделей заключается в выявлении правовой среды и набора регуляторного инструментария, сопровождающего процесс научно-технического сотрудничества, а институциональных моделей — в организации коллабораций путем создания самостоятельного субъекта или на базе существующих юридических структур.

Среди конвенционных моделей особое место занимает проект международной космической станции (МКС), основой развития которого стало Соглашение между Россией и США о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 1992 г. Его последнее на настоящее время продление состоялось до 2030 г. В рам-

ках сотрудничества предполагались проекты по осуществлению пилотируемых и беспилотных космических полетов, в том числе осуществление полетов станции «Мир» и корабля много-разового использования с участием российских космонавтов и американских астронавтов (ст. 1). На основе Соглашения и для реализации сотрудничества в данной области была разработана двусторонняя программа «Мир — Шаттл», а дальнейшее сотрудничество между Российским космическим агентством (РКА) и Национальным управлением США по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) стало основой для разработки и реализации проекта МКС⁹, который в современном понимании, по сути, представляет собой проект класса «мегасайенс». Понятие установки «мегасайенс» в последнее время активно рассматривается в российской доктрине и практике, в том числе в соотношении с признанным на международном уровне термином «глобальная исследовательская инфраструктура». Среди главных особенностей такой инфраструктуры называют «международное научное сотрудничество и международное управление деятельностью по созданию и эксплуатации глобальной исследовательской инфраструктуры, которая в силу своих характеристик объективно требует объединения интеллектуальных, материальных, финансовых и иных усилий различных государств, агентств, научных и финансирующих организаций»¹⁰.

С учетом роли России и США как космических держав и их активного двустороннего сотрудничества конвенционная модель получила развитие путем заключения в 1998 г. уже многостороннего Соглашения между Правительством Канады, Правительствами государств — членов Европейского космического агентства (ЕКА), Правительством Японии, Правительством РФ и Правительством США относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения (далее — Соглашение о МКС). Поскольку многосторонний проект МКС предполагал создание не просто площад-

⁸ См. подробнее: *Кожеуров Я. С., Теймуров Э. С.* Конвенционные модели международного научно-технического сотрудничества на примере морских научных исследований // *Lex russica*. 2019. № 9 (154). С. 30–145 ; *Они же.* Институциональные модели международного научно-технического сотрудничества на примере морских научных исследований // *Lex russica*. 2020. № 9 (166). С. 119–130.

⁹ Скорее всего, срок эксплуатации МКС продлится до 2024 г., далее обсуждается не участие в данном проекте Госкорпорации «Роскосмос», а передача управления частной компании.

¹⁰ *Кожеуров Я. С., Теймуров Э. С.* Понятие, признаки и правовая природа глобальной исследовательской инфраструктуры // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 9. С. 139.

ки для сотрудничества, а партнерства организационной структуры в области технического проектирования, то развивалось дополнительное двустороннее взаимодействие путем создания серии партнерств в целях реализации проекта. Так, между НАСА и РКА, как и в отношении с другими партнерами проекта, был заключен меморандум о взаимопонимании относительно сотрудничества по МКС. Его задачи состояли в решении технических вопросов, в частности создания основы для сотрудничества в проектных и опытно-конструкторских работах. В контексте специфических особенностей МКС как космического объекта и ее регистрации в доктрине международного права обсуждался вопрос о том, является ли МКС единым космическим объектом или же их совокупностью, что было важно для определения правового статуса в части регистрации¹¹.

Обеспечение деятельности МКС связано с разветвленной системой своеобразных органов управления проектом, что подчеркивает естественную неразрывную связь между конвенционной и институциональной моделями международного научно-технического сотрудничества в области космических исследований. Для согласования деятельности партнеров МКС создан Многосторонний совет по координации, участниками которого являются представители всех партнеров под председательством НАСА. Совет учреждает Многосторонний комитет по вопросам деятельности экипажа в качестве органа высшего уровня по решению всех вопросов, касающихся экипажа МКС. Вопросы состояния здоровья экипажа координируются Многосторонним советом по медицинской политике, Многосторонним советом по космической медицине и Многосторонним комитетом по осуществлению медицинских работ.

Если Соглашение о создании МКС представляет собой классическую конвенционную модель сотрудничества, то многие другие документы, принятые фактически в обеспечение его перспективной деятельности, уже не являются международными договорами по смыслу Конвенции 1969 г. о праве международных договоров, но тем не менее играют существенную роль в реализации проекта. Например, порядок отбора членов экипажа и назначения в состав конкретного экипажа предусматривается в меморандумах и договоренностях об исполнении

решений. Устанавливалось также положение о разработке Кодекса поведения экипажа космической станции (ст. 11 Соглашения о МКС).

Таким образом, отношения в области деятельности МКС регулирует множество источников, различающихся по своей природе. Среди них: межправительственное соглашение, меморандумы и договоренности об исполнении соглашений, Кодекс поведения экипажа и др. Общие положения определяются на многосторонней основе и создают международно-правовые обязательства по сотрудничеству государств. Конкретные вопросы о деятельности МКС регламентируются иными международными документами, чаще всего носящими двусторонний характер, принятие которых предусматривается Соглашением о МКС и которые не обязательно являются международными договорами. В целом такое разнообразие источников и взаимодействие между ними определяет конвенционную модель международного сотрудничества в сфере космических исследований (например, п. 19.3 Меморандума о взаимопонимании между НАСА и РКА устанавливает, что «если Соединенные Штаты Америки или Российская Федерация выйдут из Договоренности о применении Межправительственного соглашения до его вступления в силу, соответствующее сотрудничающее агентство будет считаться вышедшим из настоящего Меморандума с этой же даты»), в рассматриваемом случае — в форме уникального проекта МКС.

Институционально международное сотрудничество в области исследования и использования космоса осуществляется в рамках различных межправительственных и неправительственных организаций. В частности, в той или иной степени международное научно-техническое сотрудничество в области космических исследований осуществляется в рамках Комитета по использованию космического пространства в мирных целях и многих специализированных учреждений ООН, таких как Всемирная метеорологическая организация, ЮНЕСКО, ВОЗ, Международный союз электросвязи, Международная организация гражданской авиации. Практически во всех этих случаях речь идет о создании данными учреждениями некоторой экосистемы сотрудничества по обмену информацией и технологиями осуществления космических исследований в определенных целях,

¹¹ Подробнее см.: *Савельев В. А.* Правовой статус международной космической станции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2000. С. 9–23.

сопутствующих направлениям деятельности соответствующих институций.

Значительную роль в усилении международного научно-технического сотрудничества в области космических исследований играет Комитет по космическим исследованиям (далее — КОСПАР, Комитет).

Комитет был учрежден Международным советом по науке (ICSU)¹² на следующий год после успешного запуска СССР первого искусственного спутника и в январе 1960 г. провел свой Первый симпозиум космических наук¹³.

КОСПАР является международной неправительственной некоммерческой организацией, зарегистрированной по французскому законодательству в качестве ассоциации. Штаб-квартира КОСПАР расположена в Париже (Франция).

В соответствии с Уставом структура КОСПАР организационно состоит из президента, комитета по назначениям, секретариата во главе с исполнительным директором, бюро, научных комиссий, подкомиссий и рабочих групп, а также ряда постоянных и временных вспомогательных органов.

Членами КОСПАР являются национальные научные учреждения и международные научные союзы, входящие в Международный научный совет. Кроме того, любой ученый, занимающийся космическими исследованиями, может по личной инициативе стать ассоциированным членом Комитета с обязательным участием в деятельности 1–3 научных комиссий¹⁴. В качестве члена КОСПАР от Российской Федерации выступает Российская академия наук. Представители российской науки принимают активное участие в деятельности КОСПАР.

К основным целям КОСПАР Устав относит:

- продвижение на международном уровне научных исследований в космосе с особым вниманием к обмену информацией и мнениями;

- обеспечение открытой для всех ученых площадки для обсуждения проблем, способных повлиять на научные космические исследования¹⁵.

Достижение этих целей обеспечивается за счет организации научных мероприятий и публикаций. Научные ассамблеи, организуемые КОСПАР каждые два года, являются авторитетными площадками по обмену научной информацией и представлению международному сообществу ученых новейших достижений в области космических исследований.

КОСПАР также готовит научно-технические стандарты, связанные с космическими исследованиями. Комитет осуществляет консультирование ООН и других межправительственных организаций по проблемам космических исследований или по оценке научных и иных смежных вопросов. Практически с самого начала своего существования КОСПАР обладает статусом наблюдателя в Комитете по использованию космического пространства в мирных целях¹⁶. В 2018 г. для раскрытия и использования потенциала космоса по достижению Целей устойчивого развития Управление ООН по вопросам космического пространства и КОСПАР подписали меморандум о взаимопонимании, направленный на укрепление сотрудничества по стратегическим целям, включая качество жизни, продовольственную безопасность, глобальное здравоохранение и стихийные бедствия, спутниковую связь, окружающую среду и изменение климата, защиту планеты и исследование космоса, а также космическую погоду¹⁷. О значимости деятельности Комитета для работы ООН свидетельствует содержащийся в отчетах Комитета по использованию космического пространства в мирных целях призыв к Генеральному секретарю использовать имеющиеся ресурсы для получения технических руководств КОСПАР,

¹² В настоящее время преобразован в Международный научный совет (МНС) — неправительственную организацию, учрежденную по законодательству Франции (URL: <https://council.science/wp-content/uploads/2018/06/ISC-Statutes-approved-May-2018.pdf> (дата обращения: 15.10.2021)).

¹³ Официальный сайт КОСПАР. URL: <https://cosparhq.cnes.fr/about/> (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁴ Локальные нормативные акты КОСПАР // URL: <https://cosparhq.cnes.fr/about/by-laws/> (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁵ Устав КОСПАР 1998 г. // URL: <https://cosparhq.cnes.fr/about/charter/> (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁶ Официальный сайт Управления ООН по вопросам космического пространства. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/members/copuos-observers.html> (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁷ Annual Report 2018. United Nations Office for Outer Space Affairs. P. 39 // URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2019/stspace/stspace76_0_html/UNOOSA_Annual_Report_2018.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

поощрять публикацию и распространение этой технической литературы¹⁸.

В рамках КОСПАР функционирует 8 научных комиссий по следующим тематическим направлениям исследований:

- а) Космические исследования земной поверхности, метеорологии и климата;
- б) Космические исследования системы Земли — Луна, планет и малых тел Солнечной системы;
- в) Космические исследования верхних слоев атмосфер Земли и планет;
- г) Космическая плазма Солнечной системы, включая планетарные магнитосферы;
- д) Космические исследования в области астрофизики;
- е) Науки о жизни применительно к космосу;
- ж) Материаловедение в космосе;
- з) Фундаментальная физика в космосе¹⁹.

Научными комиссиями в ряде случаев, в том числе в совместном порядке, учреждено значительное число подкомиссий и рабочих групп по наиболее проблемным областям исследований.

Функционал этих органов КОСПАР сводится к тому, чтобы укреплять международное сотрудничество и создавать условия для обмена информацией и обсуждения проблем в соответствующих областях исследований. В 2017 г. в целях содействия информационному обмену и просвещению относительно реализуемых научных проектов на основе данных от каждой научной комиссии КОСПАР был подготовлен Доклад о состоянии международного сотрудничества в области космических исследований²⁰. В докладе отражены ключевые совместные проекты и их участники по каждому тематическому направлению исследований, на которых сфокусирована деятельность КОСПАР.

КОСПАР выступает институциональной моделью экосистемного типа, т.к. самостоятельно не реализует проекты научных исследований,

однако создает эффективные условия для коллаборации и реализации совместных проектов, позволяя сформировать международные междисциплинарные исследовательские группы, способствует привлечению к участию в проектах промышленного сектора и национальных исследовательских учреждений.

Реализация конкретных космических программ осуществляется в основном национальными агентствами. Межгосударственное сотрудничество преимущественно ограничивается заключением международных договоров, меморандумов и иных документов, реализацией которых занимаются органы государственной власти и иные национальные учреждения. Вероятно, единственной международной межправительственной организацией, занимающейся не только созданием необходимых условий, но и реализацией космических проектов, в том числе осуществлением совместных научных исследований, является Европейское космическое агентство.

ЕКА представляет собой международную межправительственную организацию, успешно объединившую Европейскую организацию по разработке ракет-носителей (ELDO) и Европейскую организацию космических исследований (ESRO). Организация была создана на основе Конвенции об учреждении Европейского космического агентства 1975 г.²¹ В настоящее время членами ЕКА являются 22 европейских государства. Кроме того, Латвия и Литва получили ассоциированное членство, а Словакия, Болгария и Кипр имеют статус сотрудничающих европейских государств²².

В соответствии со ст. 2 и 5 Конвенции об учреждении ЕКА 1975 г. обеспечение международного сотрудничества в области разработки и выполнения научных программ является одним из обязательных направлений деятельности ЕКА. Приложение 4 к данной Конвенции предусматривает ключевую особенность дея-

¹⁸ Report of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space 1964. Para. D.2 // URL: https://www.unoosa.org/pdf/gadocs/A_5785E.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁹ Структура научных комиссий КОСПАР // URL: <https://cosparhq.cnes.fr/scientific-structure/scientific-commissions/> (дата обращения: 15.10.2021).

²⁰ 2017 Report on the Status of International Cooperation in Space Research. COSPAR // URL: https://cosparhq.cnes.fr/assets/uploads/2019/05/cospar_international_cooperation_status_report_2017_final_compressed.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

²¹ Конвенция об учреждении ЕКА 1975 г. и Правила процедуры Совета ЕКА // URL: https://esamultimedia.esa.int/multimedia/publications/SP-1337/SP-1337_EN.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

²² Официальный сайт Европейского космического агентства. URL: https://www.esa.int/About_Us/Corporate_news/Member_States_Cooperating_States (дата обращения: 15.10.2021).

тельности ЕКА в этом плане — интернационализацию космических программ государств-членов. «Основная цель интернационализации национальных программ состоит в том, чтобы каждое государство-член предоставляло возможность участия другим государствам-членам в рамках ЕКА в любом новом космическом проекте, который оно намеревается осуществить либо самостоятельно, либо в сотрудничестве с другим государством-членом». С этой точки зрения у ЕКА особый статус. ЕКА, будучи самостоятельной международной организацией, не входящей в структуру Европейского Союза, по сути, участвует в формировании и реализации европейской космической политики. Это вытекает из Рамочного соглашения между ЕС и ЕКА 2003 г.²³, в ст. 1 которого прямо подчеркивается, что одной из его целей является «последовательное и прогрессивное развитие общей европейской космической политики». В Совместном заявлении об общем видении и целях будущего Европы в космосе 2016 г. ЕС и ЕКА отметили, что они разделяют общие цели в космической сфере, для достижения которых подтверждают намерение укреплять сотрудничество в будущем²⁴.

Статья 3 Рамочного соглашения 2003 г. в качестве первой из ключевых сфер сотрудничества обозначает космическую науку. Взаимодействие государств-членов по вопросам космических исследований ЕКА обеспечивает посредством сети различных центров. Непосредственно на научных проектах сконцентрирована деятельность следующих центров ЕКА:

- Европейский центр космических технологий и исследований: отвечает за разработку и управление научных, исследовательских, телекоммуникационных и иных космических миссий, развитие лабораторий и сети учреждений по инженерным системам, компонентам и материалам;
- Европейский космический центр астрономии: в нем расположены космические телескопы и проводятся научные эксперименты

и измерения, а также осуществляется архивация всех полученных научных данных и обеспечение всеобщего доступа к ним;

- Центр наблюдения за Землей: управляет эксплуатацией спутников и наземных объектов наблюдения за Землей, осуществляя сбор и поддержку крупнейшего архива данных об окружающей среде в Европе;
- Европейский центр космической техники и телекоммуникаций: осуществляет поддержку научных проектов по наблюдению за изменением климата Земли, космической разведке и работе с внеземными материалами, технологическим исследованиям.

ЕКА осуществляет активное международное сотрудничество с ведущими национальными космическими агентствами и корпорациями США, Канады, России и Китая. Так, в ноябре 1997 г. Национальный центр космических наук Китая предложил ЕКА присоединиться к китайской миссии под названием «Программа двойной звезды» (Double Star Program) для исследования физических процессов магнитосферных космических бурь, создания физических моделей магнитосферных космических бурь, а также разработки динамических моделей и методов прогнозирования околоземной космической среды. По результатам переговоров 9 июля 2001 г. было подписано Соглашение между Китайской национальной космической администрацией и ЕКА²⁵.

С 2003 г. ЕКА совместно с Министерством науки и технологий Китая организовало исследовательскую программу Dragon, способствующую китайским и европейским университетам в проведении совместных исследований в сфере сельскохозяйственного и лесного мониторинга, оценки водных ресурсов и изменения климата с использованием данных, полученных космическими спутниками и наземными сегментами²⁶.

В 2013 г. ЕКА и Китайская академия наук заключили соглашение о запуске новой миссии. В 2019 г. в качестве миссии было окончательно

²³ Framework Agreement between the European Community and the European Space Agency 2003 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22004A0806%2803%29> (дата обращения: 15.10.2021).

²⁴ Joint Statement on Shared Vision and Goals for the Future of Europe in Space by the EU and ESA 2016 // URL: https://www.esa.int/About_Us/Corporate_news/Joint_statement_on_shared_vision_and_goals_for_the_future_of_Europe_in_space_by_the_EU_and_ESA (дата обращения: 15.10.2021).

²⁵ Liu Z. X., Escoubet C. P., Pu Z., et al. The Double Star Mission // *Annales Geophysicae*. 2005. Vol. 23. P. 2707–2708.

²⁶ ESA's Dragon cooperation with China extended to 2020 // URL: https://www.esa.int/Applications/Observing_the_Earth/ESA_s_Dragon_cooperation_with_China_extended_to_2020 (дата обращения: 15.10.2021).

утверждено Исследование связи между солнечным ветром, магнитосферой и ионосферой (SMILE)²⁷. Основная миссия будет запущена в 2024 г. и продлится три года, что впервые обеспечивает возможность наблюдать за этими ключевыми областями взаимодействия Солнца и Земли в течение столь длительного периода и осуществить их научную оценку.

В 2003 г. было заключено Соглашение между Правительством РФ и ЕКА о сотрудничестве и партнерстве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях²⁸. К целям сотрудничества Соглашением отнесены поощрение и развитие научного сотрудничества и совместной деятельности в области научно-технологических исследований и разработок; содействие широкому и взаимовыгодному обмену научной и технической информацией, специальными знаниями, оборудованием и материальными ресурсами; поощрение и реализация совместных мероприятий и инициатив, представляющих взаимный интерес для научно-технической и промышленно-инвестиционной деятельности, включая демонстрацию возможностей их осуществления посредством пилотных проектов. Сотрудничество с ЕКА от имени Российской Федерации осуществляет Госкорпорация «Роскосмос». В настоящее время одним из основных научных проектов России и ЕКА является «ЭкзоМарс», направленный на исследование атмосферы и поверхности Марса²⁹.

Несмотря на то, что субъектный состав соглашений по вопросам международного научно-технического сотрудничества в области космических исследований в ряде случаев включает национальные научные учреждения и иные организации, принципиальных изменений в структуре отношений не происходит. Национальные учреждения, будь то академии наук или государственные корпорации, при заключе-

нии международных соглашений осуществляют не частные, а публичные функции, делегированные им соответствующим государством.

II. Трансформация моделей международного научно-технического сотрудничества

Первоначальные стимулы для развития освоения космоса в виде стремления к получению превосходства в обеспечении национальной безопасности, повышения национального престижа, вытекающие из условий холодной войны, и начальные научные знания о космосе после распада СССР постепенно утрачивали свою значимость. В настоящее время происходит активная трансформация освоения космоса, связанная с расширением участия частных лиц в данной деятельности. Как отмечает А. С. Исполинов, на смену представлению о возможном освоении космоса исключительно государствами приходит понимание о допустимости частных лиц и даже об их конкуренции в этом деле³⁰. Некоторые авторы в этой связи высказывают, по сути, предложения о необходимости прямого распространения на них норм международного обычного права, создании системы космических виз, заключении нового международного договора или об учреждении международной организации для контроля космической деятельности частных лиц³¹.

Повышение активности частных субъектов становится приоритетом ряда космических агентств. Например, Повестка дня ЕКА на 2025 г. прямо отмечает среди приоритетов деятельности организации повышение коммерциализации космической деятельности для зеленой и цифровой Европы³². В США уже длительное время разрабатывают и принимают различные нормативные акты, направленные на вовлечение частных компаний в осуществление косми-

²⁷ Ji W., Qingjiang B., Yongjian X. Op. cit. P. 4. ; ESA gives go-ahead for Smile mission with China // URL: https://www.esa.int/Science_Exploration/Space_Science/ESA_gives_go-ahead_for_Smile_mission_with_China (дата обращения: 15.10.2021).

²⁸ URL: <https://www.roscosmos.ru/2288/> (дата обращения: 15.10.2021).

²⁹ Harvey B. Op. cit. P. 41–152, 307–371 ; Международные проекты Госкорпорации «Роскосмос» // URL: <https://www.roscosmos.ru/22888/> (дата обращения: 15.10.2021).

³⁰ Исполинов А. С. Международное космическое право эпохи начала бизнес-колонизации космоса // Международное правосудие. 2020. № 4 (36). С. 24–25.

³¹ Yuan A. Filling the Vacuum: Adapting International Space Law to Meet the Pressures Created by Private Space Enterprises // Denver Journal of International Law and Policy. 2021. Vol. 49. P. 49–53.

³² ESA Agenda 2025. Executive summary // URL: https://esamultimedia.esa.int/docs/ESA_Agenda_2025_final_EN_executive_summary.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

ческих программ и повышение привлекательности данной деятельности для инвесторов³³. В распоряжении Президента США Д. Трампа от 06.04.2020 «О поощрении международной поддержки восстановления и использования космических ресурсов»³⁴ особо подчеркивается, что «успешное долгосрочное освоение и научное исследование Луны, Марса и других небесных тел потребует полноценного партнерства с коммерческими организациями для извлечения и использования ресурсов космоса».

Первые попытки создания государственно-частных партнерств в данной сфере не возымели должного эффекта. Так, планы по обеспечению инвестирования первого этапа программы ЕКА Galileo коммерческими предприятиями не увенчались успехом³⁵. Однако в настоящее время, особенно в США, успех коммерческих компаний уже приводит не только к их участию в реализации космических программ, но даже к возникновению конкурентных отношений³⁶. Одним из последствий активного участия частных лиц в космической деятельности является сокращение финансирования соответствующих программ со стороны государств. Допуск частного сектора к космической деятельности является одной из форм снятия бремени финансирования со стороны государства. Эксперты отмечают, что еще в 2013 г. лишь 24 % инвестиций в космический сектор носили государственный характер, тогда как 76 % финансирования осуществлялось частными субъектами³⁷. Анализ финансирования НАСА после завершения холодной войны также свидетельствует о постепенном снижении расходов государственного бюджета: доля финансирования уменьшилась с 4,4 до 0,5 % бюджета США³⁸. Нежелание госу-

дарств финансировать космические исследования связано, во-первых, с их стоимостью, во-вторых, с неопределенностью возмещения расходов.

Указанная тенденция оказывает непосредственное влияние на текущее и дальнейшее развитие международного научно-технического сотрудничества в области космических исследований. Как отмечалось выше, международное научно-техническое сотрудничество было выгодно в первую очередь за счет разделения бремени финансовых затрат и ускорения наращивания начальных знаний посредством формирования многонациональных исследовательских групп и обмена информацией. В то же время звучала и критика крупных совместных научных проектов. Так, К. Джани предпринял попытку оценить эффективность международного сотрудничества по космическим исследованиям Индии и государств в рамках МКС. Оценка осуществлялась по шести критериям: а) содержание и достижимость научных целей; б) обмен технологиями; в) влияние на национальную безопасность; г) влияние на экономику; д) влияние на подготовку научных кадров и образование; е) повышение понимания мироустройства. В результате исследования автор пришел к выводу, что выгоды реализации крупных международных проектов, подобных МКС, для таких секторов, как экономика и национальная безопасность, менее существенны, по сравнению с национальными программами, несмотря на значительный объем инвестиций³⁹.

Исследовательская группа Массачусетского технологического института при оценке международного сотрудничества в освоении космоса

³³ См.: *Исполинов А. С.* Указ. соч. С. 31–32, 38–39; *Shoemaker J. H.* The Patents in Space Act: Jedi Mind Trick or Real Protection for American Inventors on the International Space Station? // *Journal of Intellectual Property Law*. 1999. Iss. 2. P. 395–397.

³⁴ Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources of April 6, 2020 // URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/04/10/2020-07800/encouraging-international-support-for-the-recovery-and-use-of-space-resources> (дата обращения: 15.10.2021).

³⁵ *Митрохина А. Х.* Правовое регулирование деятельности Европейского Союза по исследованию и использованию космического пространства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2014. С. 94.

³⁶ Например, компания Blue Origin подала в суд иск в отношении НАСА в связи с заключением контракта со SpaceX на создание пилотируемого лунного корабля стоимостью в 2,9 млрд долл. (см.: URL: <https://www.bbc.com/russian/news-58245414> (дата обращения: 15.10.2021)).

³⁷ *Smith M. S.* Space Foundation: Space Economy Grew by 4 Percent in 2013. URL: <https://spacepolicyonline.com/news/space-foundation-space-economy-grew-by-4-percent-in-2013/> (дата обращения: 15.10.2021).

³⁸ *Jani K.* Impact of International Cooperation for Sustaining Space-Science Programs // *Arxiv. Physics and Society*. 2016. P. 5. URL: <https://arxiv.org/abs/1610.08618> (дата обращения: 15.10.2021).

³⁹ *Jani K.* Op. cit. P. 27.

оспорила мнение о том, что совместные проекты дешевле для каждого участника при общей дороговизне проектов, т.к. при этом не учитываются дополнительные расходы на коммуникацию участников проекта, транспортировку, изменение регуляторной базы и т.п. Более того, сотрудничество в какой-то момент может вызвать зависимость от другого партнера для успешной реализации проекта. С учетом технических параметров (стоимость, график и выполнение) и политических (внутренняя и внешняя политическая ценность для каждой стороны) группа пришла к выводу, что наиболее выгодной формой сотрудничества является краткосрочное взаимодействие по определенным узким вопросам космических исследований⁴⁰.

Аналогичным образом зависимость от других государств — участников коллаборативных проектов космических исследований и утрату лидерских позиций обосновывают другие авторы при построении приемлемых моделей развития международного научно-технического сотрудничества в этой сфере⁴¹.

В настоящее время с учетом выраженных опасений относительно эффективности и выгод международного сотрудничества по крупным международным проектам и форсированного вовлечения частного сектора в реализацию космических проектов намечается отход от практики реализации крупномасштабных международных научных проектов в космосе. Ярким примером этому служит отказ от дальнейшей эксплуатации МКС, впервые прозвучавший со стороны США⁴². В настоящее время срок эксплуатации МКС всё же продлен до 2030 г., но тем не менее это лишь отсрочка прекращения участия в проекте.

Обратим внимание, что в самой МКС авторы видят первые попытки отхода от универсального регулирования сотрудничества в косми-

ческой сфере к установлению определенных правил поведения лишь между конкретными государствами — участниками проекта. А. С. Исполинов отмечает, что «впервые в истории в Соглашении об МКС решается вопрос об авторских правах на изобретения и открытия, но ни о каком распределении полученных знаний и информации среди всех государств — участников Договора о космосе или в интересах всего человечества речь не идет»⁴³.

Государства с сильными и самостоятельными космическими программами будут определять дальнейшее развитие международных космических исследований, допуская к ним иные страны лишь в определенных случаях и в совместных интересах. По сути, это сейчас наблюдается на примере Соглашений Артемиды 2020 г., когда США предложили свое видение развития отношений по освоению космоса, а перед другими государствами поставлен выбор: присоединиться, реализовывать свои программы либо остаться «вне игры»⁴⁴.

Использование ресурсов частных компаний для космических научных исследований не является инновационной практикой. НАСА осуществляло допуск частных лиц к своим модулям на МКС и в рамках иных проектов. В частности, еще в конце XX в. в рамках программы Соглашения о техническом обмене (Technical Exchange Agreement) НАСА позволяло исследователям, финансируемым из частных источников, использовать свои наземные объекты, а по Соглашению о совместных усилиях (Joint Endeavor Agreement) предоставляло бесплатные космические перевозки частным фирмам, занимающимся коммерческими разработками в космосе⁴⁵.

На наш взгляд, все это свидетельствует о предстоящем переводе большей части научно-технического сотрудничества по космическим

⁴⁰ Broniatowski D. A., Cardin M.-A., Dong S., et al. A Framework for Evaluating International Cooperation in Space Exploration // *Space Policy*. 2008. Vol. 24, Iss. 4. P. 186–187.

⁴¹ Sadeh E., Lester J. P., Sadeh W. Z. Op. cit. P. 429–433 ; U. S. Leadership, International Cooperation, and Space Exploration. Center for Strategic and International Studies. 2006. P. 3–4 // URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/060426_us_space_leadership.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

⁴² New Space Policy Directive Calls for Human Expansion Across Solar System // URL: <https://www.nasa.gov/press-release/new-space-policy-directive-calls-for-human-expansion-across-solar-system> (дата обращения: 15.10.2021).

⁴³ Исполинов А. С. Указ. соч. С. 37.

⁴⁴ См. подробнее: Исполинов А. С. Указ. соч. С. 37–42 ; Толстых В. Л. Реформа космического права // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 5. С. 177–179.

⁴⁵ Shoemaker J. H. Op. cit. P. 396.

исследованиям в область государственно-частного партнерства. При этом государства обладают достаточным регуляторным инструментарием для управления этими исследованиями в общественно значимых целях. Межгосударственное сотрудничество будет продолжаться в порядке относительно краткосрочного взаимодействия по определенным вопросам космических исследований, будь то установка определенного модуля на ту или партнерскую миссию, реализация совместных испытаний или наблюдений на модулях и т.п.

Заключение

На первых этапах при осуществлении космических исследований государства руководствовались национальным престижем, исследовательским духом, развитием науки, технологий и образования. Международное научно-техническое сотрудничество и совместные исследования осуществлялись даже несмотря на межгосударственное противостояние в период холодной войны.

Международные научные проекты были обусловлены как спецификой изучаемых явлений и процессов, так и преимуществами в разделении финансовых затрат между участниками, формировании многонациональных исследовательских групп и обмене данными, что позволяло избегать дублирования усилий по получению уже имеющихся у человечества представлений о космосе. В настоящее время этот перечень можно дополнить новым стимулом — потенциалом коммерциализации космоса и укрепления экономики государства.

В области космических научных исследований используются привычные конвенционные и институциональные модели международного научно-технического сотрудничества. При этом следует отметить особенность в виде преимущественного использования конвенционных моделей. Конвенционная модель международного научно-технического сотрудничества в сфере использования и исследования космического пространства неизменно базируется прежде всего на Договоре по космосу 1967 г. Наиболее ярким примером конвенционной модели до настоящего времени являлось сотрудничество по созданию и эксплуатации Международной космической станции, импульсом для которой послужило изначально сотрудничество России и США — двустороннее соглашение и

программа. В дальнейшем это привело к развитию многостороннего сотрудничества на основе международного соглашения, принятых в его развитие двусторонних меморандумов о взаимопонимании и иных международных документов, направленных главным образом на регулирование технических вопросов сотрудничества при разработке компонентов МКС, доставке и сборке их на орбите, подготовке экипажей, а также на решение текущих вопросов посредством определения взаимных обязательств через деятельность агентств на национальном уровне, например НАСА и РКА.

Практически все институциональные модели представляют собой модели экосистемного типа, т.е. не реализуют проекты научных исследований самостоятельно, а создают эффективные условия для коллаборации и реализации совместных проектов, позволяя сформировать международные междисциплинарные исследовательские группы, способствуя привлечению к участию в проектах промышленного сектора и национальных исследовательских учреждений. Единственной международной межправительственной организацией, занимающейся не только созданием необходимых условий, но и реализацией космических проектов, в том числе осуществлением совместных научных исследований, является Европейское космическое агентство.

Межгосударственное сотрудничество преимущественно ограничивается заключением соответствующих международных договоров, меморандумов и иных документов, реализацией которых занимаются органы государственной власти и иные национальные учреждения. При этом национальные учреждения, будь то академии наук или государственные корпорации, участвующие в заключении и реализации соглашений в области космических исследований, осуществляют делегированные им публичные государственные функции.

Риск зависимости от других государств — участников коллаборативных проектов космических исследований и утраты лидерских позиций, уменьшение государственного финансирования космических проектов, масштабное участие частных компаний и национальные приоритеты по их вовлечению в космическую деятельность свидетельствуют о предстоящем переводе большей части научно-технического сотрудничества по космическим исследованиям в область государственно-частного партнерства. У государств имеется необходимое количество

инструментов воздействия для управления этими исследованиями в общественно значимых целях. В результате этого межгосударственное сотрудничество будет продолжаться в порядке относительно краткосрочного взаимодействия

по определенным вопросам космических исследований, будь то установка определенного модуля на ту или иную партнерскую миссию, реализация совместных испытаний и наблюдений на модулях и иные подобные проекты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Исполинов А. С.* Международное космическое право эпохи начала бизнес-колонизации космоса // *Международное правосудие*. — 2020. — № 4 (36). — С. 22–44.
2. *Кожеуров Я. С., Теймуров Э. С.* Институциональные модели международного научно-технического сотрудничества на примере морских научных исследований // *Lex russica*. 2020. — № 9 (166). — С. 119–130.
3. *Кожеуров Я. С., Теймуров Э. С.* Конвенционные модели международного научно-технического сотрудничества на примере морских научных исследований // *Lex russica*. — 2019. — № 9 (154). — С. 30–145.
4. *Кожеуров Я. С., Теймуров Э. С.* Понятие, признаки и правовая природа глобальной исследовательской инфраструктуры // *Актуальные проблемы российского права*. — 2019. — № 9 (106). — С. 130–141.
5. *Митрохина А. Х.* Правовое регулирование деятельности Европейского Союза по исследованию и использованию космического пространства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. — М., 2014. — 186 с.
6. *Савельев В. А.* Правовой статус международной космической станции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. — М., 2000.
7. *Толстых В. Л.* Реформа космического права // *Актуальные проблемы российского права*. — 2021. — № 5. — С. 166–182. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.166-182.
8. *Bloomfield L. P.* Outer Space and International Cooperation // *International Organization*. — 1965. — Vol. 19, Iss. 3. — P. 603–621. — DOI: 10.1017/S0020818300012479.
9. *Broniatowski D. A., Cardin M.-A., Dong S., et al.* A Framework for Evaluating International Cooperation in Space Exploration // *Space Policy*. — 2008. — Vol. 24, Iss. 4. — P. 181–189.
10. *Ezell E. C., Ezell L. N.* The Partnership. A History of the Apollo-Soyuz Test Project (NASA SP-4209). The NASA History Series. — NASA, 1978. — 1st edition. — 560 p. — URL: <https://history.nasa.gov/SP-4209/cover.htm>.
11. *Gouarné I.* Science diplomacy in the Cold War: a socio-historical study of French-Soviet cooperation in Space research, 1960s–1970s. Pitch 8.1 // URL: https://www.inssside.eu/IMG/pdf/pitch_8.1.pdf.
12. *Greenwald R. A.* The Importance of International Collaboration in Space Research // *Radio Science*. — 2017. — Vol. 52, Iss. 4. — P. 511–515.
13. *Harvey B.* European-Russian Space Cooperation. From de Gaulle to ExoMars. — Springer Praxis Books, 2021. — 406 p. — DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-67686-5>. — URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-67686-5>.
14. *Jani K.* Impact of International Cooperation for Sustaining Space-Science Programs // *Arxiv. Physics and Society*. — 2016. — P. 1–27. — URL: <https://arxiv.org/abs/1610.08618>.
15. *Ji W., Qingjiang B., Yongjian X.* International cooperation: A brief history We've experienced // *Journal of Space Weather and Space Climate*. — 2021. — Iss. 11. — P. 1–5.
16. *Liu Z. X., Escoubet C. P., Pu Z., et al.* The Double Star Mission // *Annales Geophysicae*. — 2005. — Vol. 23. — P. 2707–2712.
17. *Sadeh E., Lester J. P., Sadeh W. Z.* Modeling International Cooperation in Human Space Exploration for the Twenty-First Century // *Acta Astronautica*. — 1998. — Vol. 43, No 7–8. — P. 427–435.
18. *Shoemaker J. H.* The Patents in Space Act: Jedi Mind Trick or Real Protection for American Inventors on the International Space Station? // *Journal of Intellectual Property Law*. — 1999. — Iss. 2. — P. 395–423.
19. *Yuan A.* Filling the Vacuum: Adapting International Space Law to Meet the Pressures Created by Private Space Enterprises // *Denver Journal of International Law and Policy*. — 2021. — Vol. 49. — P. 27–56.

Материал поступил в редакцию 1 февраля 2022 г.

REFERENCES

1. Ispolinov AS. Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo epokhi nachala biznes-kolonizatsii kosmosa [International space law of the era of the beginning of the business colonization of space]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. 2020;4(36):22-44. (In Russ.)
2. Kozheurov YaS, Teymurov ES. Institutsionalnye modeli mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva na primere morskikh nauchnykh issledovaniy [Institutional Models of International Scientific and Technical Cooperation (Based on the Case Study of Marine Scientific Research)]. *Lex russica*. 2020;(9):119-130. (In Russ.)
3. Kozheurov YaS, Teymurov ES. Konventsionnye modeli mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva na primere morskikh nauchnykh issledovaniy [Convention Models of International Scientific and Technical Cooperation (Based on the Case Study of Marine Scientific Research)]. *Lex russica*. 2019;1(9):130-145. (In Russ.)
4. Kozheurov YaS, Teymurov ES. Ponyatie, priznaki i pravovaya priroda globalnoy issledovatel'skoy infrastruktury [Concept, Features and Legal Nature of Global Research Infrastructure]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019;(9):130-141. (In Russ.)
5. Mitrokhina AKh. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti Evropeyskogo Soyuza po issledovaniyu i ispolzovaniyu kosmicheskogo prostranstva : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.10 [Legal regulation of the activities of the European Union in the exploration and use of outer space. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2014. (In Russ.)
6. Savelev VA. Pravovoy status mezhdunarodnoy kosmicheskoy stantsii : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.10 [The legal status of the International Space Station. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2000. (In Russ.)
7. Tolstykh VL. Reforma kosmicheskogo prava [Space Law Reform]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;16(5):166-182. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.126.5.166-182>
8. Bloomfield LP. Outer Space and International Cooperation. International Organization. 1965;19(3):603-621. DOI: 10.1017/S0020818300012479.
9. Broniatowski DA, Cardin M-A, Dong S, et al. A Framework for Evaluating International Cooperation in Space Exploration. *Space Policy*. 2008;24(4):181-189.
10. Ezell EC, Ezell LN. The Partnership. And the History of the Apollo is Soyuz Test Project (NASA SP-4209). The NASA History Series. NASA; 1978. 1st edition. Available from: <https://history.nasa.gov/SP-4209/cover.htm>.
11. Gouarné I. Science diplomacy in the Cold War: A socio-historical study of French-Soviet cooperation in Space research, 1960-1970s. Pitch 8.1. Available from: https://www.inssci.eu/IMG/pdf/pitch_8.1.pdf.
12. Greenwald R. A. The Importance of International Collaboration in Space Research. *Radio Science*. 2017;52(4):511-515.
13. Harvey B. European-Russian Space Cooperation. From de Gaulle to ExoMars. Springer Praxis Books; 2021. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-67686-5>. Available from: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-67686-5>.
14. Jani K. Impact of International Cooperation for Sustaining Space-Science Programs. *Arxiv. Physics and Society*. 2016:1-27. Available from: <https://arxiv.org/abs/1610.08618>.
15. Ji W, Qingjiang B, Yongjian X. International cooperation: A brief history We've experienced. *Journal of Space Weather and Space Climate*. 2021;11:1-5.
16. Liu ZX, Escoubet CP, Pu Z, et al. The Double Star Mission. *Annales Geophysicae*. 2005;23:2707-2712.
17. Sadeh E, Lester JP, Sadeh WZ. Modeling International Cooperation in Human Space Exploration for the Twenty-First Century. *Acta Astronautica*. 1998;43(7-8):427-435.
18. Shoemaker JH. The Patents in Space Act: Jedi Mind Trick or Real Protection for American Inventors on the International Space Station? *Journal of Intellectual Property Law*. 1999;2:395-423.
19. Yuan A. Filling the Vacuum: Adapting International Space Law to Meet the Pressures Created by Private Space Enterprises. *Denver Journal of International Law and Policy*. 2021;49:27-56.

Диалектика сменяемости и делимости: заметки о критериях периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века

Аннотация. Социальные запросы на справедливость и эффективность правосудия, проведенные реформы судебной сферы (конституционных норм, судоустройства и судопроизводства), а также стремительное информационное развитие общества обуславливают дальнейшие преобразования и в судебной системе. Наряду с другими социальными институтами, существенным образом влияющими на законодательное усмотрение и реальное правоприменение, таковыми являются суды различной юрисдикции, призванные на основе законов разрешать споры, относящиеся к их ведению. В своей совокупности суды страны образуют единую судебную систему, правовые основы, принципы организации и деятельности которой закреплены законодательно. Исследование динамики судебных преобразований, а также периодизация таковых путем разделения их на последовательно сменяющие друг друга этапы судостроительных изменений представляется авторам актуальной научной задачей. Объектом исследования в статье выступают судебные преобразования в России во второй половине XIX — начале XXI в., которые авторами разделены на соответствующие периоды. Предметом исследования в работе являются критерии периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI в. Метод и методология: выявление и разработка критериев периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI в. осуществлено авторами на основании принципов системного, аксиологического, сравнительно-правового и историко-правового исследования, а также историографического и диалектического метода. Новизна исследования, основные выводы: приведенные авторами критерии периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI в., к которым относятся нормативно-правовой, содержательный, контекстно-средовой, временной и аксиологический критерии, позволяют эффективно осуществить указанную периодизацию. Методология применения обоснованного в статье комплекса критериев к периодизации судебных преобразований обладает боль-

© Большакова В. М., Холиков И. В. 2022

* *Большакова Валентина Михайловна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, адвокат Нижегородской областной коллегии адвокатов
Просп. Гагарина, д. 49, г. Н. Новгород, Россия, 603950
valentinabolshakova@rambler.ru

** *Холиков Иван Владимирович*, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела международного права, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Большая Черемушкинская ул., д. 34, г. Москва, Россия, 117218
iv_kholik@mail.ru

шим эвристическим потенциалом для изучения других социальных феноменов, исследование которых входит в предметное поле историко-правовых наук.

Ключевые слова: судебная система; судебная власть; судопроизводство; судоустройство; судебные реформы; судебные преобразования; метод периодизации; основные периоды.

Для цитирования: Большакова В. М., Холиков И. В. Диалектика сменяемости и делимости: заметки о критериях периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 142–159. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.142-159.

Dialectics of Changeability and Divisibility: Notes on the Criteria for the Periodization of Judicial Transformations in Russia in the Second Half of the 19th — Beginning of the 21st Centuries

Valentina M. Bolshakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Lawyer, Nizhny Novgorod Regional Bar Association
prosp. Gagarina, d. 49, Nizhny Novgorod, Russia, 603950
valentinabolshakova@rambler.ru

Ivan V. Kholikov, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, Department of International Law, Professor, Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
ul. Bolshaya Cheremushkinskaya, d. 17, Moscow, Russia, 117218
iv_kholik@mail.ru

Abstract. Social demands for justice and efficiency of justice, the reforms of the judicial sphere (constitutional norms, judicial system and judicial proceedings), as well as the rapid information development of society cause further transformations in the judicial system. Along with other social institutions courts of various jurisdictions designed to resolve disputes related to their jurisdiction on the basis of laws significantly influence legislative discretion and real law enforcement. In their entirety, the courts of the country form a single judicial system, the legal foundations, principles of organization and activity of which are fixed by law. The study of the dynamics of judicial transformations, as well as the periodization of such by dividing them into successive stages of judicial changes, seems to the authors to be an urgent scientific task. The object of research in the paper is judicial transformations in Russia in the second half of the 19th — beginning of the 21st century, which the authors divided into the corresponding periods. The subject of the research is the criteria for the periodization of judicial reforms in Russia in the second half of the 19th — beginning of the 21st century. Method and methodology: identification and development of criteria for the periodization of judicial reforms in Russia in the second half of the 19th — beginning of the 21st century are carried out by the authors on the basis of the principles of systematic, axiological, comparative legal and historical legal research, as well as historiographical and dialectical method. The novelty of the study, the main conclusions: the criteria for the periodization of judicial transformations in Russia in the second half of the 19th — beginning of the 21st century, which include normative legal, substantive, contextual environmental, temporal and axiological criteria, given by the authors, make it possible to effectively carry out this periodization. The methodology of applying the set of criteria justified in the paper to the periodization of judicial transformations has a great heuristic potential for studying other social phenomena, the study of which is included in the subject field of historical and legal sciences.

Keywords: judicial system; judicial power; judicial proceedings; judicial system; judicial reforms; judicial transformations; method of periodization; main periods.

Cite as: Bolshakova VM, Kholikov IV. Dialektika smenyaemosti i delimosti: zametki o kriteriyakh periodizatsii sudebnykh preobrazovaniy v Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XXI veka [Dialectics of Changeability and Divisibility: Notes on the Criteria for the Periodization of Judicial Transformations in Russia in the Second Half of the 19th — Beginning of the 21st Centuries]. *Lex russica*. 2022;75(3):142-159. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.142-159. (In Russ., abstract in Eng.).

«Что есть государство без правосудия?
Шайка разбойников, да и только».
Аврелий Августин,
христианский философ и богослов

Актуальность исследования. Одной из тенденций, характеризующих нынешнее состояние законодательства, становится влияние на законотворчество различных механизмов правоприменения судебной, административной и в целом широкой социальной практики, которая фактически становится, наряду с законом, важнейшим фактором правового регулирования¹. Наряду с другими социальными институтами, существенным образом влияющими на законодательное усмотрение и реальное правоприменение, таковыми являются суды различной юрисдикции, призванные на основе законов разрешать споры, относящиеся к их ведению. В своей совокупности суды страны образуют единую судебную систему, правовые основы, принципы организации и деятельности которой закреплены законодательно. В этом контексте представляется, что бытующий в сознании некоторых юристов стереотип об отсутствии в нашем правовом порядке элементов прецедентного права, как и любой стереотип, является иррациональным и со временем должен окончательно уйти в прошлое. Объективный и прагматичный взгляд на последние тенденции глобального правового развития показывает, что границы между кон-

тинентально-европейской и англосаксонской системами постепенно размываются². В материалах судебной практики указывается на то, что только законодательными средствами решить правовую проблему не всегда возможно, что обуславливает особую роль судебных доктрин. Поэтому в России толкование закона высшими судебными органами призвано оказывать существенное воздействие на формирование правоприменения³.

Деятельность судебной системы, ее организация и происходящие в стране судебные реформы (судебные преобразования), вызванные социальными потребностями или проводимые «сверху», давно являются предметом исследования правовых и исторических наук. Так, вопросам исследования сущности, особенностей, причин и последствий судебных реформ и судебных преобразований сегодня уделяется значительное внимание на различных уровнях бытия юридической науки (методологическом, общетеоретическом, отраслевом, практическом). В данном контексте достаточно вспомнить весьма обстоятельные исследования Р. Д. Гребнева⁴, В. В. Гребенникова⁵, А. А. Демичева⁶, В. М. Жуйкова⁷, И. А. Исаева⁸, М. И. Клеандрова⁹, Н. А. Колоколова¹⁰, К. П. Краков-

¹ Синюков В. Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica (Русский закон). 2018. № 10 (143). С. 18–29.

² Момотов В. В. Российское правосудие на современном этапе: основные тенденции развития // Судья. 2018. № 8 (92). С. 41–51.

³ Богданов Д. Е. Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 11. С. 102–123.

⁴ Гребнев Р. Д. На пути к новой концепции судоустройства в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2015. № 1. С. 70–74 ; Он же. Судебная власть в структуре механизма государства и в системе разделения властей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2015. № 4. С. 48–63.

⁵ Гребенников В. В. Принципы организации и типологизации судебных систем // Государство и право. 2018. № 1. С. 102–106.

⁶ Демичев А. А., Большакова В. М., Илюхина В. А. Периодизация истории судебных преобразований в России во второй половине XIX — XXI в. // История государства и права. 2021. № 5. С. 34–45.

⁷ См.: Жуйков В. М. Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал российского права. 2010. № 7 (163). С. 5–17 ; Он же. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 135–150 ; Он же. Так называемая «оптимизация» — это путь в никуда // Закон. 2018. № 1. С. 6–17.

⁸ Исаев И. А. Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия // Научные труды. Российская академия юридических наук. М. : Юрист, 2015. С. 148–150 ; Он же. Метафоры Закона: от «света» к «пламени» // Lex russica (Русский закон). 2021. № 6 (175). С. 23–35.

ского¹¹, В. В. Момотова¹², М. В. Немытиной¹³, Т. И. Отческой¹⁴ и др.

Катализатором такого внимания, с одной стороны, выступает социальная чуткость к вопросам изменений судебной системы (как судоустройства, так и судопроизводства), которые всегда сказываются на эффективности и справедливости осуществления правосудия. В данном ракурсе справедливо утверждение, что для России сейчас наиболее важными вопросами являются организация здравоохранения, решение социальных проблем, финансово-экономические вопросы, поддержка бизнеса, сохранение системы договорных обязательств, вопросы государственного управления, безопасности, защиты прав человека, трудовые отношения, эффективность качества судопроизводства¹⁵.

С другой стороны, таковыми выступают недавние обширные изменения в сфере судоустройства и судопроизводства¹⁶, неслучайно прозванные «процессуальной революцией» (2018 г.)¹⁷, когда формирование судебных округов стало вновь основано не только на показателях деятельности по отправлению правосудия, но и на фундаментальном принципе экстерриториальности судебной власти. Этот принцип, известный нашему законодательству еще со

времен Судебной реформы 1864 г., предполагает, что подсудность дел конкретному суду не зависит от административно-территориальных границ, формируемых для реализации функций исполнительной власти. Тем самым обеспечен максимальный уровень независимости и самостоятельности суда¹⁸. Секретарь Пленума Верховного Суда РФ В. В. Момотов, характеризуя судебную реформу 2018 г., отмечал, что она призвана модернизировать существующую модель правосудия в соответствии с новыми запросами гражданского общества и современными стандартами правового развития. Эта реформа представляет собой комплексную систему мер, затрагивающих судоустройство, судопроизводство, а также правовой статус судей¹⁹. Он также отмечал позитивные социальные функции судебной практики в становлении принципов правового государства и повышения доверия граждан к системе отечественного правосудия²⁰.

В продолжение правовых тенденций дальнейшей модернизации судебных структур происходят и масштабные изменения в сфере конституционного законодательства (2020 г.)²¹, которые уже сказались на строении и особенностях функционирования (не позднее 1 янва-

⁹ Клеандров М. И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 7–23.

¹⁰ Колоколов Н. А. Правосудие эпохи постмодерна // Мировой судья. 2019. № 10. С. 3–13.

¹¹ Краковский К. П. Судебная контрреформа, «судебная контрреформа» или так называемая судебная контрреформа // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 2. С. 139–170.

¹² См.: Момотов В. В. Судебная реформа 2018 г. в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (ч. I) // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 134–146; Он же. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (ч. II) // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 68–89.

¹³ Немытина М. В. § 4. Судебная реформа 1864 г. на социокультурном пространстве Российской империи // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: колл. монография. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. С. 176–187.

¹⁴ Отческая Т. И., Мишакова Н. В., Голощапова Т. И. Честность как базисная составляющая профессионального профиля судьи // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 240–250.

¹⁵ Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica (Русский закон). 2021. № 2 (171). С. 18.

¹⁶ Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации (ч. II). С. 69.

¹⁷ Колоколов Н. А. Процессуальная революция: предпосылки, осуществление, последствия // Современное право России: проблемы и перспективы: материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 5 декабря 2019 года. М.: Институт мировых цивилизаций, 2020. С. 290–297.

¹⁸ Момотов В. В. Предлагаемая реформа продиктована самой жизнью // Судья. 2017. № 8 (80). С. 4–7.

¹⁹ Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации (ч. II). С. 68.

²⁰ Момотов В. В. Роль судебной практики в правовой системе: российский опыт в мировом контексте // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5 (66). С. 40–49.

²¹ Латышева Н. А. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации и содержание судебного делопроизводства // Российское правосудие. 2021. № 9. С. 5–12.

ря 2023 г. будут упразднены Конституционные (уставные) суды субъектов)²² как отдельных компонентов, так и всей отечественной судебной системы в целом (внесены изменения в гл. 7 («Судебная власть и прокуратура») Конституции России)²³.

В частности, к существенным позитивным изменениям судебной сферы, которые произошли вследствие конституционной реформы, безусловно, следует отнести конституционную легализацию арбитражного судопроизводства, которое, наряду с конституционным, гражданским, административным и уголовным, теперь стало самостоятельным видом судопроизводства (ч. 2 ст. 118, ч. 3 ст. 128 Конституции РФ). Это нововведение дает возможность развивать экономическое правосудие в качестве самостоятельного и специализированного вида правосудия, а ведущую работу по объединению АПК РФ и ГПК РФ снимает с повестки дня²⁴.

Поскольку в предметное поле теоретико-исторических правовых наук входят проблемы, категории, понятия, идеи и конструкции, отражающие современный уровень развития концептуальных знаний об общих закономерностях возникновения, развития и функционирования права и государства, а также концепции эволюции права и государства, процессы и условия развития институтов и форм государства, правовых систем, институтов, структур и форм права, идей и концепций права и государства в их исторических связях и логических отношениях²⁵, то их важной теоретической и практической задачей является изучение не только развития норм права, но и закономерностей развития органов, реализующих правовые нормы и осуществляющих правосудие²⁶.

Таким образом, социальные потребности в справедливости и эффективности правосудия, проведенные реформы судебной сферы (судоустройства, судопроизводства и конституционных норм), а также стремительное информационное развитие общества и трудность использования различающихся видов информации в разных отраслях судопроизводства также могут обусловить дальнейшие преобразования и создание специальных юрисдикций для различного рода споров или повлечь иные новации в судебной системе²⁷. Обозначенные тенденции определяют задачу исследования динамики судебных преобразований, а также периодизации таковых путем разделения их на последовательно сменяющие друг друга этапы судоустройственных изменений.

Материалы и методы. Рассмотрим методологические подходы, которые применялись нами при обосновании критериев судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI в. Приводя сущность методологического подхода в научной деятельности, С. В. Кодан справедливо отмечает, что методологический подход в системе познавательных средств связан со всеми уровнями методологического знания, в котором каждый из них — принципы, подходы, методы, методики и технологии — выполняет свои особые и свойственные ему функции, образуя сложную систему познавательных средств²⁸.

Для обоснования приведенных в данной статье позиций авторами использован системный подход, позволяющий познавать сложные социальные системы, к которым, безусловно, относится судебная сфера, устанавливать внешние и внутренние тенденции функцио-

²² Цалиев А. М. О судебной власти в России (в свете конституционных новелл) // Российский судья. 2021. № 4. С. 35–40.

²³ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 6–12.

²⁴ Клеандров М. И. О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 7–11.

²⁵ Мацкевич И. М., Власенко Н. А. Формализация специальностей научных исследований в сфере права: содержание и перспективы // Журнал российского права. 2013. № 6 (198). С. 116–147.

²⁶ Большакова В. М. Генезис становления и развития судебной системы Российской Федерации в конце XX — начале XXI века: институциональные и нормативные характеристики // Право и политика. 2021. № 3. С. 26–36.

²⁷ Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна. С. 17.

²⁸ Кодан С. В. Современные методологические подходы в исследовательских стратегиях изучения историографии истории политических и правовых учений // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 4. С. 155–181.

нирования, реальные характеристики связей и отношений внутри системы. В качестве методологических ориентиров при применении данного подхода выступали научные труды М. С. Кагана²⁹, А. В. Савенкова³⁰, В. С. Степина³¹, Б. Ф. Ломова³² и др.

Поскольку настоящее исследование базируется на применении принципа и метода периодизации историко-правовых явлений, стоит отметить высокую степень разработанности данного вопроса в исторических и юридических науках³³.

Под критерием, как правило, понимается признак, на основании которого проводится оценка, классификация или разделение (выделение) чего-либо. Важно, что задание критерия определяет, а в ряде случаев и предопределяет структуру, содержание, динамику и результативные характеристики процесса принятия решений³⁴. Такое понимание критерия является рабочим понятием для настоящего исследования.

Под судебной реформой понимается совокупность проведенных по определенному плану комплексных многоаспектных мероприятий, направленных на реорганизацию судостроительства и судопроизводства в целях удовлетворения интересов государства и общества в конкретно-исторической ситуации. В широком смысле понятия «судебные преобразования» и «судебные реформы» соотносятся как общее

и частное, судебные реформы — это разновидность судебных преобразований (в широком смысле). В отличие от судебных реформ, судебные преобразования в узком смысле — это постоянный процесс, идущий с большей или меньшей интенсивностью. Главная особенность судебных преобразований заключается в их «текущем» характере, отсутствии системного подхода и комплексности при внесении изменений в законодательство о судостроительстве и судопроизводстве³⁵.

Основная часть. Ранее была осуществлена периодизация судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI в.³⁶ Дальнейшие исследования позволили уточнить некоторые этапы (периоды) в целях их всесторонности и полноты исторического описания³⁷. При этом в обеих приведенных работах, как правило, указывалось на один критерий такой периодизации — нормативно-правовой. Но это вовсе не означает того, что при осуществлении периодизации судебных преобразований не использовались иные критерии. Статья призвана решить задачи выделения и обоснования критериев периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI в.

Ввиду того что изучение динамики судебных преобразований предполагает собственную периодизацию, критериями различения этапов судебных преобразований выступают:

²⁹ Каган М. С. Системность и целостность // Художественное образование и наука. 2017. № 3. С. 8–11.

³⁰ Савенков А. Н. Философия права и юридическое мышление: история и современность // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 38–48.

³¹ Степин В. С. О методологических подходах к анализу социального познания // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2014. № 3. С. 3–10.

³² Ломов Б. Ф., Керимов Д. А. Психология и право // Государство и право. 1992. № 12. С. 10–21.

³³ Туганов Ю. Н., Аулов В. К. Генезис арбитража и проблемы периодизации: 1924–1931 гг. // Военное право. 2020. № 3 (61). С. 161–172 ; Бегишева Н. Ж. К вопросу о периодизации переходного государства в период Февральской революции 1917 года // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 52. С. 15–18 ; Чернов А. В., Блохин В. В. Периодизация правления Александра I в советской историографии // Научный диалог. 2020. № 12. С. 37–393 ; Рудковская И. Е. Хронология и периодизация в историографической традиции позднего Просвещения // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 126–150 ; Грачева Е. Ю. История финансового права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 3 (7). С. 28–45.

³⁴ Диев В. С. Критерии выбора альтернатив: рациональные модели и реальные решения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». 2012. Т. 10, № 1. С. 5–12.

³⁵ Большакова В. М. Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века: историко-правовое исследование / под науч. ред. А. А. Демичева ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Тамбов : Державинский, 2021. С. 89.

³⁶ Демичев А. А., Большакова В. М., Илюхина А. В. Указ. соч. С. 37.

³⁷ Большакова В. М. Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века. С. 88.

нормативно-правовой; содержательный; контекстно-средовой; временной и аксиологический. Содержание одного периода может в различные его внутренние временные отрезки иметь разное сущностное наполнение, условия протекания, временной промежуток (длительность).

Итак, критериями различения этапов судебных преобразований выступают: нормативно-правовой; содержательный; контекстно-средовой; временной и аксиологический. Рассмотрим кратко их содержательные и структурные характеристики.

Нормативно-правовой критерий. Поскольку комплексному исследованию подвергается историко-правовое явление (судебные преобразования в России во второй половине XIX — начале XXI в.), то основным критерием проведенной периодизации является бытие и содержательные характеристики нормативных правовых актов, регулирующих судоустройство и судопроизводство. Нормативно-правовой критерий позволяет определить весьма точные границы периодов (по крайней мере, их начала), поскольку их можно связать с датами принятия нормативных актов, положивших начало реформированию судебной системы, а также завершивших реформирование.

В некоторых случаях, когда отсутствует официальный акт о завершении реформы, не всегда получается точно определить вторую границу периода. В качестве таковой можно установить «размытые» или растянутые во времени даты, охватывающие период в несколько лет, либо выбрать один из нормативных актов, завершивших, по мнению конкретного ученого, процесс реформирования.

Осознавая условность выделения того или иного периода и дискуссионность «привязки» в некоторых случаях его границ к конкретному нормативному правовому акту, тем не менее считаем, что границы периодов в периодизации должны быть формализованы. Критерием выделения периодов (подпериодов) служит не формальная привязка к тому или иному нормативному правовому акту, а именно сущность шедших в его продолжение судебных преобразований.

Основываясь на применении нормативно-правового критерия, были выделены шесть периодов (внутри некоторых из них и подпериоды) в истории судебных преобразований в России в XIX–XXI вв. Дальнейшее обоснование целесообразности выделения этих периодов

произведено с помощью иных критериев периодизации.

Содержательный критерий. Итак, можно утверждать, что российская судебная система, начиная с судебной реформы 1864 г. и вплоть до настоящего времени, многократно трансформировалась. Изменения носили внутри каждого исторического периода плавный эволюционный характер, обусловленный потребностями конкретно-исторической ситуации, требованиями приспособления законодательства к потребностям государства и общества. Однако в переломные исторические моменты судебная система радикально менялась. По сути, происходил отказ от прежнего судоустройства и формирование новой судебной системы. В 1864 г. судебная система была изменена резко и одномоментно. В 1917–1922 гг. переход к новой судебной системе был не менее радикальным, но не являлся одномоментным. Наконец, с 1991 г. судебная система России находилась в стадии перманентного реформирования. На каждом этапе наблюдается определенное отрицание предшествующего опыта, но в современный период законодатель обратился к отечественному историческому опыту, что привело к возрождению института мировых судей, суда присяжных заседателей и пр. 14 марта 2020 г., т.е. спустя почти три десятилетия после принятия Конституции РФ, Федеральным конституционным законом № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в ч. 3 ст. 118 Конституции РФ были внесены изменения, которые определили структуру судебной системы. Действующая редакция Конституции РФ устанавливает следующую судебную систему: 1) Конституционный Суд РФ; 2) Верховный Суд РФ; 3) федеральные суды общей юрисдикции; 4) арбитражные суды; 5) мировые судьи субъектов РФ.

Аналогичную, но более широко представленную структуру содержит и законодательство о судебной системе. Так, согласно ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе в РФ», в России действуют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов РФ, составляющие судебную систему. К федеральным судам относятся: Конституционный Суд РФ; Верховный Суд РФ; кассационные суды общей юрисдикции, апелляционные суды общей юрисдикции, верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федераль-

ного значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов РФ и специализированные арбитражные суды, составляющие систему федеральных арбитражных судов. К судам субъектов относятся: конституционные (уставные) суды субъектов, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов.

Важнейшим критерием выделенной в работе периодизации является *временной, или хронодискретный, критерий*. Обратим внимание, что речь идет не о судебных преобразованиях вообще (они были и до 1864 г., и в советский период, будут проводиться и в дальнейшем), а о конкретных судебных преобразованиях, имевших место в определенные исторические периоды, характеризовавшиеся некими сходными условиями. Если судебные преобразования идут практически постоянно, то между изучаемыми судебными реформами имеется временной разрыв. И если для отдельных институтов это нечто ненормальное, прерывающее их традицию и само существование, то для реформ пауза представляет собой абсолютно нормальное явление. Логика здесь такова: возникает комплекс причин, приводящих к реформе, потом проводится сама реформа, устраняющая причины, ее вызвавшие, затем идет период функционирования пореформенной системы. В дальнейшем меняются внешние условия, система перестает удовлетворять сложившейся ситуации, и это приводит к следующей реформе. Исходя из данного критерия, периодизация судебных преобразований построена на основании деления исторических временных промежутков, установления их рамок и характеристик.

Контекстно-средовой критерий. Стоит обратить исследовательское внимание на то, что во все выделяемые нами периоды судебных преобразований менялась как сама общественно-политическая среда, так и социальный контекст, определявший необходимость изменений в судебной сфере. Как правило, это связано с тем, что судебные реформы и судебные преобразования проводились вместе (на фоне)

масштабных социально-политических и экономических трансформаций.

Так, в 60-е гг. XIX в. и в конце XX — начале XXI в. судебные преобразования проводились в условиях кардинальной перестройки общественной жизни, сами судеустройственные изменения не являлись исключительной целью государственной политики, а представляли собой лишь одно, хотя и важное, из ее направлений. Во второй половине XIX в. судебную реформу предваряли крестьянская реформа 1861 г., университетская реформа 1863 г., земская реформа 1864 г. За ней последовали городская и военная реформы, реформы в сфере финансов и среднего образования. В конце XX — начале XXI в. реформированию подверглись также все сферы жизни: экономическая, социальная, судебная и пр. Принципиальным отличием стало то, что реформы Александра II не привели к изменению государственного строя как такового. Демократизация и либерализация затронули отчасти государственное управление, но именно государственный строй оставался неизменным. Судебная реформа 1864 г. (как и другие «великие реформы») стала следствием не изменения государственного устройства и принципов государственного управления, а отмены крепостного права, кардинальным образом изменившей социальную структуру общества и радикально повлиявшей на экономику страны. В декабре 1991 г. распался СССР, и это стало толчком к новому государственному строительству в России и других бывших союзных республиках. Судебная реформа конца XX — начала XXI в. стала следствием не какой-либо другой реформы, а результатом становления новой государственности, изменения политического строя, так что преобразования в судебной сфере шли в условиях демократизации государства и общества³⁸.

Таким образом, контекст судебных преобразований и реформ, а также характеризующая их социальная, экономическая и политическая среда выступают одним из ориентиров (критериев) для выделения этапов (периодов) судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI в., поскольку позволяют передать реальные тенденции общественной жизни и господствующих идеологических настроений.

³⁸ Большакова В. М. Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века. С. 98.

Аксиологический критерий. Причинами и предпосылками, а также сущностными отличиями выделяемых периодов (подпериодов) судебных преобразований являются не только изменения в политической или экономической сферах, но и необходимость утверждения новых нормативно-правовых основ судостроительства или оптимизация организационно-штатной структуры. Каждый этап (период, подпериод) судебных преобразований, производимый в исследуемых хронологических рамках, совпал с коренными изменениями мировоззрения отечественных коллективных субъектов на разных уровнях социальной и властной иерархии. Кардинальность эта заключается в резком переходе от одной ведущей системы ценностных установок к другой, порождающей необходимость социальным институтам соответствовать новым ценностным и идеологическим ориентирам. Это обуславливало и новое структурное построение судебной системы, ее место в общей системе государственной власти и внутреннее строение, а также перечень решаемых ею задач и выполняемых функций. Именно поэтому среди критериев периодизации судебных преобразований в России второй половины XIX — начала XXI в. выделяется (применяется) аксиологический или ценностный критерий, выполняющий ценностно-ориентационные и смысловые функции, позволяющий разделить этапы судебных преобразований по содержанию ценностных ориентаций и идеологических установок, приведших к таковому и характерных конкретно для него. Отечественный исторический и политический опыт богат примерами, когда именно ценностные установки и идеологические ориентиры менялись

диаметрально противоположным образом, в том числе через силовой слом общественного строя и господствующей идеологии.

При обосновании аксиологического критерия мы использовали научные разработки в области аксиологических исследований. Ценностный подход широко исследован в философии, гуманитарных науках и праве. Тут достаточно упомянуть труды, имеющие теоретико-методологическое значение для настоящего исследования. К ним относятся работы А. А. Гусейнова³⁹, О. Г. Дробницкого⁴⁰, В. П. Зинченко⁴¹, М. С. Кагана⁴², А. В. Корнева⁴³ и др. Стоит отметить, что существует прямая зависимость наличия и строения судебной системы, а также проводимых судебных преобразований от господствующей системы ценностей и идеологии. Так было и с Великими реформами Александра II, когда тенденции становления демократических ценностей в монархическом по своей природе государстве привели к позитивным и коренным изменениям в судебной сфере: сначала ее становлению, а затем и кардинальному структурно-организационному переустройству. Это привело к отказу от прежнего сословного судостроительства и созданию новой судебной системы, основанной на демократических началах.

Распад Российской империи и становление пришедшего ей на смену революционным путем Советского государства характеризовался переходом от религиозных и самодержавных ценностей к системе ценностей коммунистической идеологии, внедрение которых в обществе сопровождалось острыми социальными противостояниями и противоречиями. Это привело к полному «демонтажу» имперской судебной

³⁹ Гусейнов А. А. Мораль и право: линии разграничения // Lex russica (Русский закон). 2018. № 8 (141). С. 7–22.

⁴⁰ Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М. : Политиздат, 1967. 351 с.

⁴¹ Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.

⁴² Каган М. С. Перспективы развития гуманитарного знания в XXI веке // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7. № 4 (28). С. 60–69.

⁴³ Корнев А. В. Идеология, ценности и их конституционное закрепление // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : материалы конференций в рамках X Московской юридической недели, Москва, 24–27 ноября 2020 г. : в 5 ч. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 8–13 ; Он же. Переоценка ценностей в цифровую эпоху // Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования : сборник научных трудов, Москва, 1–2 марта 2019 г. / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 132–142 ; Он же. Правовой нигилизм: отражение его сущности, содержания и форм в литературе и юридической науке // Lex russica (Русский закон). 2018. № 1 (134). С. 9–24.

системы и формированию уже ее советского варианта, который базировался совсем на других принципах и началах.

В свою очередь, распад СССР и образование на его территории нескольких независимых государств, в том числе и Российской Федерации, поставило задачу соответствия отечественного права современным демократическим тенденциям верховенства закона, уважения прав и свобод человека и гражданина, торжества идей справедливости и беспристрастности. Как свидетельствует социальная практика, а также многочисленные научные исследования, эта задача была успешно решена путем построения оптимальной и эффективной судебной системы, способной воплотить

на практике необходимые принципы судопроизводства.

Перейдем к анализу периодов судебных преобразований. Следует учитывать, что содержание одного периода может в различные его внутренние временные отрезки иметь разное сущностное наполнение. По этой причине возможно выделение внутри одного периода подпериодов, но критерием здесь служит не формальная привязка к тому или иному нормативному правовому акту, а именно сущность шедших в его продолжение судебных преобразований⁴⁴.

Характеристика периодов судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI в. представлена в таблице⁴⁵.

Периодизация судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI в.⁴⁶

Период судебных преобразований и его хронологические рамки	Содержательные характеристики периода (подпериода)
Первый период 20 ноября 1864 г. — 1 июля 1899 г.	Судебная реформа 1864 г. Начало реформы связано с подписанием Александром II Судебных уставов 1864 г., а окончание — с подписанием Николаем II Указа о завершении судебной реформы 1 июля 1899 г. Таким образом, формально судебная реформа длилась 35 лет, однако в реальности все было не совсем так. Концептуальными основами судебной реформы являлись Высочайше утвержденные основные положения преобразования судебной части в России от 29.09.1862. Реализация судебной реформы затянулась на 35 лет, новые судебные учреждения продолжали создаваться в некоторых губерниях даже после официального ее завершения. Изменения в Судебные уставы 1864 г. стали вноситься уже в первые годы после их принятия, однако наиболее интенсивно они происходили в 1870–1880-е гг. Фактически это были интенсивные судебные преобразования, но формально они шли в период судебной реформы 1864 г., который закончился в 1899 г. Говоря о периоде 1864–1899 гг., нельзя обойти вниманием деятельность Высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части (в научной литературе она обычно называется Комиссией Н. В. Муравьева), действовавшей в 1894–1899 гг. Ее целью была подготовка новой судебной реформы. Однако работа ее оказалась в целом безрезультатной. Таким образом, в рамках первого периода можно выделить три подпериода: а) 1860–1870-е гг. — время действия Судебных уставов 1864 г. практически в их первоначальном виде; б) конец 1870-х — 1880-е гг. — время интенсивных судебных преобразований, в ходе которых была изменена сущность ряда институтов судебной реформы 1864 г.; в) 1890-е гг. — время функционирования судебной системы на основании судебного законодательства, измененного в предшествующий подпериод

⁴⁴ Демичев А. А., Большакова В. М., Илюхина А. В. Указ. соч. С. 37.

⁴⁵ Большакова В. М. Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века. С. 89.

⁴⁶ Большакова В. М. Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века. С. 89–98.

Период судебных преобразований и его хронологические рамки	Содержательные характеристики периода (подпериода)
<i>Второй период</i> 1 июля 1899 г. — 22 ноября (5 декабря) 1917 г.	Преобразование судостроительства и судопроизводства, созданных Судебными уставами 1864 г. и трансформированных в конце 1870-х — 1880-е гг. Начало периода связано с официальным завершением судебной реформы 1864 г., а окончание — с принятием Советом народных комиссаров РСФСР декрета «О суде» 22 ноября (5 декабря) 1917 г., которым была упразднена судебная система Российской империи с ее органами и учреждениями. В течение данного периода судебные преобразования шли достаточно спокойно. Однако ситуация кардинально изменилась после прихода к власти Временного правительства — судебные преобразования с марта по октябрь 1917 г. шли весьма интенсивно. Возможно, в дальнейшем они могли бы вылиться в новую реформу. Однако в реальности этого не произошло. То, что сделало Временное правительство в судебной сфере, представляет собой не реформу, а именно преобразования. Преобразования скоротечные, не всегда сбалансированные и продуманные, часто конъюнктурные и направленные на решение сиюминутных проблем. Для столь короткого отрезка времени не было разработано концептуальных основ судебных преобразований. Таким образом, в рамках данного периода можно выделить два подпериода: а) июль 1899 г. — март 1917 г. — время функционирования судебной системы на основании судебного законодательства конца 1870-х — 1880-х гг. Сущностно этот подпериод практически ничем не отличался от того, что происходило в 1890-е гг.; б) март — октябрь 1917 г. — время интенсивных судебных преобразований, проводимых Временным правительством, которые должны были кардинальным образом изменить российское судостроительство и судопроизводство. Однако на практике многие законодательные нововведения не были реализованы
<i>Третий период</i> 22 ноября (5 декабря) 1917 г. — 25 мая 1922 г.	Судебные преобразования первых лет Советской власти. Начало периода связано с принятием Декрета о суде № 1 22 ноября (5 декабря) 1917 г., уничтожением имперской судебной системы и началом формирования советской судебной системы, а окончание — с принятием УПК РСФСР 25 мая 1922 г. первого нормативного акта, положившего начало судебной реформе 1922 г. В течение этого времени был принят целый ряд актов, направленных на создание советского судостроительства и судопроизводства. Отказ от дореволюционного государственного устройства, включая органы судебной власти, требовал создания новой судебной системы. При этом Советское государство действовало в режиме цейтнота, его первоочередной задачей являлось «отречение от старого мира» вместе с уничтожением всех его атрибутов. Соответственно, у Советской власти не было времени на концептуальные разработки, не было системного подхода к преобразованиям в судебной сфере — требовалось максимально быстро решать возникающие проблемы. Ситуация была осложнена Первой мировой войной, завершившейся в 1918 г., гражданской войной и иностранной интервенцией
<i>Четвертый период</i> 25 мая 1922 г. — 10 июля 1923 г.	Судебная реформа 1922 г. Начало периода обуславливается принятием УПК РСФСР 25 мая 1922 г., положившим начало судебной реформе, а окончание — принятием ГПК РСФСР от 10.07.1923. Между этими нормативными актами было принято еще несколько документов, имевших принципиальное значение и направленных на создание советских судостроительства, адвокатуры, прокуратуры и нотариата. Дискуссионным остается вопрос о наличии разработанных концептуальных основ судебной реформы 1922 г., но нельзя сказать, что идеи, связанные с проведением судебной реформы 1922 г., не обсуждались или обсуждались кулуарно. Напротив, они не только активно дискутировались среди юридической общественности, но и нашли текстовое выражение на партийно-государственном уровне. Так, в п. 17 Резолюции XI Всероссийской конференции РКП(б) от 22.12.1922 содержались положения, которые с определенной долей условности можно считать целеполагающими для будущей судебной реформы
<i>Пятый период</i> 10 июля 1923 г. — 24 октября 1991 г.	Преобразование судостроительства и судопроизводства в РСФСР, созданных в ходе судебной реформы 1922 г. Первая граница определяется принятием ГПК РСФСР от 10.07.1923 и, соответственно, окончанием судебной реформы 1922 г., а вторая граница — принятием постановления Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 «О Концепции судебной реформы в РСФСР», положившего начало судебной реформе в России. Этот период — самый длительный из всех рассматриваемых, и длился он практически всю советскую эпоху, за исключением первых пяти лет.

Период судебных преобразований и его хронологические рамки	Содержательные характеристики периода (подпериода)
	В разное время судебные преобразования, что вполне естественно, шли с разной интенсивностью. При этом причины преобразований крылись не только в потребностях самой судебной системы, развивающейся вместе с государством и обществом, но и напрямую зависели от политического курса. Важным стимулом для развития советской судебной системы было принятие Конституций СССР (1924, 1936, 1977 гг.) и РСФСР (1925, 1937 и 1978 гг.), вслед за которыми принимались законы, регулирующие судоустройство. Наиболее интенсивно судебные преобразования шли во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. Они стали следствием, с одной стороны, смены политического курса страны в период оттепели, а с другой стороны — следствием нормального развития судоустройства и судопроизводства, необходимости обновления устаревшего законодательства. После пика судебных преобразований во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. наступил определенный спад в законотворческой деятельности в сфере судоустройства и судопроизводства. Наиболее значимым стало принятие уже на исходе советской эпохи Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве от 13.11.1989. Таким образом, в рамках данного периода можно выделить три подпериода: а) 1920-е гг. — первая половина 1950-х гг.: время функционирования судоустройства и судопроизводства, введенных судебной реформой 1922 г., дальнейшее постепенное изменение различных судебных институтов в зависимости от меняющихся потребностей государства и общества, обусловленных динамикой их исторического развития (окончание новой экономической политики, Великая Отечественная война и др.); б) вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.: время интенсивных преобразований в судебной сфере, обновление судоустройственного и судопроизводственного законодательства; в) вторая половина 1960-х гг. — 1991 г.: время действия советской судебной системы на основании законодательства, принятого в предшествующий подпериод, сопровождавшееся достаточно «плавным» законотворчеством в соответствующей сфере
<i>Шестой период</i> 24 октября 1991 г. — 29 июля 2018 г.	Судебная реформа в современной России. Первая граница определяется принятием Концепции судебной реформы в РСФСР от 24.10.1991, вторая граница — принятием Федерального конституционного закона от 29.07.2018 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе РФ” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции», которым в России по окружному принципу были созданы кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции

Определение хронологических рамок шестого периода, его содержания, внутреннего структурирования и ряд других вопросов представляется чрезвычайно сложным и дискуссионным. Требуется детальный анализ вопроса о том, имела ли (имеет ли) место в России только одна растянутая по времени судебная реформа, либо было несколько самостоятельных судебных реформ, либо мы имеем дело с судебной реформой и последующими судебными преобразованиями, которые продолжаются до сих пор (например, путем упразднения Конституционных (уставных) судов субъектов РФ).

Заключение. Рассмотрев периодизацию судебных преобразований и критерии выделения ее периодов (подпериодов), стоит отметить следующее. Последняя реализованная в России судебная реформа — это третья полномасштаб-

ная реформа системы правосудия за историю нашего государства. Первая реформа была начата в 1864 г. и заключалась в попытке создать в России самостоятельную ветвь судебной власти. Вторая судебная реформа проходила в 1990-е гг. и имела сходные цели — создание подлинно независимого суда, самостоятельного судейского сообщества и системы судопроизводства, обеспечивающей высокий уровень правовой защищенности граждан и организаций. Несмотря на непростые внешние условия, этих целей удалось достичь в сжатые сроки: едва ли в мире найдутся другие государства, где удалось сформировать независимый суд менее чем за десятилетие. В отличие от предыдущих судебных реформ, она не ставила своей целью создание судебной власти, поскольку таковая уже создана. Были поставлены задачи развития

и модернизации правосудия, повышение его качества и эффективности, обеспечение высокого уровня правовой защищенности граждан и организаций, доверия гражданского общества к суду⁴⁷. Продолжение последней судебной реформы нашло отражение и в изменениях конституционных норм 2020 г. После внесения поправок в Конституцию РФ в Федеральный конституционный закон «О судебной системе» были внесены изменения Федеральным конституционным законом от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы». Однако, вопреки статьям 118 (ч. 1), 126, 128 (ч. 3) обновленной Конституции, в ч. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе» изменения (в части дополнения видов судопроизводства словом «арбитражного») внесены не были⁴⁸. Проследить логику законодателя в данном случае сложно — скорее, речь идет о юридико-технической ошибке. Можно говорить и о недостаточной проработанности перечня нормативных правовых актов (их положений), в которые необходимо было внести изменения в связи с принятием поправок к Конституции РФ.

Критерии выделения периодов (этапов) судебных преобразований, происходивших со второй половины XIX в. по настоящее время, в теоретическом и отраслевом аспектах выполняют определенные функции. Направленность этих функций носит целостный внешний и внутренний характер, когда они, с одной стороны, позволяют разделить судебные преобразования на определенные хронологические периоды, а с другой стороны, вскрывают причины и условия проводимых судебных преобразований, что более иллюстративно в сущностно-структурном и законодательно-применительном аспекте. Критерии периодизации судебных преобразований (нормативно-правовой; содержательный; контекстно-средовой; временной

и аксиологический) в своей системной совокупности выполняют информационные, классификационные, разделительные, оценочные, ценностно-ориентационные и организационно-структурные функции.

Современный уровень развития общественных процессов предъявляет самые высокие требования к ученым, которые должны обладать глубокими теоретическими и историческими знаниями, изучать зарубежный опыт, понимать современные проблемы, уметь выявлять тенденции развития общества, юридической науки и практики, формулировать конкретные предложения по совершенствованию законодательства⁴⁹. Исследование критериев судебных преобразований позволяет аккумулировать и классифицировать историко-правовые знания о системе отечественного судоустройства, что имеет образовательную и исследовательскую значимость.

Функционирующая в настоящее время отечественная судебная система стала квинт-эссенцией исторического правового опыта, результатом научных исследований сферы судоустройства и судопроизводства, достижением юридической техники, социальных запросов на законность и справедливое судебное разбирательство, а также системы ценностей, устоявшейся в российском обществе. Дальнейшее совершенствование отечественного судоустройства возможно с учетом актуальных социальных тенденций. Среди таковых можно выделить следующие: информатизация общества и расширение влияния информационных технологий на деятельность публичной власти; укрепление единства правового статуса судей и работников аппаратов судов; оценка эффективности и совершенствование функций специализированных судов; профессионализация юридического сообщества и оптимизация расходов государства на содержание судебной системы и участие граждан в отправлении правосудия.

⁴⁷ Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации (ч. I). С. 137.

⁴⁸ Большакова В. М., Наумов П. Ю. О некоторых вопросах гармонизации законодательства о судопроизводстве и представительстве: сравнительно-правовая характеристика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 373–387.

⁴⁹ Грачева Е. Ю., Васильева Т. А. Повышение качества диссертационных исследований: новые требования, новые проблемы. Интервью с председателем экспертного совета ВАК по праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 11–21.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бегишева Н. Ж. К вопросу о периодизации переходного государства в период Февральской революции 1917 года // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2009. — № S2. — С. 15–18.
2. Богданов Д. Е. Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины // Lex russica (Русский закон). — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 102–123.
3. Большакова В. М. Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века: историко-правовое исследование / под науч. ред. А. А. Демичева ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. — Тамбов : Державинский, 2021. — 660 с.
4. Большакова В. М. Генезис становления и развития судебной системы Российской Федерации в конце XX — начале XXI века: институциональные и нормативные характеристики // Право и политика. — 2021. — № 3. — С. 26–36.
5. Большакова В. М., Наумов П. Ю. О некоторых вопросах гармонизации законодательства о судопроизводстве и представительстве: сравнительно-правовая характеристика // Актуальные проблемы государства и права. — 2021. — Т. 5. — № 19. — С. 373–387.
6. Грачева Е. Ю., Васильева Т. А. Повышение качества диссертационных исследований: новые требования, новые проблемы. Интервью с председателем экспертного совета ВАК по праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2018. — Т. 13. — № 1. — С. 11–21.
7. Грачева Е. Ю. История финансового права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2015. — № 3 (7). — С. 28–45.
8. Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Принципы организации и типологизации судебных систем // Государство и право. — 2018. — № 1. — С. 102–106.
9. Гребнев Р. Д. На пути к новой концепции судоустройства в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2015. — № 1. — С. 70–74.
10. Гребнев Р. Д. Судебная власть в структуре механизма государства и в системе разделения властей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2015. — № 4. — С. 48–63.
11. Гусейнов А. А. Мораль и право: линии разграничения // Lex russica (Русский закон). — 2018. — № 8 (141). — С. 7–22.
12. Демичев А. А., Большакова В. М., Илюхина А. В. Периодизация истории судебных преобразований в России во второй половине XIX — XXI в. // История государства и права. — 2021. — № 5. — С. 34–45.
13. Диев В. С. Критерии выбора альтернатив: рациональные модели и реальные решения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». — 2012. — Т. 10. — № 1. — С. 5–12.
14. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. — М. : Политиздат, 1967. — 351 с.
15. Жуйков В. М. Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал российского права. — 2010. — № 7 (163). — С. 5–17.
16. Жуйков В. М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал российского права. — 2017. — № 8 (248). — С. 135–150.
17. Жуйков В. М. Так называемая «оптимизация» — это путь в никуда // Закон. — 2018. — № 1. — С. 6–17.
18. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. — 2011. — № 8. — С. 85–97.
19. Исаев И. А. Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия // Научные труды. Российская академия юридических наук. — М. : Юрист, 2015. — С. 148–150.
20. Исаев И. А. Метафоры Закона: от «света» к «пламени» // Lex russica (Русский закон). — 2021. — № 6 (175). — С. 23–35.
21. Каган М. С. Перспективы развития гуманитарного знания в XXI веке // Личность. Культура. Общество. — 2005. — Т. 7. — № 4 (28). — С. 60–69.
22. Каган М. С. Системность и целостность // Художественное образование и наука. — 2017. — № 3. — С. 8–11.
23. Клеандров М. И. О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 1. — С. 7–11.
24. Клеандров М. И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. — 2021. — № 3. — С. 7–23.

25. Кодан С. В. Современные методологические подходы в исследовательских стратегиях изучения историографии истории политических и правовых учений // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2020. — № 4. — С. 155–181.
26. Колоколов Н. А. Правосудие эпохи постмодерна // Мировой судья. — 2019. — № 10. — С. 3–13.
27. Колоколов Н. А. Процессуальная революция: предпосылки, осуществление, последствия // Современное право России: проблемы и перспективы : материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 5 декабря 2019 года. — М. : Институт мировых цивилизаций, 2020. — С. 290–297.
28. Корнев А. В. Идеология, ценности и их конституционное закрепление // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : материалы конференций в рамках X Московской юридической недели, Москва, 24–27 ноября 2020 г. : в 5 ч. — М. : РГ-Пресс, 2021. — С. 8–13.
29. Корнев А. В. Переоценка ценностей в цифровую эпоху // Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования : сборник научных трудов, Москва, 1–2 марта 2019 г. / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. — М. : РГ-Пресс, 2019. — С. 132–142.
30. Корнев А. В. Правовой нигилизм: отражение его сущности, содержания и форм в литературе и юридической науке // Lex russica (Русский закон). — 2018. — № 1 (134). — С. 9–24.
31. Краковский К. П. Судебная контрреформа, «судебная контрреформа» или так называемая судебная контрреформа // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2018. — № 2. — С. 139–170.
32. Латышева Н. А. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации и содержание судебного делопроизводства // Российское правосудие. — 2021. — № 9. — С. 5–12.
33. Ломов Б. Ф., Керимов Д. А. Психология и право // Государство и право. — 1992. — № 12. — С. 10–21.
34. Мацкевич И. М., Власенко Н. А. Формализация специальностей научных исследований в сфере права: содержание и перспективы // Журнал российского права. — 2013. — № 6 (198). — С. 116–147.
35. Момотов В. В. Предлагаемая реформа продиктована самой жизнью // Судья. — 2017. — № 8 (80). — С. 4–7.
36. Момотов В. В. Роль судебной практики в правовой системе: российский опыт в мировом контексте // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2017. — № 5 (66). — С. 40–49.
37. Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (ч. I) // Журнал российского права. — 2018. — № 10 (262). — С. 134–146.
38. Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (ч. II) // Журнал российского права. — 2019. — № 12. — С. 68–89.
39. Момотов В. В. Российское правосудие на современном этапе: основные тенденции развития // Судья. — 2018. — № 8 (92). — С. 41–51.
40. Немытина М. В. § 4. Судебная реформа 1864 г. на социокультурном пространстве Российской империи // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах : кол. монография. — СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. — С. 176–187.
41. Отческая Т. И., Мишакова Н. В., Голощапова Т. И. Честность как базисная составляющая профессионального профиля судьи // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 463. — С. 240–250.
42. Рудковская И. Е. Хронология и периодизация в историографической традиции позднего Просвещения // Диалог со временем. — 2016. — № 56. — С. 126–150.
43. Савенков А. Н. Философия права и юридическое мышление: история и современность // Вопросы философии. — 2019. — № 8. — С. 38–48.
44. Синюков В. Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica (Русский закон). — 2018. — № 10 (143). — С. 18–29.
45. Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica (Русский закон). — 2021. — № 2 (171). — С. 9–20.
46. Степин В. С. О методологических подходах к анализу социального познания // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. — 2014. — № 3. — С. 3–10.
47. Туганов Ю. Н., Аулов В. К. Генезис арбитража и проблемы периодизации: 1924–1931 гг. // Военное право. — 2020. — № 3 (61). — С. 161–172.
48. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2021. — Т. 17. — № 1. — С. 6–12.

49. Цалиев А. М. О судебной власти в России (в свете конституционных новелл) // Российский судья. — 2021. — № 4. — С. 35–40.
50. Чернов А. В., Блохин В. В. Периодизация правления Александра I в советской историографии // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 378–393.

Материал поступил в редакцию 28 декабря 2021 г.

REFERENCES

1. Begisheva NZh. K voprosu o periodizatsii perekhodnogo gosudarstva v period Fevral'skoy revolyutsii 1917 goda [On the question of the periodization of the Transitional State during the February Revolution of 1917]. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta [Science Vector of Togliatti State University]*. 2009;S2;15-18. (In Russ.)
2. Bogdanov DV. Postmodern v rossiyskom chastnom prave: vzaimodeystvie pravovoy i sudebnoy doktriny [Postmodernity in Russian Private Law: Interaction of Legal and Judicial Doctrine]. *Lex russica*. 2021;(11):102-123. (In Russ.)
3. Bolshakova VM. Dinamika sudebnykh preobrazovaniy v Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XXI veka: istoriko-pravovoe issledovanie [Dynamics of judicial transformations in Russia in the second half of the 19th — beginning of the 21st century: Historical and legal research]. Demicheva AA, editor. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Tambov: Derzhavinskiy; 2021. (In Russ.)
4. Bolshakova VM. Genezis stanovleniya i razvitiya sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii v kontse XX — nachale XXI veka: institutsionalnye i normativnye kharakteristiki [The genesis of the formation and development of the judicial system of the Russian Federation in the late 20 — early 21 century: Institutional and regulatory characteristics]. *Pravo i politika [Law and politics]*. 2021;3:26-36. (In Russ.)
5. Bolshakova VM, Naumov PYu. O nekotorykh voprosakh garmonizatsii zakonodatelstva o sudoproizvodstve i predstavitelstve: sravnitel'no-pravovaya kharakteristika [On some issues of harmonization of legislation on legal proceedings and representation: Comparative legal characteristics]. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava [Current Issues of the State and Law]*. 2021;5(19):373-387. In Russ.)
6. Gracheva EYu, Vasilyeva TA. Povyshenie kachestva dissertatsionnykh issledovaniy: novye trebovaniya, novye problemy. Intervyu s predsedelem ekspertnogo soveta VK po pravu [Improving the quality of dissertation research: New requirements, new problems. Interview with the Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission on Law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]*. 2018;13(1):11-21. (In Russ.)
7. Gracheva EYu. Istoriya finansovogo prava [History of financial law]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2015;3(7):28-45. (In Russ.)
8. Grebennikov VV, Grudtsyna LYu. Printsipy organizatsii i tipologizatsii sudebnykh sistem [Principles of organization and typologization of judicial systems]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 2018;1:102-106. (In Russ.)
9. Grebnev RD. Na puti k novoy kontseptsii sudoustroystva v Rossiyskoy Federatsii [On the way to a new concept of the judicial system in the Russian Federation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki» [RUDN Journal of Law. Series «Legal Sciences»]*. 2015;1:70-74. (In Russ.)
10. Grebnev RD. Sudebnaya vlast v strukture mekhanizma gosudarstva i v sisteme razdeleniya vlastey [Judicial power in the structure of the mechanism of the state and in the system of separation of powers]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki» [RUDN Journal of Law. Series «Legal Sciences»]*. 2015;4:48-63. (In Russ.)
11. Guseynov AA. Moral i pravo: liniya razgranicheniya [Morality and law: A demarcation line]. *Lex russica*. 2018;8(141):7-22. (In Russ.)
12. Demichev AA, Bolshakova VM, Ilyukhina AV. Periodizatsiya istorii sudebnykh preobrazovaniy v Rossii vo vtoroy polovine XIX — XXI v. [Periodization of the history of judicial transformations in Russia in the second half of the 19th — 21st century]. *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*. 2021;5:34-45. (In Russ.)
13. Diev VS. Kriterii vybora alternativ: ratsionalnye modeli i realnye resheniya [Criteria for choosing alternatives: Rational models and real solutions]. *Vestnik NSU. Series «Philosophy»*. 2012;10(1):5-12. (In Russ.)

14. Drobnitskiy OG. Mir ozhivshikh predmetov. Problema tsennosti i marksistskaya filosofiya [The world of animated objects. The problem of value and Marxist philosophy]. Moscow: Politizdat; 1967. (In Russ.)
15. Zhuykov VM. Obshchaya kontseptsiya razvitiya protsessualnogo zakonodatelstva i zakonodatelstva o sudoustroystve [The general concept of the development of procedural legislation and legislation on the judicial system]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2010;7(163):5-17. (In Russ.)
16. Zhuykov VM. O nekotorykh problemakh razvitiya protsessualnogo zakonodatelstva i zakonodatelstva o sudoustroystve [On some problems of the development of procedural legislation and legislation on the judicial system]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2017;8(248):135-150. (In Russ.)
17. Zhuykov VM. Tak nazyvaemaya «optimizatsiya» — eto put v nikuda [The so-called «optimization» is the way to nowhere]. *Zakon [Law]*. 2018;1:6-17. (In Russ.)
18. Zinchenko VP. Tsennosti v strukture soznaniya [Values in the structure of consciousness]. *Voprosy filosofii*. 2011;8:85-97. (In Russ.)
19. Isaev IA. Sudebnaya reforma 1864 g.: tseli i protivorechiya [Judicial reform of 1864: Goals and contradictions]. Scientific works. Russian Academy of Legal Sciences. Moscow: Yurist, 2015. (In Russ.)
20. Isaev IA. Metaforы Zakona: ot «sveta» k «plameni» [Metaphors of the Law: from «the Light» to «the Flame»]. *Lex russica*. 2021;74(6):23-35. (In Russ.)
21. Kagan MS. Perspektivy razvitiya gumanitarnogo znaniya v XXI veke [Prospects for the development of humanitarian knowledge in the 21st century]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo [Personality. Culture. Society]*. 2005;7(4):60-69. (In Russ.)
22. Kagan MS. Sistemnost i tselostnost [Consistency and integrity]. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka [Art education and science]*. 2017;3:8-11. (In Russ.)
23. Kleandrov MI. O problemnykh novovvedeniyakh 2020 goda v Konstitutsiyu RF v sfere mekhanizma pravosudiya [On the problematic innovations of 2020 in the Constitution of the Russian Federation in the field of the mechanism of justice]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2021;1:7-11. (In Russ.)
24. Kleandrov MI. O napravleniyakh sovershenstvovaniya mekhanizma sudebnoy vlasti v obespechenii spravedlivosti pravosudiya [On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring the fairness of justice]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 2021;3:7-23. (In Russ.)
25. Kodan SV. Sovremennye metodologicheskie podkhody v issledovatel'skikh strategiyyakh izucheniya istoriografii istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy [Modern methodological approaches in research strategies for studying historiography of the history of political and legal doctrines]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs [Historical-Legal Problems: The New Viewpoint]*. 2020;4:155-181. (In Russ.)
26. Kolokolov NA. Pravosudie epokhi postmoderna [Postmodern justice]. *Mirovoy sudya [Magistrate Judge]*. 2019;10:3-13. (In Russ.)
27. Kolokolov NA. Protsessualnaya revolyutsiya: predposylki, osushchestvlenie, posledstviya [Procedural revolution: Prerequisites, implementation, consequences]. *Sovremennoe pravo Rossii: problemy i perspektivy : materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 5 dekabrya 2019 goda [Modern Law of Russia: Problems and Prospects : Proceedings of the 4 International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 5, 2019]*. Moscow: Institut mirovykh tsivilizatsiy; 2020. (In Russ.)
28. Kornev AV. Ideologiya, tsennosti i ikh konstitutsionnoe zakreplenie [Ideology, values and their constitutional consolidation]. In: *Novelly Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i zadachi yuridicheskoy nauki: materialy konferentsiy v ramkakh X Moskovskoy yuridicheskoy nedeli, Moskva, 24–27 noyabrya 2020 g.: v 5 ch. [Novelties of the Constitution of the Russian Federation and the tasks of legal science: Proceedings of conferences within the framework of the 10 Moscow Legal Week, Moscow, November 24-27, 2020. In 5 vols.]*. Moscow: RG-Press; 2021. P. 8-13. (In Russ.)
29. Kornev AV. Pereotsenka tsennostey v tsifrovuyu epokhu [Revaluation of values in the digital age]. In: *Artemov VM, Rybakov OYu, editors. Nauchno-tekhnologicheskie transformatsii v sovremennoy obshchestve: npravstvenno-filosofskoe osmyslenie i osobennosti pravovogo regulirovaniya: sbornik nauchnykh trudov, Moskva, 1–2 marta 2019 g. [Scientific and technological transformations in modern society: Moral and philosophical understanding and features of legal regulation. Collection of scientific papers, Moscow, March 1-2, 2019]*. Moscow: RG-Press; 2019. P. 132-142. (In Russ.)
30. Kornev AV. Pravovoy nihilizm: otrazhenie ego sushchnosti, sodержaniya i form v literature i yuridicheskoy nauke [Legal Nihilism: Its Essence, Content and Forms in Literature and Legal Science]. *Lex russica*. 2018;1:9-24. (In Russ.)

31. Krakovskiy KP. Sudebnaya kontrreforma, «sudebnaya kontrreforma» ili tak nazyvaemaya sudebnaya kontrreforma [Judicial counter-reform, «judicial counter-reform» or the so-called judicial counter-reform]. *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs [Historical-Legal Problems: The New Viewpoint]*. 2018;2:139-170. (In Russ.)
32. Latysheva NA. Popravki 2020 goda v Konstitutsiyu Rossiyskoy Federatsii i sodержanie sudebnogo deloproizvodstva [2020 Amendments to the Constitution of the Russian Federation and the content of court proceedings]. *Rossiyskoe pravosudie [Russian justice]*. 2021;9:5-12. (In Russ.)
33. Lomov BF, Kerimov DA. Psikhologiya i pravo [Psychology and law]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 1992;12:10-21. (In Russ.)
34. Matskevich IM, Vlasenko NA. Formalizatsiya spetsialnostey nauchnykh issledovaniy v sfere prava: sodержanie i perspektivy [Formalization of specialties of scientific research in the field of law: Content and prospects]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2013;6(198):116-147. (In Russ.)
35. Momotov VV. Predlagaemaya reforma prodiktovana samoy zhiznyu [The proposed reform is dictated by life itself]. *Sudya [Judge]*. 2017;8(80):4-7. (In Russ.)
36. Momotov VV. Rol sudebnoy praktiki v pravovoy sisteme: rossiyskiy opyt v mirovom kontekste [The role of judicial practice in the legal system: Russian experience in the global context]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2017;5(66):40-49. (In Russ.)
37. Momotov VV. Sudebnaya reforma 2018 goda v Rossiyskoy Federatsii: kontseptsiya, tseli, sodержanie (ch. I) [Judicial reform of 2018 in the Russian Federation: Concept, goals, content (part I)]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2018;10(262):134-146. (In Russ.)
38. Momotov VV. Sudebnaya reforma 2018 goda v Rossiyskoy Federatsii: kontseptsiya, tseli, sodержanie (ch. II) [Judicial reform of 2018 in the Russian Federation: Concept, goals, content (part II)]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2019;12:68-89. (In Russ.)
39. Momotov VV. Rossiyskoe pravosudie na sovremennom etape: osnovnye tendentsii razvitiya Russian justice at the present stage: The main development trends]. *Sudya [Judge]*. 2018;8(92):41-51. (In Russ.)
40. Nemytina MV. § 4. Sudebnaya reforma 1864 g. na sotsiokulturnom prostranstve Rossiyskoy imperii [Judicial reform of 1864 in the socio-cultural space of the Russian Empire]. In: *Sudebnaya pravovaya politika v Rossii i zarubezhnykh stranakh: kol. monografiya [Judicial legal policy in Russia and foreign countries. A Monograph]*. St. Petersburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy «sterion»; 2019. P. 176-187. (In Russ.)
41. Otchesky TI, Mishakova NV, Goloshchapova TI. Chestnost kak bazisnaya sostavlyayushchaya professional'nogo profilya sudi [Honesty as a basic component of a judge's professional profile]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2021;463:240-250. (In Russ.)
42. Rudkovskaya IE. Khronologiya i periodizatsiya v istoriograficheskoy traditsii pozdnego Prosveshcheniya [Chronology and Periodization in the Historiographical Tradition of the Late Enlightenment]. *Dialog so vremenem [Dialogue with time]*. 2016;56:126-150. (In Russ.)
43. Savenkov AN. Filosofiya prava i yuridicheskoe myshlenie: istoriya i sovremennost [Philosophy of Law and Legal Thinking: History and Modernity]. *Voprosy filosofii*. 2019;8:38-48. (In Russ.)
44. Sinyukov VN. Zakonodatelstvo v Rossii: problemy sotsialnoy integratsii [Legislation in Russia: Challenges of social integration]. *Lex russica*. 2018;10(143):18-29. (In Russ.)
45. Sinyukov VN. Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost i novizna [Law of the 20th and 21st Centuries: Continuity and Novelty]. *Lex russica*. 2021;74(2):9-20. (In Russ.)
46. Stepin VS. O metodologicheskikh podkhodakh k analizu sotsialnogo poznaniya [Methodological approaches to the analysis of social cognition]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya [MSU Vestnik. Series 7: Philosophy]*. 2014;3:3-10. (In Russ.)
47. Tuganov YuN, Aulov VK. Genezis arbitrazha i problemy periodizatsii: 1924–1931 gg. [Genesis of arbitration and problems of periodization: 1924-1931]. *Voennoe pravo [Military law]*. 2020;3(61):161-172. (In Russ.)
48. Khabrieva TYa. Konstitutsionnaya reforma v Rossii v koordinatakh universal'nogo i natsional'nogo [Constitutional reform in Russia in the coordinates of universal and national]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2021;17(1):6-12. (In Russ.)
49. Tsaliev AM. O sudebnoy vlasti v Rossii (v svete konstitutsionnykh novell) [About the judicial power in Russia (In the light of constitutional novelties)]. *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2021;4:35-40. (In Russ.)
50. Chernov AV, Blokhin VV. Periodizatsiya pravleniya Aleksandra I v sovetskoy istoriografii [Periodization of the Reign of Alexander I in Soviet Historiography]. *Nauchnyy dialog [Scientific dialogue]*. 2020;12:378-393. (In Russ.)

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

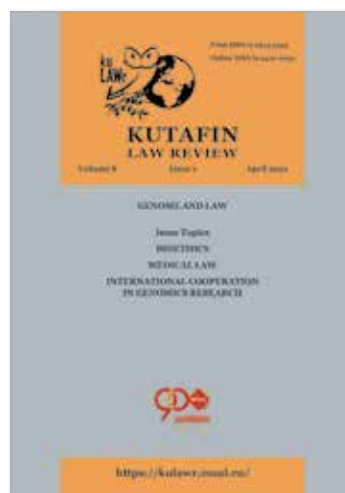
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008